

Теоретические проблемы региональной экономики

<i>Дубнов А.П., Дубовцев В.А.</i> Сибирь в геополитических теориях: благо, бремя, зло для России	3
<i>Зверев В.С., Лавровский Б.Л., Суслов В.И., Уиттура Г.А.</i> Формирование технологического базиса экономики региона	18

Региональная политика

и экономические проблемы федерализма

<i>Ларина Н.И.</i> Региональная политика в условиях унитарного федерализма	41
<i>Суслицын С.А.</i> Пространственные трансформации экономики России в контрастных сценариях ее развития: постановка проблемы и эмпирические оценки	51

Экономические проблемы развития регионов

<i>Крюков В.А.</i> Институциональные условия недропользования в России: результаты и следствия	72
--	----

Перспективы социально-экономического развития Сибири

<i>Кулешов В.В.</i> Стратегические проекты развития важнейших хозяйственных комплексов Сибири	94
---	----

Региональное развитие

и международное сотрудничество

<i>Лугачева Л.И., Соломенникова Е.А.</i> Формы внешнеэкономической деятельности предприятий Сибирского федерального округа	113
--	-----

Социальные проблемы регионального развития

<i>Арсентьева Н.М., Бусыгин В.П., Харченко И.И.</i> Модели поведения молодежи в сфере образования и на рынке труда: механизмы и факторы формирования	126
--	-----

Региональные и межрегиональные аспекты

структурной и инвестиционной политики

<i>Татаркин А.И.</i> Формирование конкурентных преимуществ регионов	141
<i>Марков Л.С., Ягольницер М.А.</i> Измерение эффективности функционирования кластера информационных технологий	155
<i>Наумова А.В.</i> Основные этапы развития регионального рынка рекламы	171

Зарубежный опыт региональной науки,

региональной политики и территориального развития

<i>Егоров О.И., Чигаркина О.А.</i> Нефтегазовый комплекс Казахстана: состояние и перспективы развития.	177
--	-----

Российско-канадская программа

«Обмен опытом управления северными территориями»

<i>Думова И.И., Парфенов В.М., Саратовская Т.С.</i> Проблемы управления развитием Тофаларии – территории традиционного природопользования	190
---	-----

Научная жизнь

<i>Боннано А.</i> Экономика преступности: новые подходы	198
---	-----

Регионы России: цифры и факты

<i>Зубов В.М.</i> Тарифная пауза естественных монополий	210
<i>Суслицын С.А.</i> Сводные индексы положения регионов Российской Федерации по федеральным округам в 2005 г.	213

Наши авторы	221
Summary	223

Theoretical Issues of Regional Economics

- Dubnov, A.P.* and *V.A. Dubovtsev*. Siberia in geopolitical theories: blessing, burden, evil for Russia. 3
- Zverev, V.S., B.L. Lavrovskii, V.I. Suslov, and G.A. Untura*. The formation of the technological basis of region's economy 18

Regional Policy and Economic Issues of Federalism

- Larina, N.I.* Regional policy under unitary federalism 41
- Suspitsin, S.A.* Spatial transformations of Russia's economy in extreme scenarios of its development: the problem and empirical estimations 51

Economic Issues of Regional Development

- Kryukov, V.A.* Institutional framework in the use of mineral resources in Russia: results and consequences 72

Prospects in the Social-economic Development of Siberia

- Kuleshov, V.V.* Strategic projects of the development of the key economic complexes of Siberia. 94

Regional Development and International Cooperation

- Lugacheva, L.I. and Ye.A. Solomennikova*. Forms of the foreign trade activity used by enterprises of the Siberian Federal District 113

Social Issues of Regional Development

- Arsentyeva, N.M., V.P. Busygin, and I.I. Kharchenko*. The youth behavioral patterns in the sphere of education and in the labor market: mechanisms and factors of formation 126

**Regional and Interregional Aspects
of the Structural and Investment Policy**

- Tatarkin, A.I.* The formation of regions' competitive advantages 141
- Markov, L.S. and M.A. Yagolnitsker*. The measurement of the efficiency of the cluster of information technologies 155
- Naumova, A.V.* The main stages in the development of a regional advertisement market 171

**Foreign Experience in Regional Science,
Regional Policy and Spatial Development**

- Yegorov, O.I. and O.A. Chigarkina*. Oil and gas complex of Kazakhstan: status quo and prospects of development. 177

Russia-Canada Program

Exchange of Experience in Northern Development

- Dumova, I.I., V.M. Parfenov, and T.S. Saratovskaya*. Issues in the development of Tofalaria – an area of the traditional management of nature 190

Research Notes

- Bonnano, A.* The economics of crime: the new perspectives 198

Regions of Russia: Figures and Facts

- Zubov, V.M.* A tariff pause of natural monopolies 210
- Suspitsin, S.A.* Summary indices for the Russian Federation regions across federal districts, 2005. 213

- Our authors. 221
- Summary. 223

СИБИРЬ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕОРИЯХ: БЛАГО, БРЕМЯ, ЗЛО ДЛЯ РОССИИ

А.П. Дубнов, В.А. Дубовцев

Пространственно-временные координаты, объективные и субъективные детерминанты, которые в течение последних 500 лет предопределяли и формировали исторические судьбы царской России, СССР и его союзных республик, современной России и ее макрорегионов – Урала, Сибири и Дальнего Востока, – это, по мнению авторов,

- историческое членение времени и геопространства;
- динамика этнонациональных, геополитических, геоэкономических, духовно-религиозных, транскультурных процессов, мировых и региональных межгосударственно-геополитических, классовых, расовых и межэтнических войн;
- политическая воля национальных лидеров различных исторических эпох;
- геополитическая мысль Европы и США;
- частичная реализация идеи евразийского коммунизма и европейского фашизма, абсолютной власти над миром;
- космополитическая мысль теоретиков постиндустриально-информационной эпохи и космической эры;
- идеи стратегов экономической глобализации и глобальной экспансии научно-информационного потенциала стран и регионов, идеи лидеров легальных и теневых политических элит;
- инфицирование функциональных структур и трофических сетей цивилизации вирусом мирового криминала;
- энтропия прошлого и непростая судьба цивилизации.

Наше понимание и обобщение фундаментальной связи России и Сибири – одного из стратегических макрорегионов страны в Евразии заключено в трех словах заголовка этой статьи. Таким способом мы вводим представление о темпорально-ценностных ориентирах России, которые пока слабо заметны при анализе исторического прошлого. В статье речь

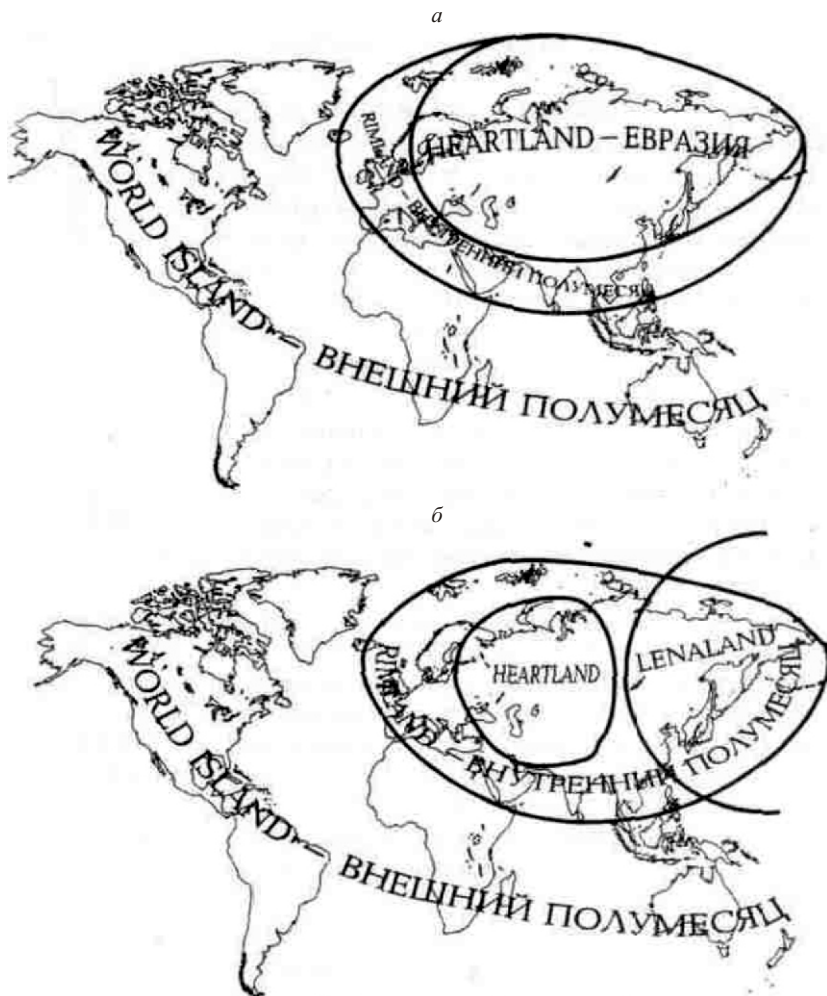
пойдет о пространственно-геополитическом благе для России ее евразийского масштаба огромной территории, о трансформации блага России в бремя для нее. Чем как не «бременем» для столичных политиков (но не геополитиков) можно объяснить, например, «сброс с имперского воза» России во второй половине XIX в. Аляски или демонстративное несопротивление распаду СССР с последующим отторжением территорий с запада, юга и востока? Темпорально-ценностные ориентиры России необходимы и при определении будущего Сибири в стратегиях, программах, суперпроектах, межгосударственных соглашениях и сделках.

Дело в том, что наблюдаемая в последнее время прагматичная экономизация стратегий, программ, традиционных и инновационных проектов развития Сибири характеризуется тоннельным видением будущего. Нетупиковое видение конструктивных и деструктивных сценариев требует рассмотрения магистральных траекторий развития Сибири, России и мира (по И. Валлерстайну, это миросистемная аналитика [1, 2]).

Геополитически становление Российской империи и присоединение Сибири – это экспансия власти Москвы (как Третьего Рима) на геопространство Евразии, это экспансия России. С присоединением Сибири Россия на 400 лет опередила мировое сообщество в первичном освоении сибирских и северных территорий и акваторий Северного Ледовитого океана. Северные территории Европейской России, Сибирь и Дальний Восток прихотью тысячелетних мегациклов расселения народов и планетарной миграции оказались совместно с Аляской, Канадой, Гренландией и Скандинавией резервным ареалом жизненного пространства и сырьевых топливно-энергетических ресурсов человечества. Потребовалось более 200 лет, чтобы понять полный смысл высказывания М.В. Ломоносова о том, что российское могущество будет прирастать Сибирью и Северным Ледовитым океаном. Только сегодня видна возможность убывания этого могущества на востоке российской территории Евразии после распада Советского Союза, бывшие республики которого составляют сегодня скорее виртуальное, нежели реальное Содружество Независимых Государств.

РОССИЯ И СИБИРЬ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕОРИЯХ ЗАПАДА

В начале XX в. Х. Маккиндер сформулировал глобальную историко-географическую парадигму геополитики: географическая ось истории протекает в сердцевине Мирового острова. Концентрическую организацию геополитического пространства планеты завершает береговая полоса

Две версии геополитического деления СССР
(см.: Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. – М.: Арктогея, 1997)

а – базовая схема, предложенная Маккиндером в 1905 г.; б – схема, предложенная Маккиндером в 1943 г. Разница заключается в представлении о сибирских территориях, лежащих к востоку от Енисея

государств (внешний полумесяц Мирового острова). По Маккиндеру, история как геополитика, геокультура и геоэкономика протекает в глобальном, но замкнутом пространстве. Это великое благо лимитировано географическими границами, и его замкнутость обуславливает геополитический и геоэкономический дележ между мировыми претендентами, воздействуя, таким образом, на всю цивилизацию. Исходная схема Маккиндера и схема, модернизированная им в середине Второй мировой войны, иллюстрирующие его концепции, представлены на рисунке. Обратим внимание на два важных смысла этих схем. Во-первых, Маккиндер прозорливо выделил внутренний полумесяц, где как раз и произошло сжатие территории СССР до границ современной России. Во-вторых, он в середине Второй мировой войны очертил ареал жизненного пространства СССР, если территория до Урала будет захвачена Германией, – это *Lenaland* (земля р. Лена), в центре которой Якутия, зона БАМа, Транссиб, слева – Западная Сибирь, справа – Дальний Восток.

А. Мэхэн за 10 лет до Х. Маккиндера предсказал США статус ведущей морской державы мира. Для США как морской державы главной стратегической задачей было создание «анаконды», блокирующей с моря континентальную Евразию, кто бы там ни господствовал. Современная стратегия США (война в Афганистане, Ираке, «модернизация» Украины, Грузии и т.д.) – это развитие идеи Мэхэна.

В 70-х годах Ф. Бродель создает миросистемную концепцию геоэкономики и геополитики. Идея концентрической организации глобального пространства получает развитие в концепции концентрически организованных миросистем с центром и периферией. Миросистемы включаются в систему пяти форм расширяющегося времени, соответственно – пяти целостных пространственно-временных образований истории. Это история событий, история циклов, история переходных процессов (кризисов), история больших длительностей существования миросистем и история времени для мудрецов, т.е. историческое время как вечность. В своей известной работе «Время мира» [3] Бродель дает характеристику становления европейского мира-экономики (миросистемы по Валерстайну) и мира-экономики России. Время мира, по Броделю, вмещает в себя глобальную хронологию четырех столетий, осмысленную как возникновение борьбы и сосуществования четырех миров-экономик. В этом времени мира оказываются равносущественными «изобретение» Европой Америки и Россией – Сибири. Особый смысл вложен в слово «изобретение». В геопланетарном смысле два мира-эко-

номики – Европа и Россия встретились на Аляске посредством «изобретения» Америки и Сибири.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ КИТАЯ

Китайская геополитическая концепция возникла вместе с зарождением китайского государства и начала реализовываться еще за 200 лет до новой эры. Более 2 тыс. лет геополитическая картина мира китайцев такова: Китай есть колыбель человеческой цивилизации, это Срединное царство, вокруг которого концентрично располагаются варварские племена. Китаецентризм реализуется так, что мир как бы приближается к своему неподвижному центру – Срединной империи. Этому способствует природно-ресурсная самодостаточность Китая. Китай превращает свою экономику в современную с учетом геополитических ограничений, т.е. не разрушая целостности территории, власти, культуры, суперэтнуса. На его территории сосредоточивается 1,5 млрд чел.

Китайская эмиграция (хуацяо) носит специфический геополитический характер, который уже почувствовала Россия, после того как ее границы стали проницаемыми для иностранцев. Китайцы диффундируют через границы стран мира, встраиваются в их экономику в форме сплоченных общин в местах населения, и эти общины никогда не порывают связи с родиной. Китайская диаспора в странах АТР обеспечивает 60% иностранных инвестиций в экономику Китая, ежегодные денежные переводы родственникам достигают 200 млн долл. США Демографическая геополитическая экспансия Китая имеет сначала экономический, затем политический характер.

Китайцы неспешно «осваивают» Дальний Восток, Сибирь и Урал, фактически захватывают геополитические приграничные территории и системы жизнеобеспечения вдоль огромной границы и уже по ее российскую сторону. Появились первые, обсуждаемые сегодня в прессе, оценки относительно 1 млн китайцев, незаконно живущих в Сибири и на Дальнем Востоке. Вошли в оборот броские фразы о прирастании могущества Китая Сибирью, все чаще говорится о близорукой политике федерального правительства России, как бы не замечающего широкомасштабного освоения китайцами сибирских просторов. Мирный характер освоения российских рынков китайскими «челноками», адаптация китайцев в административно-чиновничьей среде, системе образования, сельском хозяйстве, строительстве и промышленности районов Сибири и Дальнего Востока требуют

пристального внимания к российскому варианту хуацяо, чтобы разглядеть не экономический, а геополитический характер этого феномена.

Если Китай – континентальная геополитическая держава геостратегического масштаба, то Япония со своим мощным экономическим, научно-техническим и культурным потенциалом является морской державой, соперничающей с Китаем и США за главенство как в АТР, так и во всем мире. Китай и Япония геополитически олицетворяют классическое противостояние континентальных и морских держав. Однако геополитически Китай в будущем имеет несомненные преимущества перед Японией, – это интеграция факторов экономической и демографической динамики, это рост международного престижа в Евразии и во всем мире, это просто непонятный теоретикам – приверженцам одномерного набора национальных ценностей Запада, поражающий воображение синергетический сплав ценностей конфуцианства и марксизма, централизованного управления и рынка, это захват лидерства в АТР, это тихий охват всего мира китайской диаспорой. В действительности «Страна восходящего солнца» – это не Япония, а Китай. Он ждет своего звездного часа и приближает его.

СИБИРЬ И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК – ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ЭЛЛИПС РОССИИ

Северо-западное направление экспансии Российской империи взял на себя Санкт-Петербург. Вспомним, что покорение Сибири Московским царством предшествовало развитию западного геополитического сюжета, где главную роль играли основание Петром I в 1712 г. новой столицы государства, геополитические и культурно-экономические акции с ориентацией на Европу и Атлантику через выходы в Балтику и Черное море.

Ни одна империя не существовала без захвата территорий по периферии и удержания их в рамках новых границ политическими, экономическими и военными средствами. Ни одна империя не миновала в своем развитии фаз территориального роста, стабилизации и потери своей периферии, включая заморские колонии. Ни один из известных в истории переносов столицы не осуществлялся вне геополитического контекста усиления, стабилизации, задержки распада империи.

Звездчатая, территориально асимметричная, растянутая на северо-восток модель геополитического расширения Московской Руси до масштабов Российской империи определялась движением на восток, север

и юго-восток с овладением в течение 1581–1689 гг. бассейнами рек Иртыш, Обь, Енисей, Лена и Амур с выходом в моря Северного Ледовитого и Тихого океанов. На это потребовалось 100 лет при скорости присоединения Сибири в 100 тыс. кв. км в год. Москва оказалась в западном фокусе гигантского геополитического эллипса, т.е. большого материкового пространства Евразии.

За одно столетие Россия овладела пространствами Северной Азии. Выход России через Берингов пролив на Аляску замкнул миры Западной и Восточной Европы, которые встретились в Северной Америке: Берингов пролив был открыт в 1728 г., а в 1798 г. была создана Российско-Американская компания с правом монопольного пользования промышленными и ископаемыми ресурсами Аляски. Нужно помнить, что США в то время насчитывали всего лишь 20 лет от роду.

Если осмыслить высказывание Ломоносова о прирастании могущества России Сибирью и Северным Ледовитым океаном геополитически, то открывается его глубокий потаенный смысл. Могущество России может не только увеличиваться, но и уменьшаться, скажем, до уровня территории Московской Руси, если не остановить не сегодня начавшийся процесс геополитической дезинтеграции Сибири и Дальнего Востока относительно европейской части страны. Вспомним, что звездно-эллиптическое расширение России на восток фактически закончилось в 1867 г., когда Аляска была продана США. Правительство России продавало не территориальный проект с ресурсами, и даже не геополитический ресурс, а обузу, бремя. На самом же деле продавалось нечто большее – геопотенциал России XXI в. на территории Северной Америки, но это стало понятно только в XX в.

Заселение Приамурья и Приморья развернулось с середины XIX в., когда были построены порт Николаевск-на-Амуре (1850 г.), Хабаровск (1858 г.), Владивосток (1860 г.). До и после строительства Транссиба в районы Восточной Сибири и Дальнего Востока осуществлялось массовое переселение русских крестьян. С 1840 по 1887 г. население этих районов увеличилось с 8 до 16,8 млн чел. В борьбу России, а затем и СССР за территории Дальнего Востока и Северо-Востока нужно включать отказ СССР от строительства трансконтинентальной магистрали Аляска – Сибирь в начале века, тяжбу с Японией за Южные Курилы, перманентный территориальный конфликт с Китаем по поводу ползучего заселения приграничных территорий.

В начале Великой Отечественной войны в СССР было введено мобилизационно-народно-хозяйственное, а потом и военно-хозяйственное планирование, по которому осуществлялось перемещение промышленности

в восточные районы страны. Именно в этих районах сосредоточивалось и наращивалось производство угля, нефти, бензина, чугуна, стали, проката, меди, алюминия, оружия, патронов, пороха и всех видов боеприпасов. Например, только на одном предприятии в Челябинске было произведено танков больше, чем на всех заводах гитлеровской Германии.

Благодаря наличию восточной территории, куда был перемещен военно-промышленный потенциал, страна смогла остановить падение промышленного производства уже в декабре 1941 г., а с марта 1942 г. производство только в восточных районах достигло довоенных объемов производства всего СССР. Это благодаря Уралу, Сибири и Казахстану (территориально) почти три четверти века продолжался эксперимент насильственного преобразования России, это благодаря сибирской нефти в 70-х годах поддерживался режим развитого социализма. На сибирских ресурсах держался в страхе весь мир советским ВПК и вооруженными силами, содержался весь лагерь социализма,

Сибирские экономисты академики А.Г. Аганбегян и А.Г. Гранберг облекли мысль Ломоносова в современную экономико-математическую форму, показав на цифрах и доказав оптимальное соотношение между темпами роста национального дохода Сибири и СССР. Академик А.А. Трофимук в 1988 г. выделил в качестве важного результата сибирской экономической науки обоснование необходимости опережающего экономического и социального развития Сибири для достижения неснижающихся темпов экономического развития СССР. К этим идеям не прислушались, и теперь нет СССР, но остались Россия и Сибирь.

В 1991 г. произошел обвальный процесс сжатия СССР до размеров допетровской Руси в европейской части страны. При этом относительно нетронутыми пока остаются самые надежные геополитические приобретения России – Урал, Сибирь и Дальний Восток.

Краткий экскурс в историю геополитического прафеномена современной России показал, что поле ее могущества – геополитический эллипс, благодаря которому с ослабленной нашей страной, относимой к странам третьего мира, сегодня еще считаются. Судьба и символ могущества России – геополитический крест Север – Юг с упором на «атлантизм» США и Европы, ось Запад – Восток с простираем к Тихому океану и обращением к новому центру мира – сообществу стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

Сибирь в широком смысле слова – это геополитический базис России. Только этот базис и позволил России быть империей и мощно стра-

ховать свои западные, северные и южные геополитические акции последних 400 лет.

Однако глобальная власть, веками опиравшаяся на территориальный ресурс, золото и силу (оружие), за несколько последних десятилетий трансформировалась, и сегодня первенство принадлежит новому ресурсу – информации, информационным сетям, глобальным сетевым структурам, глобальной власти этих структур. Время абсолютного замещения геополитического и геоэкономического ресурсов развития еще, конечно, не настало. Списывать геополитику и геоэкономику со счетов планирования перспектив развития страны и вмещающих ее регионов рано.

Геополитически базисные регионы России – Центр, Северо-Запад, Поволжье, Урал и Сибирь, к счастью, неплохо оснащены научным потенциалом (гораздо слабее в этом отношении Дальний Восток), но заместить геополитический потенциал они не могут. Уже в конце XX в. многим стало понятно, что главный ресурс для развития региона – это не природные ископаемые, даже не выгодное для строительства транспортных мостов географическое положение, а талантливые высококвалифицированные специалисты. От того, насколько высоки и соответствуют ли международному уровню их квалификация и творческий потенциал, зависит и потолок развития региона. Логика этого тезиса очень простая: если в регионе есть природные ресурсы, но нет людей, способных превратить их в продукты глубокой переработки, то другие регионы рано или поздно эти ресурсы вычерпают. Если в регионе есть талантливые политики, предприниматели, экономисты, ученые, то к услугам такого региона будут все природные богатства мира. Япония, к примеру, ввозит к себе на острова все потребляемое сырье, США эксплуатируют природные ресурсы во всех регионах мира. Страны и регионы, отказавшиеся от постоянной конкурентной борьбы за интеллект, будут после потери кадрового потенциала обречены на распродажу своих неконкурентоспособных предприятий и переход в положение сырьевых придатков и рынка рабочей силы для других регионов, стран и транснациональных корпораций.

Распад, или геополитическое расчленение, СССР народам отделившихся государств обещанных благ не принес, – эти блага получила небольшая группа политиков, олигархов, работников финансово-кредитной сферы, чиновников всех уровней и криминалитета, а всем остальным он принес, по Гегелю, абсолютный ужас свободы, т.е. прямое и для многих безысходное зло. И это для мировых геополитических игроков – вряд ли möglich быть оспоренным благом.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ РАСЧЛЕНЕНИЕ – ВЕЛИЧАЙШЕЕ ЗЛО ДЛЯ РОССИИ

Распад СССР предсказал в 1978 г. профессор Университета Пенсильвании (США) Р. Коллинз [4]. В этом он опирался на данное М. Вебером определение государства как монополизации легитимной силы на территории, теорию государственных ресурсов профессора Т. Скочпола и принципы своей социологической геополитической теории (принципы формулируются в терминах условий расширения и сокращения территориального могущества государств). Современная геополитическая теория включает пять принципов причинных процессов, связанных динамикой накопления:

- преимущество в размерах и ресурсах благоприятствует территориальной экспансии. При прочих равных условиях более крупные, имеющие большее население и более богатые ресурсами государства расширяются военным путем за счет более мелких и бедных государств;
- государства, имеющие врагов на меньшем количестве фронтов, расширяются за счет государств, имеющих врагов на большем количестве фронтов;
- государства, расположенные в центре географического региона, имеют тенденцию с течением времени фрагментироваться на более мелкие единицы;
- кумулятивные процессы ведут к массивной гонке вооружений и решающим войнам между немногими противниками;
- чрезмерное расширение территорий приводит к напряжению в отношении ресурсов и государственной дезинтеграции.

Следовательно, произойдет то, что произошло с СССР в 1991 г.

Недавно опубликовано исследование Р.Ф. Туровского [5], специально посвященное проблеме цикличности истории России и СССР. Автор констатирует следующие моменты.

Во-первых, многовековой сценарий развития России связан с большими циклами территориальной экспансии и «переваривания» приобретенной территории, для чего создавалась новая модель региональной политики. Со степенью и характером неоднородности российского пространства, возникшей в результате экспансии, связывалось текущее соот-

ношение институтов централизации (вплоть до силового подавления) и децентрализации (самоуправления). Традиционное направление российской экспансии – это поглощение и диссимилиация нестабильных геополитических зон.

Во-вторых, поиск оптимального соотношения централизованного контроля над периферией и самоуправления в России на протяжении веков шел на фоне увеличения территории, нарастания ее этнокультурной и физико-географической неоднородности. Россия пережила как минимум семь радикальных реформ региональной политики: Василия Темного, Ивана Грозного, Михаила Романова, Петра I (и затем, в новой «редакции», Екатерины II), Александра II, Ленина (с коррекцией при Сталине) и Ельцина (с коррекцией при Путине).

В-третьих, в расчете на успешное решение государство превращало внешнеполитические проблемы в проблемы внутренней политики. Это обусловило не только напряженный поиск технологий умиротворения поглощаемых культурных ареалов, но и особо трепетное отношение к вопросам территориальной целостности. Возник своеобразный комплекс, когда потеря территории воспринимается как угроза внешнеполитическим позициям страны, как восстановление недружественного окружения и т.п. Внутри единого государства, как принято считать, все проблемы можно решить в крайнем случае силовым путем.

В-четвертых, в XX в. доминирующий сценарий регионального развития качественным образом изменился: Россия от экспансии перешла к удержанию пространства. С этим связаны новейшие модели региональной политики, основанные на реорганизации имеющегося пространства с целью создания нового, более адекватного баланса. Центр балансировал между опорой на сложившиеся элиты, их подавлением и учетом региональных интересов (в скобках заметим от себя поразительное сходство с современной ситуацией, не говоря уже о подобных ситуациях в прошлом).

Р.Ф. Туровский выделяет периоды, когда страна разваливалась после радикальной реорганизации или на фоне ослабления центральной власти: 1) восстание регионов в начале XVII в., когда из-под контроля центра вышли Юг, Дон и Поволжье; 2) распад Российской империи и нахождение уже большевиками нового формата территориального устройства, позволяющего консолидировать многочисленные региональные и национальные интересы; 3) распад СССР. (Б.Н. Ельцин для сохранения Российской Федерации задействовал модель демократического федерализма с передачей полномочий на места – «берите суверенитета сколько можете».)

Рассматривая российскую историю, Р.Ф. Туровский выделяет большой цикл фрагментации Киевской Руси, продолжавшийся до начала XIII в. Следующие 100 лет – это децентрализация Ростово-Суздальской земли как одного из фрагментов Киевской Руси. Затем еще 100 лет – переходный период, когда проявилась децентрализация, связанная с дроблением на уделы Московского княжества, и началось наращивание территории Московии за счет других княжеств. С начала XV в. происходит перелом, когда начинается отчетливо выраженная многовековая централизация.

Централизация проходила в три этапа: 1) расширение централизованного Московского государства с одновременным подавлением «удельных» элит на протяжении примерно 100 лет; 2) радикальные действия Ивана Грозного, направленные на уничтожение прежней региональной элиты и создание принципиально новой модели отношений центра с регионами; 3) после кризиса власти периода Смуты и ее временной стихийной децентрализации новая консолидация власти при первых Романовых.

Иван Грозный превращает Русское государство в полиэтническое. Принимается радикальное политическое решение по поглощению восточных соседей – осколков Орды в виде Казанского и Астраханского ханств. Вскоре за ними последовало Сибирское ханство. Решение принципиально новых геополитических задач становится новым вызовом российской региональной политике. Именно в XVII в. происходит беспрецедентный рост территории Российского государства, когда в результате движения «встречь солнцу» формируется большое и неплотное пространство, освоить которое мы не можем до сих пор. В течение 67 лет идет непрерывное многолетнее движение на восток. На этом экспансия не прекратилась, но вступила в новую фазу – фазу поиска южной границы вплоть до контакта с Китаем. Вторая половина XVII и начало XVIII в. уходят на обустройство новых южных рубежей на границах с Китаем и Великой Степью при постепенном поглощении участков Степи.

В XX в. от циклов, связанных с экспансией территорий, Россия переходит к циклам, связанным с реорганизацией территории в целях ее удержания (при неизбежных потерях тех или иных периферий). Первой моделью стал советский этнический федерализм, позволивший сохранить основную часть прежней империи на абсолютно новых началах. Радикально изменилась формула отношений между центром и регионами в связи с новым уничтожением региональной элиты.

Советская модель реорганизации пространства страны оказалась исторически еще менее устойчивой, чем имперская. В ней была своя внут-

рения цикличность: от ленинской федерализации на преимущественно этнических основаниях – к сталинской централизации при сохранении федеративной атрибутики. При этом постепенно сложилась новая региональная элита в лице партийно-советской бюрократии, укрепившаяся при Л.И. Брежневе и пользовавшаяся ослаблением централизованного контроля для реализации собственных интересов на местах. Феномен первого секретаря – самовластного регионального лидера возникает и развивается в послевоенный период при Н.С. Хрущеве и Л.И. Брежневе. Тем временем изменилась и формула отношений «центр – регионы», поскольку низы были опять исключены из этого процесса, играя роль политической декорации, а система строилась на отношениях между столичной и региональной номенклатурами.

Деградация советской системы, утратившей эффективность, которая была достигнута при И.В. Сталине за счет силовых методов и не могла воспроизводиться по инерции без потери качества, привела к очередной глобальной реорганизации отношений «центр – регионы». Свою роль в этом процессе сыграли отчуждение недовольных масс от политики, а также усиление националистических настроений в республиках. Результатом стали распад СССР и формирование на территории России еще одной новой модели – демократического федерализма.

Модель постсоветского демократического федерализма также не оказалась устойчивой. В ней обозначился свой колебательный процесс, связанный с именами двух российских президентов и измеряющийся даже уже не десятилетиями, а годами. При Б.Н. Ельцине была реализована формула удержания территорий разнородной Российской Федерации за счет передачи полномочий на места. При В.В. Путине наметилась известная из российской истории тенденция к частичной рецентрализации для усиления контроля за территорией. Децентрализация в который раз в нашей истории стала восприниматься как угроза.

Как, на наш взгляд, реализуется геостратегический подход в научном споре по поводу расхождений (скрытого конфликта между центром и макрорегионом) в двух вариантах стратегии развития Сибири (имеются в виду Научные основы стратегии социально-экономического развития Сибири, разработанные учеными Сибирского отделения РАН, и Стратегия экономического развития Сибири, утвержденная Правительством РФ 7 июля 2002 г.)? Е.Б. Кибаловым и В.В. Кулешовым [6] сформирована многоаспектная методологическая конструкция для анализа сути этих расхождений. Авторы демонстрируют негативные тенденции, которые, если ос-

тавить все как есть и реализовать правительственную стратегию развития Сибири, усилятся и станут всеобщими. Это закрепление за Сибирью роли сырьевого придатка России и мира, принижение роли Сибири как субъекта внешнеэкономической деятельности, сохранение существующего механизма распределения ресурсной ренты, конфискационного в отношении Сибири.

Такие тенденции вызовут следующие социально-экономические процессы:

- пассивный протест населения в форме миграции из Сибири, активный протест в форме голодовок, забастовок и усиления сепаратистских тенденций;
- окончательную примитивизацию сибирской экономики и ее впадение в полную зависимость от конъюнктуры на мировых рынках сырья и полуфабрикатов;
- уход сибирских участников внешней торговли в тень и усиление в этой связи ее криминализации;
- снижение темпов развития экономики Сибири и инвестиционной активности, прогрессирующую деструкцию сферы жизнеобеспечения.

Новаторской является сама постановка проблемы о возможности общей стратегии развития Сибирского макрорегиона как композиции стратегий развития сибирских субъектов Федерации. Системную сопряженность (но не единство) этой композиции должна обеспечивать региональная политика, разрабатываемая на основе процедуры двухуровневого согласования и проводимая от имени Президента РФ его полномочным представителем. Е.Б. Кибаловым и В.В. Кулешовым впервые озвучено требование вывести, наконец, из тени фундаментальное разночтение двух стратегий развития: быть или не быть Сибири геостратегическим субъектом стратегических целей развития этого макрорегиона в той или иной его административно-территориальной конфигурации в составе Российской Федерации?

Научный спор о расхождении между двумя версиями стратегии развития Сибири и Дальнего Востока продолжался и на II Байкальском экономическом форуме (Иркутск, сентябрь 2002 г.). Общую картину относительно версии центра может дать перечень проблем, обсуждавшихся в докладах его представителей, – это проблемы развития ТЭК, транскон-

тинентальных коридоров и морских портов, припортовых зон свободной торговли, кроссполярных авиамаршрутов и авиапортов, транспортного комплекса, транспортного машиностроения, ЖКХ, решаемые в рамках существующих федеральных программ, а также региональных и межрегиональных программ. Это, безусловно, важные проблемы, но они касаются взаимодействия Правительства России со странами АТР посредством выгодного центру использования ресурсно-пространственных потенциалов Сибири, Дальнего Востока, ну и, конечно, Российского Севера.

На Байкальском форуме директор Института Дальнего Востока РАН академик М.Л. Титаренко с позиций геостратегического и миросистемного подхода выдвинул следующие идеи:

- необходимы тесное сотрудничество и равноправный диалог государственных структур на федеральном и региональном уровнях, их партнерство;
- Байкальский форум, так же как Санкт-Петербургский форум, – это новая форма политического диалога на едином российском государственном пространстве;
- политики из российского центра начинают понимать, что Россия держится и наращивает свой потенциал за счет ресурсов Сибири и Дальнего Востока;
- целесообразно создание третьей, восточной, столицы России, отвечающей за интересы государства на Востоке, подобно Санкт-Петербургу – на Западе. Параллельно нужно создать Азиатский банк развития России, что сегодня сверхактуально для реализации геополитической сущности России;
- освоение ресурсов Сибири и Дальнего Востока – это новый потенциал, новая точка развития мира, превосходящая по значению освоение западных районов США, освоение Канады и Австралии;
- стратегия экономического развития на базе абстрактного либерально-экономического подхода пригодна для территориально компактных стран. Для страны с громадной территорией и точно развитой переходной экономикой она разрушительна, дезинтеграционна.

Происходящее сегодня цивилизационно-этническое сжатие восточных регионов России (депопуляция и отток населения) – не признак их смерти, а признак бифуркации, в которой этнос адаптируется к новой ситуации, и при правильной политике его ожидает период расцвета.

Литература

1. **Валлерстайн И.** Миросистемный анализ // Время мира. – Новосибирск: Новосибирск. гос. ун-т, 1998.
2. **Валлерстайн И.** Конец знакомого мира: Социология XXI в. – М.: Логос, 2004.
3. **Бродель Ф.** Время мира: Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. – М., 1992. – Т. 3.
4. **Коллинз Р.** Предсказание в макросоциологии: случай советского коллапса // Время мира. – Новосибирск: Новосибирск. гос. ун-т, 1988.
5. **Туровский Р.Ф.** Бремя пространства как политическая проблема России. – М.: Логос, 2005.
6. **Кибалов Е.Б., Кулешов В.В.** Стратегия развития Сибири: сопоставительный анализ вариантов и направления дальнейших исследований // Регион: экономика и социология. – 2002. – № 4.

© Дубнов А.П., Дубовцев В.А., 2006

ФОРМИРОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО БАЗИСА ЭКОНОМИКИ РЕГИОНА

В.С. Зверев, Б.Л. Лавровский, В.И. Суслов, Г.А. Унтура

Современную экономику характеризуют широкий спектр производимых продуктов и услуг и широкая специализация производства. Подавляющая часть продуктов и услуг производится на основе сложных многостадийных процессов, осуществляемых предприятиями разных отраслей. При этом получение гарантированного конечного результата предполагает определенную согласованность параметров передаваемых по технологической цепочке промежуточных продуктов и предоставляемых услуг. В свою очередь, это предъявляет определенные требования к технологиям участников таких цепочек. Совокупность технологий, позволяющих обеспечивать согласованную структуру промежуточных и конечных продуктов и услуг, на определенном этапе развития экономики составляет ее технологический базис.

Изменение приоритетов общественного развития и, как следствие, масштабов производимых продукции и услуг, а также появление в резуль-

тате фундаментальных исследований и разработок новых технологических возможностей обуславливают изменения в технологическом базисе. Причем чем интенсивнее научно-технический прогресс, тем более значительными оказываются эти изменения. Периоды эволюционного развития технологического базиса – модернизации отдельных технологий без изменения их общей структуры сменяются периодами научно-технических прорывов, обуславливающих быстрый переход от одного технологического базиса к другому.

Формирование технологического базиса можно рассматривать с двух точек зрения: на макро- и на микроуровне. С точки зрения макроэкономики технологический базис – это совокупность базовых технологий, обеспечивающих выпуск важнейших видов продукции и предоставление основных видов услуг в пределах существующих (сложившихся и формирующихся) в экономике технологических укладов. В рамках этого подхода система координат технологического базиса определяется следующим образом:

- приоритеты национальной экономики (конкурентоспособность национальной экономики, решение актуальных социально-экономических, экологических задач и т.п.);
- ведущие технологические принципы (типы эффектов, определяющих рассматриваемый этап развития экономики, т.е. лежащих в основе технологий, применяемых в различных отраслях);
- использование определенной структуры видов новых полезных эффектов, продолжение использования ранее применявшихся полезных эффектов;
- комплексность в использовании полезных эффектов.

В качестве основных типов эффектов, обуславливающих формирование технологических базисов различных технологических укладов (ведущие технологические принципы уклада), назовем следующие:

- преобразование тех или иных параметров механической энергии (воды, ветра) в другие (изменение направления, скорости движения и т.д.);
- преобразование тепловой энергии в механическую;
- преобразование механической и тепловой энергии в электрическую;
- преобразование энергии ядра в электрическую энергию;

- преобразование электрической энергии в электромагнитную (излучения), механическую и химическую;
- получение материалов с заданными свойствами на основе химического, электрохимического, радиационного и других видов воздействия на вещества;
- создание композитов, обладающих заданными свойствами, на основе химического, электрохимического, фотохимического, радиационного и других видов воздействия на вещества;
- высокоскоростная переработка информации (передача, хранение и переработка больших массивов информации в реальном масштабе времени);
- использование биологических методов преобразования вещества, создания композитов (сложных молекул, клеток, органов и т.п.), в переработке информации;
- создание материалов и композитов в условиях малой гравитации (в космосе).

Эти эффекты по мере их открытия и освоения в экономике привели к последовательной смене и периодам сосуществования различных технологических укладов.

В качестве примера реализации рассматриваемого подхода назовем федеральную целевую программу «Национальная технологическая база» (2002–2006 гг.). Главная идея этой программы – создать организованную совокупность базовых технологий, важнейших научно-производственных объектов и интеллектуального и производственного персонала, владеющего указанными технологиями, их развивающего и реализующего их в приоритетных областях жизнедеятельности страны. Считается, что национальные интересы России самым непосредственным образом определяются развитием национальной технологической базы, с которой связывается успешное достижение приоритетных долгосрочных целей национальной политики России, и в первую очередь таких, как национальная безопасность, экономический рост, здоровье нации, внутренняя стабильность и снижение социальной напряженности, внешнеполитический авторитет и влияние.

На микроуровне технологический базис представляет собой совокупность конкретных технологий, позволяющих производить основные виды конечных продуктов и услуг. Эти конкретные технологии могут выступать составляющими (элементами) базовых технологий.

Наше предложение состоит в соединении указанных двух подходов. В качестве инструмента анализа и прогнозирования технологического развития экономики мы предлагаем использовать гносеологическую модель технологического базиса, которая представляет собой матрицу содержательных классификаций столбцов – сфер применения инноваций (они отражают приоритеты национальной экономики в целом и отдельных регионов; см. далее табл. 1) и строк – направлений исследований (открытых научных эффектов, которые лежат в основе технологий).

Анализ и прогнозирование технологического базиса должны отразить следующие аспекты:

- проникновение во все более тонкие законы природы на базе фундаментальных научных исследований;
- выявление и формирование принципиально новых способов удовлетворения первичных, производственных, военно-стратегических, культурных, интеллектуальных и иных потребностей людей и государств, а также новых потребностей;
- преобразование полученной информации в форму, доступную прежде всего для потенциального инвестора;
- создание целостных технологических систем для массового производства материалов, машин, приборов и услуг на базе качественно новых принципов.

Инновационная система, функционирующая и финансируемая по особым правилам, выступает в социально-экономической системе, ориентированной на технологический прогресс, в качестве «инкубатора» новых технологических способов. Далеко не все из них заслуживают того, чтобы стать сегментом технологического базиса в определенной исторической перспективе, несмотря ни на какие технические и технологические прорывы. Условия встраивания новых способов в технологический базис носят преимущественно экономический характер: во-первых, эти способы привязаны к конкретным общественным потребностям; во-вторых, они удовлетворяют системным условиям, ограничениям по ресурсам и потребностям.

Для практических целей прогнозирование формирования технологического базиса в регионе может быть осуществлено следующим образом.

Строится матрица, сказуемое которой – координата **X** представляет собой упрощенный аналог общественных потребностей, а именно, важ-

**Основные направления развития экономики
обновления производственного**

	Приоритетные отрасли		
	Геологоразведка	Нефте- и газодобывающая промышленность	Угледобывающая промышленность
Направления НТП	<p>Совершенствование геофизических методов разведки углеводородного сырья и руд</p> <p>Разработка новых методов и оборудования для бурения разведочных скважин и приборов для их каротажа</p>	<p>Разработка новых методов и оборудования для бурения эксплуатационных скважин и приборов для их каротажа</p> <p>Разработка методов полного извлечения ценных химических компонентов (этансодержащие, гелийсодержащие газы и др.);</p>	<p>Разработка новых методов и оборудования для добычи и обогащения углей</p> <p>Утилизация метана угольных пластов</p>
Необходимое оборудование и технологии	<p>Создание геофизических приборов повышенной точности (разрешающей способности)</p> <p>Создание и производство высокопроизводительного бурового оборудования</p> <p>Создание приборов повышенной точности (разрешающей способности) для каротажа скважин</p>	<p>Создание и производство высокопроизводительного бурового оборудования</p> <p>Разработка и производство высокопрочных буровых труб</p> <p>Создание приборов повышенной точности (разрешающей способности) для каротажа скважин</p> <p>Разработка оборудования для добычи низконапорного газа</p> <p>Разработка методов извлечения и оборудования для месторождений нефти, находящихся на поздних стадиях разработки (принудительное извлечение нефти из недр)</p> <p>Разработка и производство технологического оборудования для полного извлечения ценных химических компонентов</p>	<p>Разработка высокопроизводительных комплексов для открытой добычи угля</p> <p>Разработка и производство технологического оборудования для сбора и выделения метана</p>

Таблица 1

Сибири, требующие существенного аппарата и новых технологий

сибирской экономики			
Добыча руд и нерудных полезных ископаемых	Нефте- и газо-переработка, нефтехимия	Черная металлургия	Цветная металлургия
Разработка новых методов и оборудования для добычи и обогащения руд	Разработка новых методов переработки сырья с увеличением выхода наиболее ценных продуктов Разработка методов получения новых полимеров	Увеличение производства электросталей из лома черных металлов Разработка технологий получения специальных видов черных металлов и заготовок из них по заказам потребителей	Разработка методов полного извлечения цветных и редких металлов из концентратов Разработка малоэнергоемких методов получения цветных металлов Разработка технологий получения специальных видов сплавов
Разработка новых методов и оборудования для добычи и обогащения руд	Разработка новых катализаторов для процессов крекинга и риформинга Разработка технологий и производство оборудования для получения новых полимерных материалов из полупродуктов переработки углеводородного сырья	Разработка технологии и производство оборудования для сталеплавильных минипредприятий Разработка технологий и производство оборудования совмещенных технологических процессов (непрерывная разливка – прокат, литье мерных заготовок и т.п.)	Разработка технологии и производство оборудования для полного извлечения металлов из концентратов многокомпонентных руд Разработка технологии и производство оборудования малоэнергоемких технологий получения алюминия, меди и др. цветных металлов Разработка технологии и производство оборудования для производства специальных видов сплавов и заготовок из них

	Приоритетные отрасли		
	Авиационная и космическая промышленность	Химическая промышленность	Телекоммуникации и информационные системы
Направления НТП	<p>Разработка новых видов летательных аппаратов</p> <p>Разработка новых видов ракет-носителей</p> <p>Разработка спутников с новыми функциональными возможностями</p>	<p>Производство новых полимерных материалов на основе хлоро- и фторосодержащего сырья</p> <p>Развитие производства минеральных удобрений на основе малоэнергоёмких технологий</p>	<p>Развитие инфраструктуры информационно-телекоммуникационных систем</p>
Необходимое оборудование и технологии	<p>Разработка технологии и производство новых видов военных и гражданских самолетов</p> <p>Разработка технологии и производство новых видов ракет-носителей, в т.ч. военного назначения</p> <p>Разработка технологии и производство новых спутников для телекоммуникаций, телевидения, систем навигации и т.п.</p>	<p>Разработка и производство хлороорганических и фтороорганических соединений с новыми свойствами</p> <p>Разработка и производство новых видов комплексных минеральных удобрений</p>	<p>Создание систем спутников для обеспечения надежной связи на всей территории региона</p> <p>Разработка программного обеспечения для надежного функционирования информационно-телекоммуникационных систем в регионе</p>

сибирской экономики	
Транспорт	Строительный комплекс
Разработка технологий и создание инфраструктуры транспортной системы	Развитие производства строительных деталей, конструкций и модулей повышенной заводской готовности из облегченных современных материалов
Автоматизированные диагностические комплексы на воздушном и железнодорожном транспорте, автоматизированные системы управления	<p>Развитие производства современных конструктивных и теплоизолирующих материалов для зданий, сооружений и инженерных сетей</p> <p>Разработка и производство конструкций и модулей повышенной заводской готовности из облегченных современных материалов</p> <p>Разработка и производство оборудования для технологий строительства на основе строительных деталей, конструкций и модулей повышенной заводской готовности из облегченных современных материалов</p>

нейшие сектора экономической и социальной сферы региона, а подлежащее – координата **У** выражает важнейшие укрупненные направления технологий, возникших на базе одного или совокупности научных эффектов, открытых в физических, химических, биологических и информационных исследованиях.

В качестве **Х**-сказуемого матрицы предлагается рассматривать сферы приложения, в которых могут быть реализованы инновационные проекты:

- 1) топливно-энергетический комплекс;
- 2) коммуникационный комплекс (производственная инфраструктура, дороги, транспорт, связь);
- 3) нефтегазохимический комплекс;
- 4) химико-металлургический комплекс;
- 5) лесной комплекс;
- 6) агропромышленный комплекс и пушное звероводство;
- 7) легкую промышленность;
- 8) строительный комплекс;
- 9) машиностроительный комплекс, микроэлектронику, оптику, полиграфию, керамику, композиты;
- 10) военно-технический (оборонный) комплекс, космическую и атомную промышленность;
- 11) комплекс недропользования, водопользования и экологии;
- 12) жилищно-коммунальный комплекс;
- 13) бизнес-инфраструктурный комплекс;
- 14) комплекс школьного и дошкольного образования;
- 15) научно-образовательный и инновационный комплекс;
- 16) комплекс общественной безопасности и чрезвычайных ситуаций;
- 17) комплекс фармакологии, здравоохранения и рекреации и туризма;
- 18) спортивный комплекс;
- 19) комплекс культуры и искусства;
- 20) государственное управление.

Эти комплексы могут быть разагрегированы с учетом специфики регионов и развития отраслей. В частности, для Сибирского региона такая дезагрегация представлена в табл. 1.

У-подлежащее матрицы – это важнейшие укрупненные научно-технологические направления, сформировавшиеся в масштабах мирового научного сообщества, России и СО РАН. В качестве основного критерия,

Таблица 2

У-подлежащее матрицы технологического базиса (фрагмент)

Технологии на основе эффектов, полученных в результате фундаментальных исследований	Продукты/услуги	Разработки СО РАН
1. ФИЗИЧЕСКИЕ		
<i>1.1. Технологии на основе эффектов взаимодействия излучения и вещества</i>		
1.1.1. Лазерные технологии	Лазеры для обработки сверхтвердых и тугоплавких материалов, лазерная связь и медицина, получение высокотемпературной плазмы	Лазерный стоматологический аппарат «МЕЛАЗ-С» Лазерный хирургический аппарат «МЕЛАЗ-Х» Ультрафиолетовая офтальмологическая лазерная установка «МЕДИЛЕКС» Автоматизированные лазерные технологические комплексы (АЛТК)
1.1.2. Рентгеновские технологии	Рентгеновская спектроскопия, рентгено-спектральный анализ (электронное строение веществ)	Малодозная цифровая рентгеновская установка «МЦРУ Сибирь-Н» – флюорограф для массового обследования населения с предельно низкими дозами облучения Рентгенолюминесцентный малогабаритный сепаратор алмазов «РЛА-ДК»
1.1.3. Технологии синхротронного излучения		Радиационно-технологическая линия для стерилизации одноразовых медицинских изделий и фармпрепаратов пучком электронов на основе ускорителей ИЛУ-6 и ИЛУ-10 Электронно-лучевой стерилизатор порошковых материалов «СИНУС» Протяженные ионно-плазменные источники на основе ускорителя с замкнутым дрейфом электронов Технология электронно-лучевой порошковой металлургии (ЭЛПМ)
1.1.4. Технологии электромагнитного излучения		Георадиолокатор для горно-геофизических исследований Высокочастотная импульсная закалка поверхностей Протяженные магнетронные распылительные системы с вращающимися цилиндрическими катодами

Х-сказуемое матрицы технологического базиса:

Разработки СО РАН по основным направлениям	Топливо-энергетический комплекс	Коммуникационный комплекс (производственная инфраструктура, дороги, транспорт, связь)	Нефтегазохимический комплекс	Химико-металлургический комплекс	Лесной комплекс	Агропромышленный комплекс и пушное звероводство	Легкая промышленность	Строительный комплекс
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1. БИОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОМЫШ- ЛЕННОСТЬ И МЕДИЦИНА								
<i>1.1. БИОТЕХНОЛОГИИ, ГЕННАЯ ИНЖЕНЕРИЯ</i>								
Лазерный стоматологический аппарат «МЕЛАЗ-С»								
Лазерный хирургический аппарат «МЕЛАЗ-Х»								
Малодозная цифровая рентгенов- ская установка «МЦРУ Сибирь-Н» – флюорограф для массового обследо- вания населения с предельно низкими дозами облучения								
Радиационно-технологическая ли- ния для стерилизации одноразовых медицинских изделий и фармпрепа- ратов пучком электронов на основе ускорителей ИЛУ-6 и ИЛУ-10								
Ультрафиолетовая офтальмологи- ческая лазерная установка «МЕДИЛЕКС»								
Электронно-лучевой стерилизатор порошковых материалов «СИНУС»						1		

Таблица 3

распределение разработок СО РАН по комплексам (фрагмент)

Машинно-технический комплекс, микроэлектроника, оптика, полиграфия, керамика, композиты	Военно-технический (оборонный) комплекс, космическая и атомная промышленность	Комплекс недропользования, водопользования и экологии	Жилищно-коммунальный комплекс	Бизнес-инфраструктурный комплекс	Комплекс школьного и дошкольного образования	Научно-образовательный и инновационный комплекс	Комплекс общественной безопасности и чрезвычайных ситуаций	Комплекс фармакологии, здравоохранения и рекреации и туризма	Спортивный комплекс	Комплекс культуры и искусства	Государственное управление	ИТОГО
10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22
								1				1
								1				1
												0
								1				1
								1				1
								1				2

1	2	3	4	5	6	7	8	9
3. ПРОМЫШЛЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ								
<i>3.1. ГОРНОЕ ДЕЛО И СТРОИТЕЛЬСТВО</i>								
Георадиолокатор для горно-геофизических исследований	1	1						1
Рентгенолюминесцентный малогабаритный сепаратор алмазов «РЛА-ДК»								
<i>3.2. МАШИНОСТРОЕНИЕ, ОБРАБОТКА МАТЕРИАЛОВ, НАНЕСЕНИЕ ПОКРЫТИЙ</i>								
Автоматизированные лазерные технологические комплексы (АЛТК)								
Высокочастотная импульсная закалка поверхностей								
Протяженные ионно-плазменные источники на основе ускорителя с замкнутым дрейфом электронов								
Протяженные магнетронные распылительные системы с вращающимися цилиндрическими катодами								
Технология электронно-лучевой порошковой металлургии (ЭЛПМ)	1	1	1	1				
Промышленные ускорители электронов серии ИЛУ и ЭЛВ для радиационных промышленных технологий		1				1		

Окончание табл. 3

10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22
		1										4
		1										1
1												1
1												1
1												1
1												1
		1										5
		1	1					1				5

Предложение разработок СО РАН по направлениям

Направления исследований	Топливо-энергетический комплекс	Коммуникационный комплекс (производственная инфраструктура, дороги, транспорт, связь)	Нефтегазохимический комплекс	Химико-металлургический комплекс	Лесной комплекс	Агропромышленный комплекс и пушное звероводство	Легкая промышленность	Строительный комплекс
1. Биологическая промышленность и медицина	0,12	0,03	0,03	0,00	0,03	0,21	0,00	0,00
2. Информационные технологии и телекоммуникации	0,15	0,09	0,09	0,03	0,00	0,00	0,03	0,06
3. Промышленные технологии	0,06	0,10	0,06	0,12	0,00	0,06	0,02	0,06
4. Сельское хозяйство, природопользование	0,00	0,00	0,03	0,00	0,03	0,65	0,00	0,00
5. Экология и защита окружающей среды	0,07	0,05	0,10	0,16	0,05	0,07	0,00	0,02
6. Энергетика	0,24	0,10	0,17	0,07	0,00	0,03	0,00	0,00

Таблица 4

исследований в 2005 г., уд. вес

Машиностроительный комплекс, микроэлектроника, оптика, полиграфия, керамика, композиты	Военно-технический комплекс, космическая и атомная промышленность	Комплекс недропользования, водопользования и экологии	Жилищно-коммунальный комплекс	Бизнес-инфраструктурный комплекс	Комплекс школьного и дошкольного образования	Научно-образовательный и инновационный комплекс	Комплекс общественной безопасности и чрезвычайных ситуаций	Комплекс фармакологии, здравоохранения и рекреации и туризма	Спортивный комплекс	Комплекс культуры и искусства	Государственное управление	Итого
0,03	0,03	0,03	0,03	0,00	0,00	0,03	0,03	0,41	0,00	0,00	0,00	1,00
0,03	0,12	0,09	0,00	0,00	0,03	0,09	0,09	0,00	0,00	0,03	0,06	1,00
0,14	0,06	0,09	0,02	0,01	0,00	0,07	0,04	0,08	0,00	0,01	0,00	1,00
0,00	0,00	0,03	0,00	0,03	0,03	0,00	0,03	0,09	0,03	0,03	0,03	1,00
0,04	0,07	0,15	0,10	0,00	0,01	0,02	0,02	0,05	0,01	0,00	0,04	1,00
0,03	0,00	0,03	0,28	0,00	0,00	0,03	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	1,00

Спрос отраслевых комплексов и сфер деятельности

Направления исследований	Топливо-энергетический комплекс	Коммуникационный комплекс	Нефтегазохимический комплекс	Химико-металлургический комплекс	Лесной комплекс	Агропромышленный комплекс и пушное звероводство	Легкая промышленность	Строительный комплекс	Машиностроительный комплекс, микроэлектроника, оптика, полиграфия, керамика, композиты
1. Биологическая промышленность и медицина	0,08	0,02	0,02	0,00	0,11	0,11	0,00	0,00	0,01
2. Информационные технологии и телекоммуникации	0,10	0,06	0,07	0,01	0,00	0,00	0,10	0,07	0,01
3. Промышленные технологии	0,53	0,78	0,55	0,73	0,22	0,39	0,90	0,86	0,90
4. Сельское хозяйство, природопользование	0,00	0,00	0,02	0,00	0,11	0,36	0,00	0,00	0,00
5. Экология и защита окружающей среды	0,14	0,09	0,23	0,23	0,56	0,11	0,00	0,07	0,06
6. Энергетика	0,14	0,06	0,11	0,03	0,00	0,02	0,00	0,00	0,01
Всего	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00

Таблица 5

на разработки СО РАН, уд. вес

Военно-технический комплекс, космическая и атомная промышленность	Комплекс недропользования, водопользования и экологии	Жилищно-коммунальный комплекс	Бизнес-инфраструктурный комплекс	Комплекс школьного и дошкольного образования	Научно-образовательный и инновационный комплекс	Комплекс общественной безопасности и чрезвычайных ситуаций	Комплекс фармакологии, здравоохранения и рекреации и туризма	Спортивный комплекс	Комплекс культуры и искусства	Государственное управление	И т о г о
0,03	0,02	0,04	0,00	0,00	0,03	0,05	0,25	0,00	0,00	0,00	0,05
0,11	0,05	0,00	0,00	0,25	0,08	0,14	0,00	0,00	0,17	0,22	0,05
0,67	0,64	0,30	0,80	0,25	0,81	0,68	0,60	0,50	0,67	0,22	0,65
0,00	0,02	0,00	0,20	0,25	0,00	0,05	0,05	0,25	0,17	0,11	0,05
0,19	0,25	0,37	0,00	0,25	0,05	0,09	0,09	0,25	0,00	0,44	0,16
0,00	0,02	0,30	0,00	0,00	0,03	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,04
1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00

использованного при построении классификации подлежащего, принято понятие важнейшего научного открытия, результата фундаментального исследования. Полагаем, что научный эффект, который затем оказался детально проработанным в прикладном и инженерном отношении, порождает класс технологий (родовых технологий), например лазерные технологии, нанотехнологии и др., которые создают платформу для инновационной деятельности на базе новых поколений технологий. Мы сознательно не рассматриваем отраслевые технологии (их множество крайне разнообразно), а ставим своей задачей рассмотреть истоки настоящих и будущих технологий, которые закладываются в научных исследованиях в различных областях наук.

Базовые научные эффекты позволяют разработать способы технологических преобразований, основанные на физических, химических, биологических и информационных методах воздействия на вещества, материалы, информацию, что позволяет производить как традиционные, так и новые товары и услуги.

Предлагается приближенный вариант описания Y -подлежащего матрицы, который в последующем будет уточняться при участии экспертов – специалистов из различных областей науки (табл. 2). Это необходимо, чтобы составить достаточно согласованное общее мнение о тех базисных эффектах в каждой из наук, которые порождают инновации. Для иллюстрации данной идеи мы приводим фрагмент подлежащего матрицы. В частности, разработки СО РАН были распределены по направлениям науки и выделенным в них основным научно-технологическим эффектам, которые могут влиять на изменение технологического базиса. В свою очередь, приближенный вариант описания X -сказуемого матрицы представлен в табл. 3.

В рамках предлагаемого подхода развивается понимание национальной технологической базы, так как он позволяет более концентрированно, на уровне конкретных проектов и их совокупности, размещаемых в системе координат X и Y , оценить

- соответствие приоритетам национальной экономики актуальных социально-экономических и экологических задач;
- новизну ведущих технологических принципов, создающих основу технологий, применяемых в различных отраслях;
- уровень продвижения разработок;

- комплексность в использовании полезных эффектов при создании новых технологий.

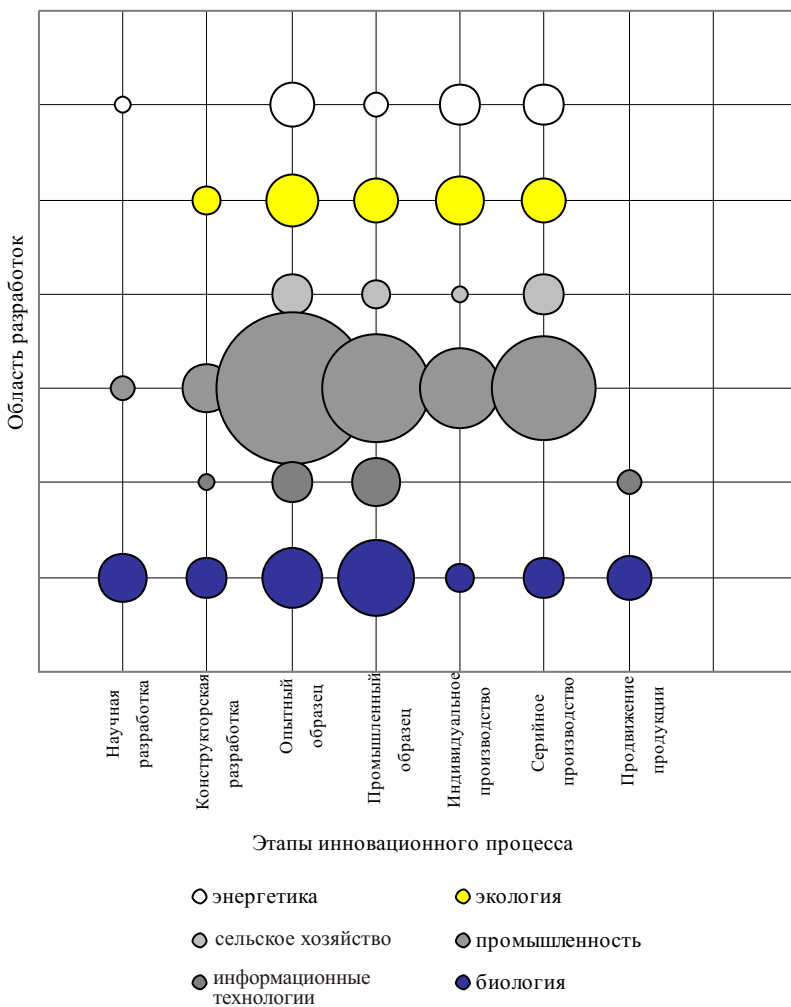
Прогноз технологического базиса может быть составлен в первом приближении, когда на базе описанной матрицы будет указана связь научных направлений и общественных потребностей (где может быть использована данная инновационная идея). О наличии такой связи могут свидетельствовать приведенные в табл. 4 данные о потенциальном предложении разработок со стороны научных учреждений СО РАН и представленные в табл. 5 данные о потенциальном спросе выделенных комплексов на отдельные классы разработок по областям наук (табл. 5 построена на основе характеристик проекта, когда в описании проекта, осуществляемого на базе разработки СО РАН, указывается возможность использования инновации в определенном комплексе).

Таким образом, в клетке матрицы будет накапливаться информация о проектах и отдельных разработках, о степени их готовности к внедрению, об их патентной защищенности, о способах взаимодействий партнеров и инвесторов и других факторах, которые могут повлиять на ход коммерциализации разработок. Тогда отбор технологий может происходить по одному или нескольким критериям, таким как готовность к технологическому продвижению на рынок, масштабы и емкость рынка, требуемые инвестиционные ресурсы и организационно-экономические формы продвижения разработок.

Например, представление о степени готовности разработок СО РАН можно получить из приведенного здесь рисунка*. Он наглядно показывает, что наибольшее количество разработок высокой степени готовности предлагается для создания промышленных технологий (это главным образом разработки, опирающиеся на исследования в области физических и химических наук по основным направлениям исследований СО РАН), на которые, в свою очередь, проявляют потенциальный спрос (см. табл. 5) ряд отраслевых комплексов. Среди разработок, предлагаемых в области экологии и энергетики, наибольшее их количество соответствует стадиям готовности опытного или промышленного образца. Это еще раз подтверждает сделанное ранее предположение об ориентации разработок, проводимых СО РАН, на потребность определенных комплексов в использовании инноваций. Вместе с тем эта потребность должна соче-

---

* Автор рисунка – Н. Бредихина.

Степень готовности разработок СО РАН
по основным направлениям
(диаметр круга отражает количество разработок)

таться с потребностями рынка и платежеспособным спросом предприятий. Системное рассмотрение различных параметров инновационных проектов, их коммерческого и общественного эффектов позволят, по-видимому, более обоснованно сформировать сферы инновационной деятельности, которые вправе быть в некотором смысле приоритетными с позиций развития сибирской экономики.

Анализ разработок по степени готовности к практической реализации позволил выделить группы инновационных проектов (исследовательские проекты; проекты, направленные на создание производства; проекты, направленные на расширение или развитие производства). При этом оказалось, что более половины (56%) проанализированных проектов связано с созданием или расширением производства. Рассмотренные инновационные проекты неравномерно распределены по этапам инновационного процесса: явный максимум наблюдается для этапов создания опытных и промышленных образцов (58%) и далее постепенно уменьшается удельный вес тех проектов, которые связаны с начальными и завершающими этапами инноваций (с научными разработками – 4%, с серийным производством – 20%).

Системное рассмотрение различных параметров инновационных проектов, их коммерческого и общественного эффектов позволит, по-видимому, более обоснованно сформировать сферы инновационной деятельности, которые вправе быть в некотором смысле приоритетными с позиций развития сибирской экономики. Кроме того, в рамках данного проектного подхода было выявлено, что большинство инновационных проектов СО РАН соответствуют приоритетным направлениям научно-технического развития Российской Федерации, таким как химические технологии, экология, медицина, машиностроение, научное приборостроение, новые материалы, горное дело и строительство, энергообеспечение, агропромышленные технологии, компьютерное моделирование.

Систематизация научно-технологических и технико-экономических знаний в виде матрицы технологического базиса экономики позволит определить место отечественной науки и инновационной сферы в мировых процессах, задать четкие ориентиры государственной научно-технической и инновационной политике. Появится возможность выявить те направления научно-инновационной деятельности, которые следует стимулировать, финансируя их и создавая другие преференции, а также направления, где целесообразно ориентироваться на импорт

технологий, опять же стимулируя их вплоть до введения «отрицательных» импортных пошлин (премий).

* * *

Данная статья скорее является заявкой на разработку технологического базиса сибирской экономики. Построение этого базиса станет возможным в результате целенаправленных усилий экономистов, физиков, химиков, биологов, специалистов по телекоммуникациям и информатике. Этой статьей мы приглашаем наших коллег к совместной работе.

© Зверев В.С., Лавровский Б.Л., Суслов В.И., Унтура Г.А., 2006

ПЕРВЫЕ ШЕСТЬ ОСОБЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗОН РОССИИ

По итогам тендера в России будут созданы первые шесть особых экономических зон: две промышленно-производственного типа (Липецк, Елабуга) и четыре – технико-внедренческого (Зеленоград, Дубна, Санкт-Петербург, Томск). Министр экономического развития и торговли Российской Федерации Г. Греф сообщил, что на территории намеченных к созданию особых экономических зон будет реализован самый упрощенный режим ведения хозяйственной деятельности, в течение ряда лет там будут действовать значительные налоговые льготы.

Целью создания этих, по словам Г.Грефа, «островков максимально либеральной экономики», привлекательных для вложения капиталов как со стороны крупнейших банков, так и со стороны мелкого и среднего иностранного бизнеса, является их расширение на всю Россию, чтобы сделать ее в течение следующих 10–15 лет образцом дебюрократизированного ведения бизнеса.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ УНИТАРНОГО ФЕДЕРАЛИЗМА

Н.И. Ларина

Российская Федерация с момента своего образования была не просто асимметричной по совокупности признаков: политическим правам ее субъектов, экономическому и налоговому потенциалу, бюджетной обеспеченности жителей и др., – в большинстве субъектов Федерации наблюдался огромный дисбаланс между политическими правами властей, их функциональными обязанностями и возможностями выполнения этих обязанностей. Власти немногих субъектов Федерации были самодостаточными, т.е. могли самостоятельно балансировать свои функциональные обязанности с финансовыми и имущественными возможностями их выполнения. Схематически эталон этого свойства субфедеральной власти можно было бы изобразить в виде равностороннего треугольника. В реальности в большинстве субъектов Федерации такой эталон не существовал, т.е. политические права, функциональные обязанности и возможности их выполнения не были сбалансированы (схема 1). Дисбаланс устранялся постепенно, путем реформы межбюджетных отношений, принятия федеральных законов о разграничении предметов ведения между разными уровнями власти, проведения административной реформы. В результате этого в российской модели федерализма появились черты унитарного государства [1].

Возможности субфедеральной власти определяются масштабами экономической основы, т.е. имущества и финансов, которыми могут распоряжаться власти субъекта Федерации. В свою очередь, экономическая основа в каждом субъекте Федерации имеет специфическую и довольно сложную структуру. Проблема рациональных пропорций в использовании общественного имущества и общественных финансов субфедеральной властью в экономической науке пока не получила должного освещения¹.

---

¹ Анализируя распределение государственной собственности и государственных расходов между федеральной и субфедеральной властью в США, можно отметить следующее. Доля федерального сектора в госсобственности США составляет 26,42%, а доля штатов и местных властей – 73,52%, т.е. в два с лишним раза выше [2]. Доля федерально-

Самодостаточная региональная власть должна обладать не только определенными политическими правами. Необходимы еще два условия: 1) самостоятельность в определении функциональных обязанностей субъекта Федерации; 2) самостоятельность в формировании и использовании общественного имущества и общественных финансов. После подписания Федеративного договора и принятия Конституции Российской Федерации власти субъектов Федерации получили политические права, присущие федерациям. В то же время не полностью были урегулированы вопросы, касающиеся функциональных обязанностей властей разного уровня и экономической основы их выполнения. В процессе приватизации государственной собственности произошло резкое сужение экономической основы государственной власти разного уровня. Одновременно менялись и функциональные обязанности властей всех уровней, однако этот процесс шел очень медленно. В результате нарушился присущий советскому периоду развития страны баланс между государственными функциями и экономическими возможностями их выполнения.

С дисбалансом политических прав, функциональных обязанностей и реальных возможностей их выполнения сталкиваются субъекты федерации всех государств. Способы регулирования этого дисбаланса зависят от принципов федеративного устройства страны. Так, в США субфедеральная власть обладает большой самостоятельностью в определении доходов бюджета и через управление налоговой системой штатов может пополнять бюджеты и стимулировать экономику. Одновременно высока степень самостоятельности властей штатов и в учреждении своих функциональных обязанностей, т.е. в определении круга решаемых задач.

В России региональная власть столкнулась с дефицитом финансовых ресурсов еще в советский период рыночных преобразований экономики. Поэтому с момента образования Российской Федерации субфедеральная власть проявила большую активность по расширению своих налоговых, бюджетных и имущественных прав. Это время можно на-

---

го правительства в государственных расходах составляет 60,5%, а доля штатов и местных органов власти – 39,5% [3]. Можно сделать вывод, что в США федеральная власть в большей степени, чем штаты и местная власть, влияет на экономику через финансовые рычаги, а штаты и местная власть в большей степени, чем федеральная власть, оказывают влияние на экономику через распоряжение общественной собственностью.

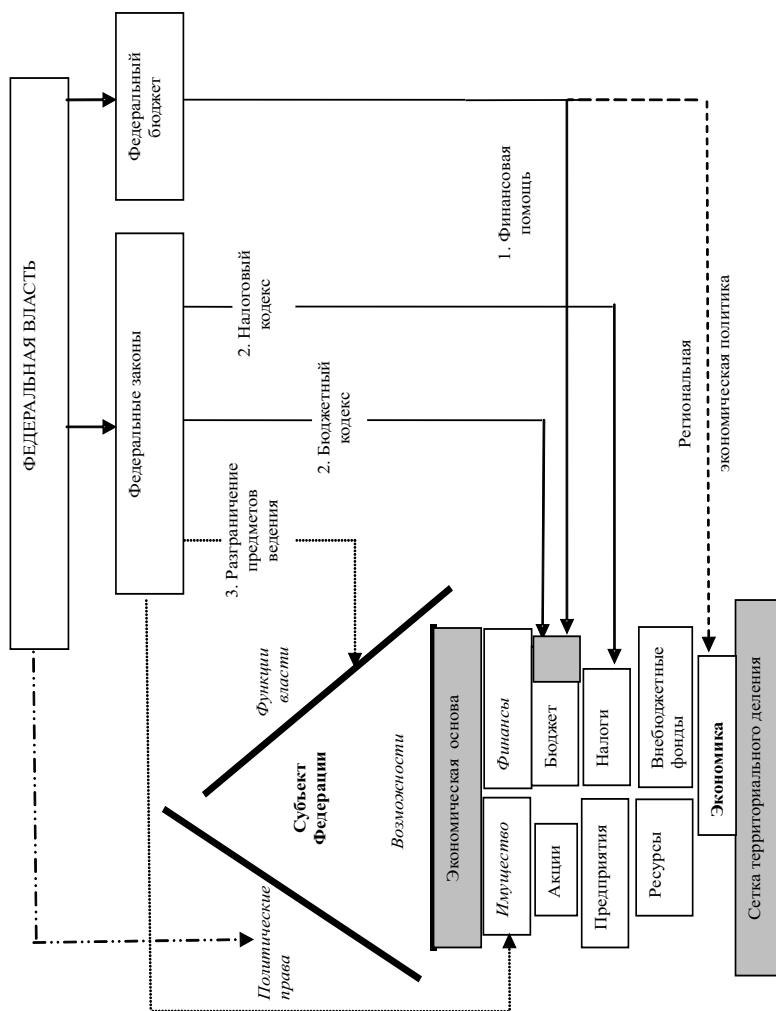

Схема 1. Мероприятия по укреплению самостоятельности региональной власти

звать периодом экономической федерализации власти, он охватывает 1992–1999 гг. Однако даже в условиях налоговой свободы в 1994–1996 гг. значительная часть субъектов Федерации не могли без финансовой помощи сформировать бюджеты².

В целях обеспечения объективности и прозрачности общественных финансов были осуществлены следующие мероприятия:

- 1) формализована процедура определения размера финансовой помощи из Федерального фонда финансовой поддержки субъектов Федерации;
- 2) приняты Налоговый и Бюджетный кодексы;
- 3) приняты федеральные законы о разграничении полномочий между разными уровнями власти, поддерживается регламент направлений использования общественного имущества³;
- 4) введена норма избрания глав исполнительной власти субъектов Федерации по представлению Президента РФ (см. схему 1).

Это привело к усилению принципов унитарной модели государственной власти. Состав инструментария экономической политики субфедеральной власти был сильно сужен. Оттенья эту специфику пространственной организации государственной власти в России, политики ввели понятие «унитарный федерализм» [1].

Понятие «унитарный федерализм» нельзя считать отрицательной характеристикой модели государства. Оно имеет такое же право на существование, как понятия «конкурентный федерализм» (США) и «кооперативный федерализм» (ФРГ). Проблемы разграничения полномочий между уровнями власти решаются в каждой стране по-своему исходя из исторического опыта и вызовов времени. Единый и раз и навсегда заданный формат разграничения полномочий в федеративных государствах практически отсутствует [4].

---

² Так, в 1994 г. трансферты из Фонда финансовой поддержки регионов получали 66 субъектов Федерации, в 1997 г. – 81, в 2004 г. – 67 субъектов Федерации. В 2005 г. их должны были получить 65 субъектов.

³ В 2003 г. приняты поправки к Федеральному закону «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Федерации» (от 04.07.2003) и Федеральному закону «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (от 06.10.2003).

Очевидно, что в государствах унитарного федерализма региональная экономическая политика центральной власти должна быть более сильной, чем в государствах конкурентного или кооперативного федерализма, поскольку возможности субфедеральной власти влиять на экономику очень небольшие. Однако в Правительстве РФ сформировалось иное мнение. Считается, что «процесс разграничения полномочий между уровнями государственной власти, реформа местного самоуправления» должны привести к «увеличению самостоятельности региональных и местных властей при принятии решений», свойственной федеративным государствам. Поэтому «политикой федеральных властей в среднесрочной перспективе будет не столько выравнивание социально-экономического развития и благосостояния регионов, сколько обеспечение единства экономического пространства и создание условий для добросовестной конкуренции между регионами и муниципальными образованиями за привлечение ресурсов» [5, с. 33].

В условиях унитарного федерализма должны развиваться сотрудничество и кооперация региональных властей в решении общенациональных и территориальных проблем, а не конкуренция. Принцип конкурентного федерализма не подходит для России, поскольку численность населения страны, а следовательно, и трудовых ресурсов в ближайшей перспективе по-прежнему будет сокращаться, инвестиционных ресурсов недостаточно, инфраструктурная обеспеченность территории неравномерная, условия предпринимательства в регионах сильно различаются. Стимулировать сотрудничество и кооперацию региональных властей федеральная власть должна через формы и механизм региональной экономической политики.

Сейчас формы региональной политики ориентированы на развитие индивидуализма и конкуренции в деятельности властей субъектов Федерации. Финансовая помощь на укрепление бюджетов субъектов Федерации выделяется на основе формализованных критериев, которые не предусматривают кооперацию и сотрудничество региональных властей. Федеральный фонд регионального развития очень небольшой и распределяется между проектами, представленными субъектами Федерации, на конкурсной основе. В политике Министерства регионального развития РФ принцип кооперации, сотрудничества региональных властей также не находит должного отражения, доминирует идея поляризованного развития, т.е. поддержки регионов – «локомо-

тивов роста». Проектом перспективного финансового плана РФ на 2006–2008 гг. не предусмотрены расходы инвестиционного характера на реализацию федеральных целевых программ регионального развития на 2007–2008 гг. [6].

Целесообразно, чтобы в региональной экономической политике федерального правительства России присутствовали оба принципа: принцип стимулирования регионов – «локомотивов роста» и принцип усиления экономического потенциала проблемных регионов. Это возможно осуществить следующим образом.

Во-первых, надо восстановить практику разработки системы долгосрочных прогнозных и программных документов, отражающих деятельность всех уровней власти [7]. Разработкой стратегии территориального развития страны должно заниматься Министерство экономического развития и торговли РФ. Сейчас оно устранилось от этого вопроса. Власти субъектов Федерации проявили инициативу и самостоятельно разрабатывают документы долгосрочного развития⁴. Обсуждается вопрос о разработке Генеральной схемы пространственного развития Российской Федерации. Место этого документа в системе действующих и предлагаемых к разработке прогнозных и программных документов неясно. С одной стороны, он вбирает в себя круг вопросов, которые СОПС предлагает отразить в Стратегии территориального развития России [10]. С другой стороны, он охватывает вопросы, которые согласно Градостроительному кодексу РФ отражаются в схемах территориального планирования Российской Федерации [11].

Во-вторых, следует различать две группы задач, решаемых в рамках региональной экономической политики федерального правительства: 1) общегосударственные задачи территориального развития страны, решение которых способно оказать существенное влияние на экономику отдельных регионов; 2) задачи развития проблемных регионов, специфические в каждом федеральном округе. Будем считать, что задачи первой группы решаются в рамках федеральных территориальных целевых программ

---

⁴ В разработанных сибирскими учеными Научных основах социально-экономического развития Сибири отражена перспектива до 20 лет [8]. Правительство РФ утвердило отрецензированную Стратегию экономического развития Сибири [9]. Это первый долгосрочный документ правительства по развитию крупной территории. Конечно, он не лишен недостатков, и основной среди них – отсутствие адресности, его место в системе документов прогнозирования, программирования и планирования не определено.

(ФТЦП), а задачи второй группы – в рамках федерально-окружных целевых программ (ФОЦП)⁵.

В-третьих, для решения разных по целям задач региональной экономической политики должны использоваться разные фонды⁶. Для финансирования мероприятий ФТЦП целесообразно образовать федеральный фонд развития региональной экономики (ФФРРЭ)⁷. Для финансирования мероприятий ФОЦП целесообразно создать окружные фонды развития региональной экономики (ОФРРЭ). В федеральном бюджете на 2006 г. впервые появился инвестиционный фонд в объеме 69,7 млрд руб. Однако целевое распределение средств не показано [6].

В-четвертых, разработка и реализация региональной экономической политики требует координации работы нескольких федеральных министерств. Предлагается следующая схема их взаимодействия:

- Министерство регионального развития РФ, осуществляя мониторинг социально-экономического состояния субъектов Федерации и муниципальных образований, выявляет проблемы развития регионов, в решении которых необходимо участие федерального правительства. Список проблемных регионов, где для стимулирования экономического развития необходимы разработка и реализация особых мероприятий со стороны федерального правительства, передается в Министерство финансов РФ и Министерство экономического развития и торговли РФ;

---

⁵ На наш взгляд, к числу ФТЦП относятся ФЦП «Федеральная целевая программа развития Калининградской области на период до 2010 года», ФЦП «Восстановление экономики и социальной сферы Чеченской Республики (2002 и последующие годы)», ФЦП «Социально-экономическое развитие Курильских островов в Сахалинской области (1994–2005 годы)». К числу ФОЦП можно отнести ФЦП «Юг России» и ФЦП «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на 1996–2005 годы».

⁶ Практика использования разных фондов в финансировании мероприятий региональной политики характерна для многих стран. Яркий пример – наличие нескольких структурных фондов в ЕС: Европейский фонд регионального развития, Европейский социальный фонд, Европейский фонд ориентаций и гарантий сельского хозяйства и др. [12].

⁷ Образованный в 2000 г. Федеральный фонд регионального развития имеет узкое назначение. В бюджете на 2006 г. средства фонда распределены между 55 субъектами Федерации как субсидии на развитие инженерной и социальной инфраструктуры. Ранее этот фонд использовался для финансирования региональных ФЦП.

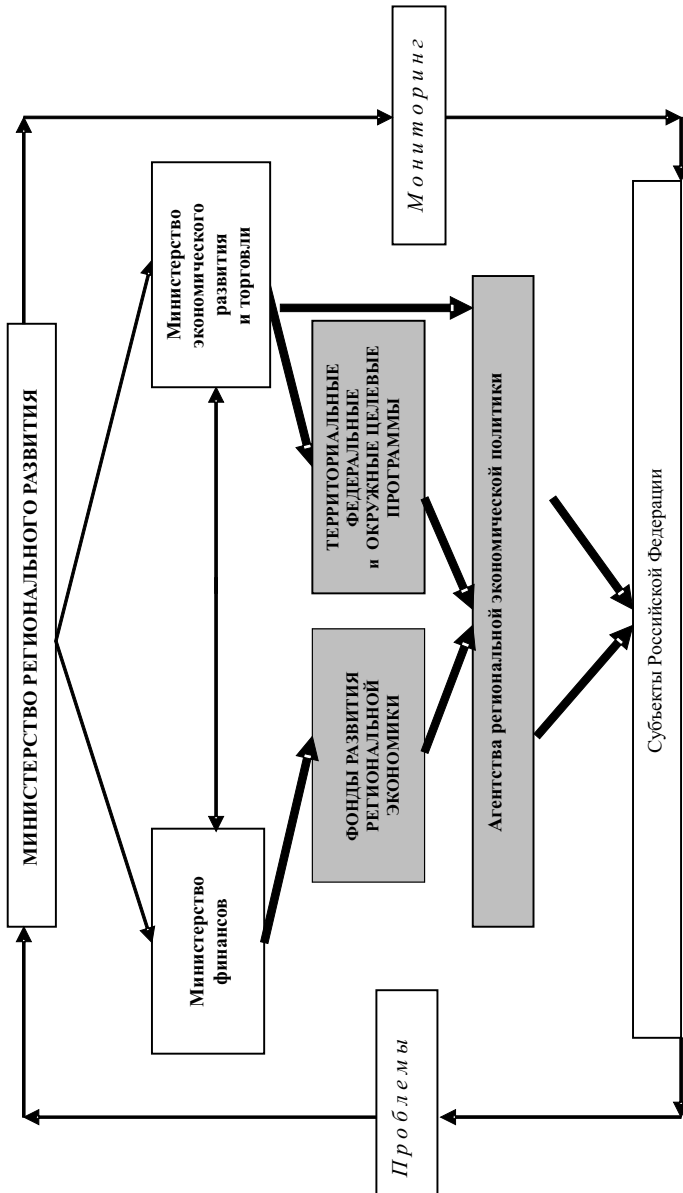

Схема 2. Механизм региональной экономической политики федерального правительства

Схема 3. Основные функции агентств региональной экономической политики

- Министерство экономического развития и торговли РФ обосновывает формы и мероприятия региональной экономической политики федерального правительства, используемые для реализации стратегии территориального развития страны и стратегий развития федеральных округов, разрабатывает ФТЦП и ФОЦП;
- Министерство финансов РФ, учитывая географию размещения проблемных регионов, решает вопросы, касающиеся формирования фондов развития региональной экономики – ФФРРЭ и ОФРРЭ (схема 2).

В-пятых, в федеральных округах, особенно в отдаленных от Москвы Сибирском и Дальневосточном, целесообразно разместить подчиненные трем указанным министерствам ведомства. Например, при министерстве экономического развития и торговли РФ следует создать Центральное агентство региональной экономической политики и шесть окружных агентств (схема 3). Это позволит полнее учитывать специфику развития отдельных регионов при обосновании форм, инструментария и механизма региональной экономической политики федерального правительства.

С участием Министерства регионального развития РФ предлагается образовать в федеральных округах корпорации регионального развития. В их функции должны входить

- проведение комплексного анализа воспроизводственных процессов в расположенных в округе субъектах РФ;
- осуществление сводного прогноза социально-экономического развития расположенных в округе субъектов РФ;
- разработка концепций совместного развития расположенных в округе субъектов РФ как среднесрочных документов, увязывающих стратегические цели развития РФ и федеральных округов со среднесрочными задачами развития отдельных субъектов Федерации.

Литература

1. **Казakov А.** Русское поле. Правовое: Десять лет Конституции и перспективы федерализма в России // Российская газета. – 2003. – 30 окт.
2. **Васильев В.** Изменения в системе национальных экономических счетов США в конце XX века // США – Канада. – 2004. – № 2.
3. **Пороховский А.А.** Роль государственной собственности в экономическом развитии США // США: экономика, политика, культура. – 2000. – № 3.
4. **Туровский Р.** Разграничение компетенции между уровнями власти: мировой опыт // Мировая экономика и международные отношения. – 2004. – № 11.
5. **Программа** социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2005–2008 годы) (продолжение) // Федеративные отношения и региональная социально-экономическая политика. – 2005. – № 3.
6. **Рябухин С.Н.** Проект федерального бюджета на 2006 год – первый шаг к организации бюджетного процесса, основанного на принципах экономичности, эффективности и результативности бюджетных расходов // Федеративные отношения и региональная социально-экономическая политика. – 2005. – № 12.

7. **Ларина Н.И.** Система документов по координации регионального развития // Регион: экономика и социология. – 2005. – № 1.
8. **Добрецов Н.Л., Конторович А.Э., Коржубаев А.Г. и др.** Научные основы социально-экономического развития Сибири // Регион: экономика и социология. – 2001. – № 4.
9. **Стратегия** экономического развития Сибири // Регион: экономика и социология. – 2002. – № 3.
10. **Стратегии** макрорегионов России: методологические подходы, приоритеты и пути реализации / Под ред. акад. А.Г. Гранберга. – М.: Наука, 2004.
11. **Федеральный** закон «О введении в действие Градостроительного кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – 2004. – 30 дек.
12. **Региональное** развитие: опыт России и Европейского союза. – М.: Экономика, 2000.

© Ларина Н.И., 2006

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ РОССИИ В КОНТРАСТНЫХ СЦЕНАРИЯХ ЕЕ РАЗВИТИЯ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ

С.А. Суспицын

*Статья подготовлена при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 05-06-80455)
и Российского гуманитарного научного фонда (проект № 06-02-00253)*

Статья посвящена анализу факторов и условий устойчивых пространственных изменений в социально-экономическом развитии экономики России, а также методов их выявления и продолжает исследования, результаты которых опубликованы в работах [1, 2]. Обсуждаются возможные воздействия на территориальную структуру экономики параметров и установок вероятных сценариев развития страны. Представлены количественные оценки структурных сдвигов, произошедших за 2000–2004 гг.

ТЕНДЕНЦИИ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В ЭКОНОМИКЕ

Кардинальные реформы российской экономики, проводившиеся в 90-е годы, сопровождались серьезными негативными последствиями для большинства регионов страны, и в том числе для регионов Сибири, в частности снижением объемов производства товаров и услуг и интенсивности межрегиональных связей, падением доходов населения, ростом безработицы и т.д. В этих условиях стержень социально-экономической политики, осуществлявшейся в регионах, проходил не по линии развития и экономического роста, а по линии удержания ситуации, преодоления многочисленных и временами почти катастрофических проблем, порождаемых все новыми и далеко не всегда продуманными в региональном разрезе новациями центра. Обобщенно говоря, политика региональных администраций носила в этот период явно выраженный патерналистский характер и была направлена на смягчение наиболее болезненных проявлений последствий осуществляемых реформ.

Прямо или косвенно такая политика касалась всех основных групп участников экономических отношений в регионах. Крупный бизнес получал налоговые льготы, мелкому бизнесу особо не досаждали с уплатой налогов и легализацией всех доходов, для населения в меру возможностей пытались сохранить приемлемые условия жизни сдерживанием цен на продукты питания, коммунальные услуги, дотациями слабо обеспеченным слоям и бедным семьям и т.д. Местные бюджеты укреплялись посредством жесткой регламентации расходов и принятия на региональные бюджеты основных расходов муниципальных сообществ на образование и здравоохранение и т.д.

Однако в целом к началу XXI в. возможности патерналистской политики были исчерпаны. И дело не только в перераспределении в пользу центра налоговых поступлений в бюджетную систему РФ, дополнительном росте напряженности региональных бюджетов в связи с жесткими установками коммунальной реформы и повышения оплаты труда в бюджетной сфере. Знаковым моментом является изменение экономической ситуации по существу – переход российской экономики от падения к стабилизации и экономическому росту. Осознание необратимости этих перемен, решение ряда самых острых проблем (погашение задолженностей по зарплате и пенсиям, сокращение неденежных форм оплаты продукции и услуг и т.п.) потребовали времени и усилий. И лишь в послед-

ние годы задача осмысления и практической разработки новой экономической политики встала в полный рост.

Важным фактором, существенно влияющим на правильную расстановку приоритетов такой политики, являются возможные изменения в пространственном распределении экономической активности. Не секрет, что территориальная структура экономики России сформировалась еще под влиянием принципов и реальной практики хозяйствования в условиях централизованного планирования. Переход к рыночной экономике меняет расклад сил, влияющих на пространственное развитие, многосторонне трансформируя побудительные мотивы движения в стране товаров, инвестиций, материальных, финансовых и трудовых ресурсов. Рост внутреннего рынка, потребительского спроса и импортозамещающих производств, диверсификация отраслевой структуры экономики с акцентом на развитие перерабатывающих отраслей с очевидностью предопределяют конкурентные преимущества регионов европейской части страны. В этих условиях можно ожидать, что большинство ее восточных регионов будут развиваться по кластерному типу, ограничиваясь точечными (очаговыми) «оазисами» экономической активности, с весьма слабо освоенными межкластерными промежутками. Уже сейчас основные ресурсы экономики восточных регионов страны во все возрастающих масштабах сосредотачиваются в крупных и средних городах. Потенциальную угрозу стабильности экономического развития регионов создают стихийные процессы эволюции системы расселения. «Голосование ногами» приводит к разрушению естественных воспроизводственных процессов на селе и в малых городах и, в конечном счете, к деградации сложившейся системы расселения. Эти процессы в значительной мере коснулись большинства регионов Сибири и Дальнего Востока и во все большей степени становятся реальными ограничениями перспективного экономического роста.

Если большая часть территории восточных районов страны будет подвергаться естественным процессам кластеризации с очевидными последствиями обеспечения в них ограниченных, минимально достаточных социально-экономических потребностей населения, предприятий и учреждений, то единственной компенсационной возможностью для макрорегиона в целом может стать лишь образование в более благоприятных условиях зон, готовых в перспективе воспроизводить в расширенных масштабах современные типы расселения и организации экономики, а при должном внимании со стороны государства способных не только превратиться в ни в чем не уступающую другим регионам часть экономи-

ческого пространства страны, но и стать полноценным плацдармом для интенсивного и избирательного развития регионов восточной части России. Под влиянием геополитических перспектив и угроз, описываемых в разных сценариях мирового развития, значение таких зон для страны в целом со временем может только усиливаться.

В Сибирском федеральном округе к роли опорной территории в наибольшей степени готовы регионы юга Западной Сибири. Устойчивую основу развития этой зоны составляют два мегаполиса (Новосибирск и Омск), крупные города (Барнаул, Кемерово, Новокузнецк, Томск) и система средних и малых городов, образующих точки сгущения экономической активности между ними (Барабинск, Куйбышев, Татарск, Юрга, Черепаново, Тальменка, Камень-на-Оби, Карасук, Бийск, Белово, Ленинск-Кузнецкий и др.). Очевидно, что целенаправленная поддержка развития последних (через создание сети филиалов крупных перерабатывающих производств, учреждений культуры и образования, расположенных в региональных столицах, через развитие местной промышленности, агропереработки, ремонтно-обслуживающих производств и т.п.) поможет вдохнуть новую жизнь в эти поселения, создать необходимые условия для более равномерного распределения экономического потенциала, обеспечить формирование нового типа социально-демографического воспроизводства, устойчиво противостоящего процессам кластеризации. Вокруг крупных городов успешно формируются городские агломерации. Новосибирск и Омск вполне способны развиваться в направлении мегаполисов межрайонного масштаба. Уже сейчас аэропорт Северный г. Новосибирска в основном обслуживает вахтовые поселки нефтяных и газовых промыслов Тюменского Севера. Софтовые компании, специализированные лечебные и реабилитационные центры, образовательные учреждения обслуживают предприятия и население не только Сибирского федерального округа, но и соседних регионов, включая Тюменскую область, Республику Саха (Якутия) и др.

В Дальневосточном федеральном округе частично такую нагрузку выполняют отдельные регионы юга Дальнего Востока. Но говорить о полномасштабной их роли в качестве опорной территории в широком смысле еще преждевременно. Основу устойчивого развития Уральского федерального округа во все больших проявлениях для округа в целом составляют Свердловская и Челябинская области.

Анализ тенденций развития восточных районов страны подтверждает эти предположения. Опубликованные в работе [1] оценки свидетельст-

вуют о том, что за период 2000–2004 гг. сводные индексы социально-экономического положения опорных регионов росли быстрее, чем по федеральному округу в целом. В Уральском федеральном округе такими регионами являются Свердловская и Челябинская области, в Сибирском округе – это регионы юга Западной Сибири, на Дальнем Востоке – регионы южной зоны (табл. 1).

Таблица 1

**Сводные индексы социально-экономического положения
регионов восточной зоны Российской Федерации, % к РФ**

Регион	2000	2001	2002	2003	2004
Уральский ФО	121,2	128,3	115,9	121,4	116,4
Тюменская обл.	248,6	256,7	209,1	218,6	193,9
Остальная часть округа	77,2	83,4	82,9	86,6	88,2
Сибирский ФО	76,6	82,7	79,4	81,0	85,6
Регионы юга Западной Сибири	78,5	87,5	83,3	87,1	91,9
Восточная Сибирь	74,1	76,4	74,4	72,9	77,0
Дальневосточный ФО	74,6	80,2	78,3	76,2	81,9
Республика Саха (Якутия)	121,7	128,3	122,2	120,8	119,9
Северо-Восток	70,3	68,0	71,2	72,0	79,4
Юг Дальнего Востока РФ	66,6	73,0	71,2	68,6	75,1

**ВОЗМОЖНЫЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ СДВИГИ
В КОНТРАСТНЫХ СЦЕНАРИЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ РОССИИ**

Принципиально различных сценариев социально-экономического развития России немного. Ниже будут описаны общие подходы к анализу возможных территориальных сдвигов в рамках трех основных сценариев: эволюционного, сценария, ориентированного на сокращение территориальных различий, и сценария инновационного развития. Влияние установок и основных характеристик этих сценариев на территориальные пропорции изучается в рамках следующих предпо-

ложений о составе исходной территориальной сетки и наборе региональных индикаторов.

Территориальная структура страны. Она рассматривается в разрезе 25 макрорегионов: Центр 1 – Владимирская, Ивановская, Костромская, Тверская и Ярославская области; Центр 2 – Москва и Московская область; Центр 3 – Брянская, Калужская, Орловская, Рязанская, Смоленская и Тульская области; Центр 4 – Белгородская, Воронежская, Курская, Липецкая и Тамбовская области; СевЗап 1 – Республика Карелия и Мурманская область; СевЗап 2 – Республика Коми, Архангельская область, Ненецкий АО, Вологодская область; СевЗап 3 – г. Санкт-Петербург и Ленинградская обл.; СевЗап 4 – Новгородская, Псковская и Калининградская области; Южный 1 – Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика и Республика Северная Осетия – Алания; Южный 2 – Республика Адыгея, Краснодарский, Ставропольский края и Ростовская область; Южный 3 – Республика Калмыкия, Астраханская и Волгоградская области; ПриВол 1 – Пензенская, Самарская, Саратовская и Ульяновская области; ПриВол 2 – Нижегородская область; ПриВол 3 – Республика Марий Эл, Мордовская Республика, Чувашская Республика и Кировская область; ПриВол 4 – Республика Башкортостан, Республика Татарстан и Оренбургская область; ПриВол 5 – Удмуртская Республика и Пермский край; Урал 1 – Курганская, Свердловская и Челябинская области; Урал 2 – Тюменская область, Ханты-Мансийский АО и Ямало-Ненецкий АО; Сибирь 1 – Республика Алтай, Алтайский край, Новосибирская и Омская области; Сибирь 2 – Кемеровская и Томская области; Сибирь 3 – Республика Хакасия, Красноярский край, Таймырский АО, Эвенкийский АО, Иркутская область и Усть-Ордынский Бурятский АО; Сибирь 4 – Республика Бурятия, Республика Тыва, Читинская область и Агинский Бурятский АО; ДалВос 1 – Республика Саха (Якутия); ДалВос 2 – Камчатская область, Корякский АО, Магаданская область и Чукотский АО; ДалВос 3 – Приморский и Хабаровский края, Еврейская автономная область, Амурская и Сахалинская области.

Информация. Межрегиональные сравнения проводились по данным Агентства по статистике РФ за период 2000–2004 гг. [3]. По первичным статистическим показателям был сформирован массив из следующих 30 индикаторов социально-экономического развития регионов:

- 1) ожидаемая продолжительность жизни;
- 2) уровень занятости;
- 3) обеспеченность жильем;

- 4) численность учащихся в общеобразовательных учреждениях;
- 5) число студентов на 1000 чел.;
- 6) число врачей на 10000 чел.;
- 7) численность среднего медицинского персонала на 10000 чел.;
- 8) количество больничных коек на 10000 чел.;
- 9) мощность врачебных амбулаторно-поликлинических учреждений на 10000 чел.;
- 10) индекс безопасности;
- 11) доля малых предприятий в общем числе предприятий;
- 12) плотность автодорожной сети;
- 13) удельный грузооборот автотранспорта;
- 14) относительный пассажирооборот;
- 15) обеспеченность телефонами;
- 16) поступления в бюджетную систему РФ;
- 17) плотность инвестиций в основной капитал;
- 18) среднедушевые денежные доходы;
- 19) среднемесячная заработная плата;
- 20) ВРП на душу населения;
- 21) плотность промышленного производства;
- 22) плотность сельскохозяйственного производства;
- 23) плотность строительного производства;
- 24) душевой оборот розничной торговли;
- 25) душевые платные услуги;
- 26) бюджетная обеспеченность;
- 27) налоговая нагрузка;
- 28) удельные инвестиции;
- 29) наполняемость душевых доходов;
- 30) наполняемость розничного товарооборота.

Сценарий эволюционного развития

При оценке направлений и масштабов пространственных изменений в экономике России эволюционная парадигма базируется на обобщенном влиянии на территориальные пропорции и их изменение основных факторов социально-экономического развития, в том числе и тех, что порождаются самой системой рыночных преобразований в стране и интеграцией России в мирохозяйственные отношения.

Статистическая информация (исходный перечень индикаторов) в основном касается экономики, материальной основы социальной сферы, благосостояния населения и частично демографии. Такие характеристики регионов, как природно-климатические условия, масштабы их «общения» с внешним миром и освоения его современных возможностей (культурных, информационных, образовательных, технологических и т.п.), качество потребляемых товаров и услуг в зависимости от уровня развития и степени урбанизации региона и т.п., прямо не отражаются в статистических данных, обычно используемых при расчетах региональных рейтингов. Поэтому для большей объективизации межрегиональных сравнений статистические данные были дополнены экспертными оценками по наиболее важным направлениям. Таким образом, в расчетах сводных рейтингов регионов использованы четыре группы статистических данных и экспертных оценок:

1) **статистические индикаторы социально-экономического развития**. Они составили массив из 30 индикаторов развития регионов начиная от продолжительности жизни и заканчивая удельными инвестициями и наполняемостью душевого товарооборота (их полный перечень приведен выше);

2) **индикаторы, отражающие природно-климатические условия**. Оценки по этим индикаторам ранжировали регионы по условиям комфортности проживания в них населения и ведения бизнеса. В них обобщались среднегодовые температуры, количество ненастных дней, уровень сейсмичности, почвенно-растительный потенциал и т.п.;

3) **характеристики «доступности» (трансфертабельности) современных (постиндустриальных) возможностей цивилизации**;

4) **индикаторы, характеризующие степень урбанизации территории**. Они отражали разный уровень качественных различий в условиях жизнедеятельности населения и ведения бизнеса.

На этих данных, формирующих последовательно расширяющиеся массивы индикаторов, были рассчитаны три группы региональных рейтингов, отражающих разное местоположение регионов в системе межрегиональных сопоставлений, а тем самым и разные ожидания возможных территориальных сдвигов в социально-экономическом развитии страны:

вариант 1 – расчет сводных рейтингов регионов по исходному массиву социально-экономических индикаторов;

вариант 2 – расчет региональных рейтингов на расширенном списке индикаторов варианта 1, дополнительно отражающих в них природно-климатические и трансфертабельные факторы;

вариант 3 – добавление в состав индикаторов варианта 2 оценок, отражающих степень урбанизации регионов и тем самым уровень качественных различий в условиях жизнедеятельности и ведения бизнеса.

Подробнее состав индикаторов и анализ результатов сравнения по этим вариантам описаны в работе [1].

Полученные сводные рейтинги регионов представлены в табл. 2.

Таблица 2

Сводные рейтинги регионов по вариантам

Регион	Вариант 1	Вариант 2	Вариант 3
СевЗап 1	0,41	0,55	0,61
СевЗап 2	0,44	0,57	0,57
СевЗап 3	0,44	0,61	0,74
СевЗап 4	0,36	0,57	0,60
Центр 1	0,33	0,61	0,63
Центр 2	0,63	0,78	0,82
Центр 3	0,35	0,62	0,63
Центр 4	0,37	0,62	0,61
Южный 1	0,27	0,51	0,49
Южный 2	0,35	0,57	0,54
Южный 3	0,34	0,54	0,58
ПриВол 1	0,36	0,62	0,64
ПриВол 2	0,34	0,61	0,64
ПриВол 3	0,35	0,58	0,59
ПриВол 4	0,45	0,58	0,57
ПриВол 5	0,41	0,51	0,56
Урал 1	0,36	0,46	0,53
Урал 2	1,00	0,67	0,63
Сибирь 1	0,35	0,42	0,49
Сибирь 2	0,38	0,43	0,50
Сибирь 3	0,43	0,43	0,49
Сибирь 4	0,30	0,31	0,39
ДалВос 1	0,63	0,39	0,43
ДалВос 2	0,45	0,31	0,47
ДалВос 3	0,37	0,37	0,47

Основные результаты анализа выполненных расчетов состоят в следующем. Дифференциация регионов, измеренная отношением максимального рейтинга к минимальному, последовательно снижается: в варианте 1 она равна 3,7, в варианте 2 – 2,5, в варианте 3 – 2,1. Правдоподобным объяснением сокращения региональных различий при выбранном способе расширения числа индикаторов является гипотеза о статистической конгруэнтности влияния экономических, природно-климатических, трансфертабельных и качественных факторов на сравнительные оценки положения регионов.

В варианте 1 проявились в территориальном разрезе унаследованные с прежних времен результаты хозяйственной политики, вариант 2 упорядочивает макрорегионы РФ в соответствии с потенциальной рыночной парадигмой территориальной структуры экономики, ориентированной на удовлетворение внутреннего спроса регионов и возможности более эффективного развития перерабатывающих секторов экономики в более комфортных условиях жизнедеятельности населения и ведения бизнеса. К лидерам рейтинговых сравнений варианта 1 (Центр 2 и Урал 2) подтянулись регионы Центральной России, не отличавшиеся высокими оценками при их сравнении по социально-экономическим факторам. Наоборот, в замыкающие группы попали регионы восточных районов страны, в том числе и те, что имели достаточно высокие рейтинги по экономическим факторам.

Представляется, что рейтинговые оценки расчетов по варианту 3, полученные при максимальном наборе факторов – статистических и экспертных, наиболее близки к «истинному» сравнительному положению рассматриваемых регионов. Тогда относительно них по рейтингам, полученным с более узкими наборами факторов (например, в варианте 1), одни регионы будут недооценены (т.е. будут иметь более низкие ранги (места) при сравнениях), а положение других будет переоценено. Естественно называть регионы с близкими рангами по обоим вариантам расчетов (различия в одно-два места) устойчиво ранжируемыми. Таким образом, вся совокупность макрорегионов разбивается на пять групп:

- группа сильно недооцененных регионов – ПриВол 2, Центр 1, Центр 3, ПриВол 1, Южный 3. Их общий потенциал существенно выше нынешних социально-экономических возможностей;
- группа регионов, средне недооцененных – СевЗап 3, Центр 4, Южный 1, ПриВол 3;

- группа устойчиво ранжируемых регионов – СевЗап 1, Центр 2, Южный 2, Урал 1, Сибирь 1, Сибирь 4. В настоящее время эти регионы развиваются в соответствии со своим общим потенциалом (кстати, достаточно разным);
- группа регионов, средне переоцененных – СевЗап 2, СевЗап 4, ПриВол 5, Урал 2, Сибирь 2. Эти регионы уже исчерпали их общий потенциал серьезного сравнительного улучшения своего положения;
- группа регионов, сильно переоцененных – ДалВос 1, ДалВос 2, ДалВос 3, Сибирь 3, ПриВол 4. По своим экономическим результатам эти регионы стоят много впереди позиций, приписываемых им на основе сводных сравнений (в варианте 3).

Обращает на себя внимание исключительно равномерное распределение регионов на группы: три из них содержат по пять регионов, одна – четыре и еще одна – шесть регионов. Другая закономерность состоит в том, что в переоцененные в основном попали макрорегионы Европейского Севера и восточной зоны страны, а в недооцененные – только регионы европейской части России. Вслед за этой констатацией можно развивать объясняющие аргументы. Один из них состоит в том, что в стране сложилось два разных типа регионов. Первые (северные и восточные районы) характеризуются повышенной дискомфортом среды, удаленностью от центра, избирательной структурой экономики, минимально отвечающей ей инфраструктурой. Региональные хозяйственные комплексы настроены на эффективное использование региональных ресурсов и в основном работают на вывоз. В целом, доминируя по экономическим факторам, эти регионы отстают в общерегиональных сравнениях по более широкому набору характеристик. Напротив, регионы Юга, Центральной России и прилегающих к ней районов Северо-Запада (СевЗап 3, СевЗап 4) в силу исторических условий (и прежде всего условий советского периода) в среднем слабее развиты в экономическом положении и не используют свой надэкономический потенциал (климатические условия, местоположение, расселение и др.). Поэтому с учетом указанных факторов в межрегиональных сравнениях обнаруживается недооценка возможностей данных регионов. С другой стороны, этот потенциал является их очевидным конкурентным преимуществом, особенно в условиях движения страны к экономике с заметно диверсифицированной структурой.

Сценарий снижения региональных различий

Актуальность проблемы сокращения межрегиональных различий состоит в том, что чрезмерная дифференциация уровней развития регионов России и ее увеличение в последние годы создают барьеры рыночным преобразованиям в стране, затрудняют формирование единого экономического пространства, определяют эксклюзивные формы государственного внимания к отдельным регионам и региональным проекциям секторов национальной экономики, что снижает возможности получения объективных оценок результативности государственной экономической политики и анализа системных последствий для регионов и страны принимаемых государственных решений. Другая особенность состоит в том, что наблюдаемый в последние пять лет значительный экономический рост в стране сопровождается нарастанием межрегиональных различий и что формирующиеся правила и механизмы экономических отношений устойчиво воспроизводят и закрепляют эти тенденции.

Из общих соображений понятно, что, имея три типа регионов – слабые, средние и сильные и желая уменьшить их социально-экономические различия, вы стоите перед необходимостью выбрать из трех возможных политик сокращения межрегиональной дифференциации – в слабой, средней или сильной форме, в зависимости от ваших возможностей. При слабой форме минимизируется рост отставания слабых регионов от сильных. Дифференциация при этом увеличивается, но в среднем темп роста отставания можно снизить при имеющихся ресурсах государства, которых в этом случае не хватает, чтобы пересилить импульсы деловой активности и экономического роста в сильных регионах. Средняя форма сохраняет сложившиеся различия. Меры государственной поддержки при этом дополняют и стимулируют рыночную активность в слабых регионах до уровня сильных. И только при сильной форме, когда действия государства обеспечивают слабым регионам возможности развиваться быстрее, чем изначально удавалось сильным регионам без такого внимания государства, проблема сокращения дифференциации решается по существу. Но если государство способно быть более эффективным, чем рынок, то зачем было городить огород (в смысле – менять строй)? А если все-таки последний «городится», то, следовательно, либо в политике сокращения межрегиональной дифференциации вы ограничены первыми двумя ее формами (слабой и средней), либо вы сознательно жертвуете экономическим рос-

том в угоду «региональному равенству». В обоих случаях первоначальные установки целенаправленного изменения территориальных пропорций будут заметно корректироваться.

Общая задача состоит в разработке методической схемы оптимизации уровня межрегиональной дифференциации в двух взаимных постановках: а) оптимизации в динамике степени межрегиональных различий при заданных ограничениях на общие масштабы возможных для этого ресурсов; б) оптимизации ресурсов и динамики их использования для достижения заданных уровней межрегиональной дифференциации. Эти постановки возможно рассматривать также в контексте оптимизации соотношений двух принципиально разных форм государственной поддержки нуждающихся регионов: а) формирования инвестиционных ресурсов для наращивания производственного аппарата и экономического потенциала региона в целом; б) мобилизации ресурсов на текущее функционирование. Данный аспект проблемы уменьшения региональной асимметрии, при всей популярности его публицистических и общетеоретических обсуждений, в методическом отношении практически не проработан.

Формальная постановка частной задачи снижения уровня межрегиональных различий может быть такой. Пусть

$U^f = (U^f_1, \dots, U^f_n)$ – система индикаторов социально-экономического развития региона f , нормированных к среднероссийскому уровню (компоненты U^f предполагаются неотрицательными и односторонне направленными – бо́льшие значения соответствуют улучшению ситуации);

$D^f = \sum U^f_j$ – суммарный рейтинг региона;

$U^m = (U^m_1, \dots, U^m_n)$ – система минимально допустимых индикаторов.

Множество приемлемых состояний естественно определить как $U \geq U^m$;

$D^m = \sum U^m_j$ – нижняя граница рейтингов регионов с приемлемыми характеристиками (т.е. не ниже рейтинга, подсчитанного для минимально допустимого вектора состояний U^m).

Определим вектор желаемых состояний U^{f*} для региона f с характеристиками U^f следующим образом:

$$U^{f*} = \begin{cases} U^f, & \text{если } U^f \geq U^m_j \\ U^m, & \text{если } D^f \leq D^m \text{ (1)} \\ \arg(\min \rho(U^f, U) : U \geq U^m, eU = D^f) & \text{в остальных случаях.} \end{cases}$$

Здесь ρ – расстояние в пространстве индикаторов.

Содержательно условия (1) означают, что для каждого региона желаемые уровни его развития либо совпадают с достигнутым уровнем, если он принадлежит к области допустимых состояний, либо равны вектору минимально возможных значений индикаторов регионального развития, либо определяются ближайшей к достигнутому состоянию точкой на границе множества допустимых состояний. Определение вектора минимальных региональных стандартов также может быть эндогенизировано в процессе изучения структуры множества региональных индикаторов рассматриваемой совокупности регионов.

Формально определенные таким образом желаемые состояния U^{f*} обладают следующими свойствами:

- 1) допустимы (принадлежат к зоне приемлемых состояний);
- 2) минимальны (наименее отклоняются от исходных состояний регионов);
- 3) дифференцированы (свои в общем случае для каждого региона);
- 4) сохраняют (не ухудшают) исходные рейтинги регионов, $SU^{f*} = D^f = SU^f$;
- 5) инвариантны (сохраняют место региона среди других регионов; исключением может быть лишь переход в состояние с минимальными индикаторами U^m);
- 6) корректируют структуру региональных индикаторов в сторону снижения их вариации $\text{Var}(U^{f*}) \leq \text{Var}(U^f)$;
- 7) по каждому частному индикатору снижают степень дифференциации регионов:

$$\text{Var}(U^{I*}_j, \dots, U^{R*}_j) \leq \text{Var}(U^I_j, \dots, U^R_j), j = 1, \dots, n;$$

- 8) повышают средний уровень индикаторов $\bar{U}^* > \bar{U}$. Здесь $U = (\sum (U^f_1)/R, \dots, \sum (U^f_n)/R)$;

- 9) сохраняют общий среднероссийский уровень (средневзвешенную по численности населения по регионам и индикаторам среднюю оценку относительных индикаторов) W :

$$W = \sum_{f,j} U^f_j \cdot H^f / H = \sum_f D^f \cdot H^f / H = \sum_{f,j} U^{f*}_j \cdot H^f / H = W^*.$$

Построенные по этим правилам желаемые уровни развития регионов демократичны в своей основе, исключают субъективный компонент сокращения межрегиональных различий, нацелены на поддержку слабых

регионов и оставляют возможности для саморазвития сильных. А эндогенизация «минимальных региональных стандартов» по схеме адаптивной структуризации множества региональных индикаторов позволяет выстраивать реалистичные желаемые состояния слабых регионов, согласованные с ресурсными возможностями страны и региональных экономик. Примеры построения таких нормативов для несколько более простой задачи приведены в работе [4].

Как и выше, при анализе территориальных сдвигов в рамках эволюционного сценария, общедоступная региональная статистика достаточно односторонне характеризует существующий уровень межрегиональной дифференциации и сложившиеся территориальные пропорции экономического развития. Ее дополнение рядом качественных характеристик, определяемых экспертным путем на интервальных шкалах (таких, как оценка комфортности условий проживания людей и ведения бизнеса, оценка доступности постиндустриальных достижений мирохозяйственной системы, оценки качественных различий количественно равнозначных параметров производственной и социальной инфраструктуры и т.д.) позволяет более полно оценить потенциал региональных экономик и, тем самым, возможные направления пространственных трансформаций.

Сценарий инновационной направленности

Современные тенденции развития передовых стран состоят в становлении новой экономики инновационного типа, основанной на масштабном использовании последних достижений науки и техники. Параметры инновационного развития России зафиксированы в правительственной программе на среднесрочную перспективу [5], в Стратегии развития Сибири также предусмотрен заметный рост производства высокотехнологичной продукции [6].

Можно выделить три основные характеристики инновационной экономики:

- возникновение новых потребностей, удовлетворяемых с использованием наукоемкой продукции;
- появление новых способов удовлетворения прежних потребностей (мобильная телефония, лазерная инженерия и биоинженерия и т.п.);

- снижение затрат производства и эксплуатации, повышение в целом эффективности производства товаров и услуг традиционными способами.

Жизненные циклы производства наукоемкой продукции отличаются от циклов производства обычной продукции фазами распространения высоких технологий. Поэтому актуальными задачами являются теоретический анализ масштабов, динамики и источников становления и диффузии экономики нововведений, выявление закономерностей пространственного распространения инновационной волны от источников – генераторов нововведений (отраслей, регионов-лидеров) и формирования инновационной экономики в целом, разработка моделей инновационного экономического развития и механизмов стимулирования производства наукоемкой продукции.

В отношении пространственного аспекта развития инновационной экономики важной характеристикой может служить инновационная эластичность региональных хозяйственных комплексов – изменение доли инновационного сектора при росте инвестиций в основной капитал.

Для анализа инновационного потенциала региона можно предложить простую схему оценки основных региональных факторов производства с использованием трехуровневой шкалы (от 1 до 3):

- структура экономики по отношению к инновациям – регрессивная, нейтральная, прогрессивная;
- кадровый состав работников – не расположен (не способен) к освоению нововведений, безразличен, расположен;
- капитал – склонен к внедрению инноваций, нейтрален, отрицает их (не способен к нововведениям);
- собственная инновационная база – отсутствует, малозначимая, масштабная;
- привлекательность региона для внешних инноваций – высокая, средняя, низкая;
- склонность к инновациям – на уровне хайтек, эффективных технологий, частных новшеств.

Сводная оценка инновационного потенциала региона определяется суммой балльных оценок отдельных факторов. Большой суммарный рейтинг соответствует большей склонности региона к производству и использованию наукоемкой продукции.

По региону в целом затруднительно дать обоснованные оценки даже с применением простейших трехуровневых шкал. Поэтому в практическом плане проще осуществить оценки инновационного потенциала региона в разрезе его отдельных отраслей с последующим их усреднением по региону в целом. Другой методический прием может базироваться на сравнениях отдельных факторов для любых пар регионов и использовании этих оценок в процедурах, идейно близких к методам анализа иерархий (МАИ; см., например [7]), для построения интегральных оценок инновационного потенциала регионов.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ОЦЕНКИ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В ЭКОНОМИКЕ РОССИИ В 2000–2004 гг.

При анализе влияния параметров описанных выше сценариев (и любых других) на социально-экономическое развитие страны возникает задача выявления устойчивых (практически необратимых в обычной ситуации) территориальных сдвигов за период, предшествующий расчетному, часто обозначаемых термином «пространственные трансформации» или термином «трансформации пространственной структуры». В дальнейшем под пространственными трансформациями российской экономики будем понимать процесс изменения долговременно устойчивых показателей развития многорегиональной системы РФ, очищенных от национальных трендов. Их измеримыми характеристиками могут служить динамические ряды сводных региональных индексов, обобщающих в себе многообразие частных индикаторов социально-экономического положения отдельных регионов.

Трансформации экономического пространства России можно рассматривать как в рамках нормативного подхода – как движение к заданной территориальной структуре экономики, так и в позитивистских традициях, изучая эволюцию пространственного распределения экономической активности и выявляя ее причины, факторы и ограничения. Реальные ограничения пространственных трансформаций могут выражаться в стабильности обобщающих характеристик (сводных индексов) развития регионов, обусловленной многими причинами: не набравшими «критической массы» мероприятиями (приоритеты, целевые установки, мобилизуемые ресурсы и т.п.) государственной социально-экономической политики, сохранением в длительной перспективе пространственного распределения мотиваций основных инвесторов региональных экономик и т.д.

В каждый период времени регионы России находятся на разных уровнях социально-экономического развития, характеризующихся разным реальным экономическим потенциалом, и разными возможностями саморазвития, и разной степенью конкурентоспособности на межрегиональных рынках товаров и услуг, и разной степенью «зрелости», готовности к восприятию мировых и лучших отечественных достижений в технологиях и управлении, и разным возможным участием в решении важных и приоритетных общегосударственных проблем и т.д. Поэтому вполне очевидно, что и отклики регионов на угрозы времени, на установки тех или иных общенациональных сценариев социально-экономического развития будут неодинаковы, что в конечном счете будет выражаться в изменениях территориальных пропорций экономики страны.

Реальный дрейф территориальной структуры экономики во многом будет зависеть от конкретных условий (внешних и внутренних), в которых будет происходить социально-экономическое развитие страны. Разные сценарии социально-экономического развития России будут, очевидно, по-разному влиять на развитие регионов, что будет по-разному воздействовать на территориальную структуру российской экономики. В свою очередь, пространственное распределение экономического потенциала и его динамика задают определенные ограничения масштабным преобразованиям в стране.

Концептуальная схема предлагаемой методики оценки территориальных сдвигов предусматривает следующие этапы:

- формирование массивов исходных показателей, достаточно комплексно раскрывающих социально-экономическое развитие регионов страны;
- разработку процедур их агрегирования в разных срезах (территориальном, отраслевом, временном);
- разработку процедур построения на этих массивах индикаторов регионального развития, приведенных к виду корректных межрегиональных сравнений (элиминирующих влияние ценовых искажений – региональных и инфляционных удорожаний);
- разработку методик (моделей) прогнозирования таких наборов индикаторов в перспективном периоде;
- разработку методик сравнения построенных индикаторов между собой, между регионами и между годами рассматриваемого периода;

- получение оценок степени межрегиональных различий и желаемых уровней изменения региональных индикаторов (или их части), системно определяющих изменение общего уровня региональных различий и территориальных сдвигов.

Таблица 3

**Сводные оценки территориальных сдвигов
в экономике Российской Федерации, % к РФ**

Регион	2000	2001	2002	2003	2004
Центр 1	1,7	1,8	1,9	1,8	1,9
Центр 2	9,9	10,1	10,2	10,5	10,7
Центр 3	2,5	2,4	2,5	2,5	2,5
Центр 4	3,2	3,0	3,1	3,1	3,3
СевЗап 1	4,2	4,1	3,7	3,5	3,5
СевЗап 2	3,9	3,9	3,6	3,8	3,8
СевЗап 3	4,4	4,6	4,8	5,5	6,0
СевЗап 4	2,2	1,9	1,9	2,1	2,0
Южный 1	1,2	1,4	1,4	1,4	1,3
Южный 2	4,6	4,3	4,8	3,6	3,3
Южный 3	2,7	2,5	2,3	2,3	2,2
ПриВол 1	2,8	2,7	2,5	2,5	2,6
ПриВол 2	2,9	3,1	3,0	3,3	2,8
ПриВол 3	1,8	1,8	1,8	1,8	1,8
ПриВол 4	4,9	4,9	4,2	4,6	4,3
ПриВол 5	3,5	3,4	3,1	3,0	2,8
Урал 1	2,7	2,5	2,6	2,7	2,9
Урал 2	12,9	13,1	13,2	12,8	12,0
Сибирь 1	2,9	3,3	3,0	3,0	2,9
Сибирь 2	2,9	2,8	2,8	2,9	3,2
Сибирь 3	4,1	3,8	3,7	3,4	3,4
Сибирь 4	1,6	1,5	1,7	1,7	1,6
ДалВос 1	8,0	7,8	8,4	8,6	8,4
ДалВос 2	5,9	6,3	6,5	6,4	7,2
ДалВос 3	2,8	2,9	3,0	3,2	3,5

Для выявления устойчивых тенденций в изменениях территориальной структуры России предлагается при сравнении конкретных региональных индикаторов использовать интервальные шкалы с примерно 10–15%-м шагом фиксируемых изменений. При таком подходе случайные флуктуации региональных индикаторов будут нивелированы и в динамике относительных изменений более выпукло проявятся устойчивые закономерности.

Вычислительные эксперименты проводились на данных оперативной статистики Федеральной службы государственной статистики РФ за 2000–2004 гг. Рассматривалось девять индикаторов в расчете на душу населения: 1) инвестиции; 2) объемы промышленного производства; 3) объемы сельскохозяйственного производства; 4) доходы населения; 5) средняя заработная плата; 6) численность безработных; 7) оборот розничной торговли; 8) платные услуги; 9) бюджетная обеспеченность. По каждому из индикаторов на интервальной шкале проводились парные сравнения между регионами и результаты обрабатывались по схеме МАИ. Получаемые частные оценки сравнительной значимости регионов по каждому индикатору усреднялись по всему множеству индикаторов.

Таблица 4

**Динамика территориальных сдвигов в разрезе
федеральных округов и макрорезонов Российской Федерации, %**

Регион	2000	2001	2002	2003	2004
Европейская часть страны	56,2	56,0	54,9	55,3	54,9
В том числе:					
Центральный ФО	17,2	17,3	17,7	18,0	18,4
Северо-Западный ФО	14,7	14,5	14,0	14,9	15,3
Южный ФО	8,5	8,2	8,5	7,3	6,8
Приволжский ФО	15,8	15,9	14,7	15,2	14,4
Восточные районы страны	43,8	44,0	45,1	44,7	45,1
В том числе:					
Уральский ФО	15,7	15,6	15,9	15,6	14,9
Сибирский ФО	11,5	11,4	11,2	11,0	11,1
Дальневосточный ФО	16,6	17,0	18,0	18,2	19,1

торов. Итоговые оценки регионов представлены в табл. 3. Их можно интерпретировать как распределение между регионами экономического потенциала страны (в части представленного использованными в расчетах индикаторами).

Данные таблиц 3 и 4 показывают сохранение территориальных пропорций в период 2000–2004 гг., с еле заметным их дрейфом в сторону восточных районов России (среднегодовым темпом на уровне 0,25%). В европейской зоне страны экономическая активность продолжает во все большей мере сосредоточиваться в Центральном и Северо-Западном районах, а в них – в макрорегионах Центр 2 и СевЗап 3. Снижается удельный вес Приволжского федерального округа. На Юге России лишь в национальных республиках удалось в течение последних лет удержать сравнительные характеристики на уровне 2000 г. В остальных регионах Южного федерального округа заметно относительное снижение экономической активности. В восточных районах страны можно отметить снижение удельного веса Уральского федерального округа, сохранение status quo Сибирского округа и заметную активизацию экономической деятельности в Дальневосточном округе.

Литература

1. **Суспицын С.А.** Потенции и ограничения пространственных трансформаций в экономике России // Регион: экономика и социология. – 2004. – № 4.
2. **Суспицын С.А.** Барометры общего регионального положения // Проблемы прогнозирования. – 2005. – № 2.
3. **Регионы России** / Росстат. – М., 2004.
4. **Суспицын С.А.** Моделирование и анализ межуровневых отношений в Российской Федерации. – Новосибирск: Изд-во ИЭиОПП СО РАН, 1999.
5. **Программа** социально-экономического развития России на 2006–2008 гг. и на период до 2010 г. / www.economy.gov.ru.
6. **Суслов В.И., Суспицын С.А.** Стратегия развития Сибири: макроэкономическая и территориальная проекции // Регион: экономика и социология. – 2005. – № 4.
7. **Саати Т., Кернс К.** Аналитическое планирование. Организация систем. – М.: Радио и связь, 1991.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ НЕДРОПОЛЬЗОВАНИЯ В РОССИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ И СЛЕДСТВИЯ

В.А. Крюков

ДИНАМИКА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ НЕДРОПОЛЬЗОВАНИЯ

Динамика институциональной системы недропользования (ресурсного режима или нормативно-правового пространства) в целом подчиняется тем же закономерностям и имеет те же особенности, что и изменение любой другой системы институтов. Направления изменений институционального устройства экономики (в части собственно экономической) определяются

- системой приоритетов и предпочтений, складывающихся в данной стране на определенный момент времени;
- производственно-технологическими условиями и факторами, лежащими на стороне используемых в хозяйственной деятельности активов;
- фундаментальными изменениями в соотношении цен на основные факторы и условия осуществления хозяйственной деятельности [1].

Эти изменения могут происходить двумя основными путями: во-первых, эволюционным – по мере накопления изменений, прежде всего, в составе производственно-технологических активов; во-вторых, индуцированным (или скачкообразным) при сдерживании эволюции отмеченных выше основных факторов и условий¹.

---

¹ Это так называемая модель индуцированных институциональных изменений В. Раттена и Ю. Хайами, в соответствии с которой, с одной стороны, экзогенные изменения в технологиях, обеспеченности ресурсами или потребительском спросе создают неравновесие на рынках факторов производства, из чего и вырастает спрос на институциональные изменения в экономике в целом, а с другой стороны, предложение институциональных изменений отражает борьбу между различными группами специальных интересов (см. [2]).

При формировании системы институтов, обеспечивающих функционирование системы недропользования, основанной на преимущественном действии рыночных сил и регуляторов, особое значение имеет учет системно-специфических особенностей активов минерально-сырьевого сектора. К данным особенностям необходимо отнести характеристики основных активов, обусловленные их функционированием в условиях «единой общенародной собственности». Только по мере изменения характеристик основных активов (т.е. по мере ослабления монопольного положения собственников ранее созданных объектов инфраструктуры) целесообразно осуществлять замещение инструментов реализации норм и правил, основанных на указаниях, инструментами, основанными на стимулировании.

Как оценить необходимость появления нового ресурсного режима? Какие факторы определяют, может ли существующий режим действовать еще определенное время? Можем ли мы пролить свет на возникновение новых режимов, анализируя закат предшествующих? Есть ли определенная универсальная последовательность институтов, присущих ресурсным режимам, или необходимо выделять несколько различных моделей?

По мнению О. Янга, реальные ресурсные режимы могут быть трех различных типов:

- 1) формируемые как спонтанный порядок;
- 2) формируемые в процессе обсуждений. В этом случае попытки понять процесс возникновения обсуждаемого порядка требуют анализа процедур торга;
- 3) формируемые в рамках привнесенного порядка.

Подобные режимы устанавливаются доминирующей группой или консорциумом акторов, и динамика данных режимов может быть объяснена в терминах и в рамках изменения власти.

Следует отметить, что возрастание сложности социальных систем очень часто ведет к формированию ресурсных режимов на спонтанной основе, а не на основе переговоров или установления того или иного порядка. Некоторые режимы содержат внутренние противоречия, которые со временем ведут к серьезным проблемам и усиливают давление в направлении проведения преобразований. Не вызывает сомнения тот факт, что развитие технологии обостряет внутренние противоречия, присутствующие изначально в том или ином ресурсном режиме.

Мы разделяем точку зрения В.Л. Тамбовцева относительно того, что в рамках чисто экономического («наивного») подхода к определению

причин институциональных изменений игнорируются не только политические факторы, но и значимость фактора перераспределения богатства, обусловленного принимаемыми институциональными изменениями [2]. Изменение институциональной системы недропользования в России начиная с конца 80-х годов является ярким подтверждением данного тезиса. Уменьшение роли регионов в решении вопросов, касающихся предоставления прав на пользование недрами, а также отстранение регионов от процесса мониторинга условий пользования недрами являются одной из очевидных форм проявления доминирующего влияния политических обстоятельств на изменения институциональных условий в сфере недропользования.

ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ НЕДРОПОЛЬЗОВАНИЯ, ФОРМИРУЕМОЙ В РОССИИ

Сегодня в России процесс формирования институциональной системы в сфере недропользования осуществляется, на наш взгляд, в значительной мере на спонтанной основе под влиянием определенных доминирующих групп акторов и очень тесно связан с изменениями в политической системе. Можно выделить три основных периода формирования институциональной системы в недропользовании.

Первый период (1990–1997 гг.) – формирование основ рыночно ориентированной системы недропользования (принятие федеральных законов «О недрах», «О соглашениях о разделе продукции» и др.). Характерная особенность данного периода – многоаспектность подходов к учету специфики процесса недропользования. Именно в этот период формируются и получают правовое закрепление инициативы регионов в данной области, предпринимаются попытки учета особенностей разведки, освоения и разработки различных по качеству запасов и местоположению месторождений полезных ископаемых.

Второй период (1998–2001 гг.) – усиление влияния на процессы формирования и реализации норм и правил в сфере недропользования со стороны вертикально интегрированных финансовых групп и финансово-олигархических конгломератов. Наиболее яркое свидетельство – активное лоббирование со стороны ОАО «НК «ЮКОС» введения налога на добычу полезных ископаемых и принятие по нему «плоской» шкалы.

Третий период (с 2002 г. до настоящего времени) – разработка нового базового законодательства в сфере недропользования, в большей степени

отвечающего реализации национальных экономических приоритетов. При этом происходит существенное ограничение прав и полномочий регионов в сфере недропользования.

Принятый в феврале 1992 г. Закон РФ «О недрах» и сегодня является «краеугольным камнем» системы недропользования. В основу данного законодательного акта были положены следующие принципы:

- платность пользования недрами;
- равнодоступность недр для всех хозяйствующих субъектов;
- предоставление прав на пользование недрами на базе лицензий;
- стремление к формированию прозрачного механизма изъятия и распределения рентных доходов. До конца 2001 г. были определены не только формы взимания рентных платежей, но и пропорции их распределения между Федерацией и регионами, где ведется добыча минерального сырья;
- совместное ведение государственным фондом недр со стороны Федерации и того субъекта Федерации, на территории которого располагается соответствующая часть фонда.

Закон «О недрах» не только заложил основные принципы законодательства о недропользовании, но и наметил реальные пути включения минерально-сырьевых ресурсов в систему формирующихся рыночных экономических отношений. Последующие редакции данного закона в течение почти 10 лет не изменяли, а лишь дополняли и уточняли реализуемые подходы и основные положения.

Несмотря на значительные усилия по формированию эффективной институциональной системы в сфере недропользования, к числу отличительных ее черт и особенностей, тем не менее, относятся ее существенная неполнота и рассогласование во времени процесса формирования и становления различных институтов. Именно данные обстоятельства ведут к тому, что институциональная среда в минерально-сырьевом секторе России может быть охарактеризована как мягкая, и соответственно условия функционирования недропользователей с полным основанием могут быть отнесены к мягким бюджетным ограничениям.

Вместо процедур взаимодействия по разрешению социальных конфликтов – процедуры субординации и согласования. В процессе экономических реформ и политических преобразований, проходившем в России в конце 80-х – начале 90-х годов, базовый институт, отражаю-

ший право собственности на недра, был сформирован на основе так называемого принципа совместного ведения. В то же время (см. ниже раздел о мягких институциональных ограничениях) правила и процедуры, обеспечивающие реализацию данного права, не были в полной мере обозначены, выстроены и организованы. В итоге, с одной стороны, принцип совместного ведения был определен как неработающий и подвергнут ревизии и фактической отмене, а с другой стороны, отсутствие целого ряда комплементарных норм и правил обусловило в целом значительную мягкость бюджетных ограничений, что создало предпосылки и условия для формирования олигархического типа собственности в нефтегазовом секторе России.

С началом проведения административной реформы в 2001 г. в Закон «О недрах» был внесен ряд концептуальных изменений, которые непосредственно затронули интересы регионов и фактически отменили действие принципа совместного ведения. В 2001 г. были приняты поправки, которые принципиально изменили систему платежей при пользовании недрами. Вместо роялти и отчислений на воспроизводство минерально-сырьевой базы был введен налог на добычу. Существенно изменилось распределение между бюджетами налога на добычу нефти и газа: основная часть налога теперь направляется в федеральный бюджет. В 2004 г. принципиально изменилось распределение полномочий в сфере регулирования отношений недропользования между федеральным и региональным уровнями². Полномочия федерального органа управления государственным фондом недр значительно расширились: теперь все важнейшие решения в данной сфере принимаются на федеральном уровне.

Несбалансированность ресурсного режима, сформированного в России в 90-е годы, – пожалуй, основная причина того, что данный принцип не действует. Практическая его реализация не была подкреплена формированием комплекса процедур социального выбора. Вполне очевидно, что в этих условиях конфликты интересов различных сторон – Федерации, субъектов Федерации, где ведется добыча нефти и газа, и, в какой-то мере, недропользователей привели к ситуации, в которой данный принцип оказался неработающим.

---

² См. Закон «О внесении изменений и дополнений в Закон РФ “О недрах”» от 22 августа 2004 г. Данные поправки были связаны с необходимостью приведения Закона «О недрах» в соответствие с Федеральным законом «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти в РФ» от 4 июля 2003 г.

Тем не менее в течение 90-х годов в условиях значительной отстраненности федерального центра от практического решения вопросов управления природно-ресурсным потенциалом страны (на повестке дня были приватизация и поддержание социально-экономической стабильности в стране в целом) на региональном уровне шло развитие принципа совместного ведения. Формировались процедуры и механизмы управления, основанные на взаимодействии органов исполнительной власти различного уровня.

Наиболее значительное продвижение в формировании реально функционирующей модели взаимодействия было достигнуто в Ханты-Мансийском автономном округе. Весь процесс подготовки и принятия решений, связанных как с предоставлением прав на пользование недрами, так и с последующим мониторингом соблюдения условий получения данных прав, был структурирован и организационно оформлен в виде соответствующих нормативно-правовых актов и создания органов совместного управления (с представительством и Федерации, и соответствующих регионов). При этом территория в существенной мере использовала предоставленное ей конституционное право так называемого опережающего законодательства. Начиная с 2001 г. в рамках осуществления административной реформы и приведения регионального законодательства в соответствие с федеральным законодательством действие данных региональных (более прогрессивных) нормативно-правовых актов было приостановлено. Среди нормативно-правовых актов Ханты-Мансийского АО по вопросам недропользования [3] следует отметить региональные законы «О недропользовании» (1996 г., с поправками 1998, 2001 и 2002 гг.) и «Об участии Ханты-Мансийского автономного округа в соглашениях о разделе продукции, поиске, разведке и добыче минерального сырья на территории округа» (1998 г., с поправками 2000 и 2001 гг.).

В течение 90-х годов развитие системы региональных институтов управления недропользованием шло, с одной стороны, по пути формирования в структуре региональных органов исполнительной власти специализированных комитетов (департамент по нефти, газу и минеральным ресурсам в Ханты-Мансийском АО, департамент природно-ресурсного регулирования и развития нефтегазового комплекса в Ямало-Ненецком АО), а с другой стороны, по пути формирования ряда совместных комиссий (с участием представителей федеральных и региональных органов исполнительной власти). Основное назначение подобных комиссий – выработка совместных решений (в соответствии с принципом «двух ключей») по во-

просам недропользования (фактически это формирование процедур, ориентированных на осуществление социального или коллективного выбора в связи с определением направлений использования ресурсов). В частности, на территории Ханты-Мансийского АО были созданы Межведомственная комиссия по лицензированию недр и водных объектов (2001 г.), Комиссия правительства Ханты-Мансийского автономного округа по вопросам заключения и реализации соглашений о разделе продукции (2000 г.), Межведомственная территориальная комиссия по запасам нефти и газа (1994 г.), Комиссия по комплексным проверкам выполнения лицензионных соглашений недропользователями (2001 г.).

Отсутствие эффективных правил пользования природными ресурсами. Институциональные условия, сформированные в нефтегазовом секторе России в 90-е – начале 2000-х годов, с полным основанием могут быть охарактеризованы как мягкие, в том числе и из-за отсутствия в нормативно-правовом пространстве эффективных правил пользования природными ресурсами. Именно поэтому значительная часть компаний, созданных в процессе реформирования и приватизации активов нефтегазового сектора (прежде всего компании, занявшие доминирующие позиции в нефтегазовом секторе экономики России), получили возможность практически свободно распоряжаться тем природно-ресурсным потенциалом, использовать который им было разрешено при переоформлении прав на пользование недрами (по ранее разрабатываемым месторождениям) или на основании результатов конкурсов (аукционов) на право пользования недрами (по новым участкам).

В лицензиях на право пользования недрами требования к процессу освоения и использования участков недр были сформулированы в самом общем виде. В качестве основных показателей были определены объем добычи углеводородов и период «выхода» месторождения на данный уровень добычи. В то же время технологические и технические условия недропользования, а именно, отмеченные ранее «правила пользования, определяющие стандарты, которые акторы, осуществляющие использование ресурсов, должны принимать», не были сформулированы вовсе. Вместо этого была подчеркнута преемственность правил, принятых в рамках системы централизованного планирования и управления. В то же время данные правила носили в существенной степени ведомственный характер и никак не учитывали особенности освоения и разработки месторождений углеводородного сырья в новых реалиях (прежде всего с точки зрения разделения контрольных и хозяйственных

функций, а также с точки зрения функционирования государственной системы мониторинга).

Действующая система контроля за соблюдением условий лицензий на право пользования недрами основана на периодических проверках. Такие проверки проводят подразделения Министерства природных ресурсов РФ или соответствующие подразделения органов исполнительной власти субъектов Федерации либо проверки проводятся совместно. Эффективность данных проверок весьма низкая: нет ни одного случая отзыва лицензии, например, за невыполнение условий по утилизации попутного газа (при этом ежегодно сжигается свыше 10 млрд куб. м ценного нефтехимического сырья). В целом органы исполнительной власти как на федеральном, так и на региональном уровне практически не имеют возможности отозвать действующую лицензию.

В 2002–2003 гг. по инициативе правительства Ханты-Мансийского АО были подготовлены проекты следующих нормативных документов, направленных на формирование более отчетливых правил пользования недрами:

- предварительный стандарт «Организация мониторинга формирования и выполнения проектных решений и проектов обустройства нефтяных месторождений на территории Ханты-Мансийского автономного округа». Разработан ОАО «Тюменский нефтяной научно-технологический центр», внесен на рассмотрение Департаментом нефтяной и нефтеперерабатывающей промышленности Минэнерго России, утвержден и введен в действие приказом Минэнерго России от 10 июня 2003 г.;
- предварительный стандарт «Положение о системе учета и контроля количества нефти и газа, добываемых на месторождениях Ханты-Мансийского автономного округа». Разработан ОАО «Тюменский нефтяной научно-технологический центр», внесен на рассмотрение Департаментом нефтяной и нефтеперерабатывающей промышленности Минэнерго России, утвержден и введен в действие приказом Минэнерго России от 30 декабря 2002 г.;
- предварительный стандарт «Организация мониторинга разработки нефтяных и газонефтяных месторождений на территории Ханты-Мансийского автономного округа». Разработан ОАО «Тюменский нефтяной научно-технологический центр», внесен на рассмотрение Департаментом недропользования и сырьевой базы ТЭК

Минэнерго России, утвержден и введен в действие приказом Минэнерго России от 21 июня 2003 г.

Данные стандарты, как это отмечено в начале каждого из документов, содержат рекомендации или рекомендуются к использованию. К сожалению, судьба этих стандартов в настоящее время неясна в связи с фактической отменой принципа «двух ключей» и проводимой в России административной реформой.

Как следствие необязательности выполнения правил пользования недрами, у компаний-недропользователей появилась возможность выборочно отрабатывать лучшие участки и зоны месторождений, получать значительные дополнительные доходы, никак не обусловленные усилиями этих компаний в области реализации эффективных инженерных и технологических решений. Фактически компании получили возможность аккумулировать так называемую квази-рену, обусловленную несовершенством и неполнотой того нормативно-правового пространства, которое было сформировано в сфере недропользования в России в 90-е годы.

Отсутствие требований в отношении инвестирования и развития производственно-технологического потенциала по освоению новых и разработке ранее вовлеченных в хозяйственный оборот нефтегазовых месторождений в сочетании с отсутствием принуждения к соблюдению принципов и правил рационального недропользования привело к тому, что менеджеры компаний, а также определенная (мажоритарная) часть акционеров получили возможность аккумулировать в своих руках колоссальные финансовые ресурсы.

В течение 2001–2005 гг. различными федеральными министерствами и структурами было подготовлено несколько версий изменений законодательства о недропользовании – от предполагаемых изменений в Закон «О недрах» до проекта нового Кодекса о недрах. Новая версия Закона «О недрах», внесенная Правительством РФ на рассмотрение в Государственную думу 15 июня 2005 г., содержит ряд необходимых изменений, таких как ориентация не только на предоставление прав на пользование недрами, но и на регулирование деятельности недропользователей, расширение сферы применения гражданско-правовых отношений и др. Данные изменения вполне вписываются в действующий Закон «О недрах». Поэтому не случайно было решено сохранить действующие лицензии и постепенно переходить к договорам,

т.е. всем пользователям при желании разрешать перейти на договорные отношения с государством, например заключать договора концессии или подряда.

Одной из основных особенностей проекта нового Закона «О недрах» является ужесточение требований к недропользователям при декларации стремления к формированию более либеральной правовой системы. Проект закона подчеркивает, что недра на территории РФ, включая содержащиеся в них полезные ископаемые, энергетические и иные ресурсы, являются федеральной собственностью. Владение, пользование и распоряжение недрами осуществляет Российская Федерация. Данные положения закрепляют уже произошедшие изменения: отмену принципа «двух ключей», изменение пропорций распределения рентных доходов применительно к важнейшим ресурсам недр между федеральным и региональным уровнями. Подлежит сокращению перечень полномочий органов государственной власти субъектов Федерации: теперь они могут осуществлять владение, пользование и распоряжение участками недр только местного значения. Данный проект отводит регионам пассивную роль участников процесса согласования условий недропользования (как и в какой форме – пока неясно), что ведет к усилению бюрократизации процесса принятия важнейших решений в сфере недропользования (в отличие от демократических принципов, на которых основывался закон «О недрах» 1992 г.).

Наиболее важные положения законодательства о недрах с точки зрения регионов, где ведется добыча минерального сырья, представлены в динамике в табл. 1.

Учет интересов регионов, на территории которых ведется добыча минеральных ресурсов, объективно способствует более рациональному освоению недр, формированию эффективной системы управления ресурсами, что особенно важно для Сибири. Тем не менее в целом законопроект отвечает целям централизации, концентрации на федеральном уровне властных полномочий в области принятия всех основных решений, касающихся недропользования. Это находится в явном противоречии с целесообразностью усиления тенденции к демократизации процессов принятия решений в этой важнейшей сфере экономики России. Ориентация на формирование гражданского общества, на развитие инициативы всех сторон, вовлеченных в процесс недропользования (включая население, общественные организации, субъекты Федерации), необходима для повышения не столько коммерческой и сиюминутной отдачи от

использования недр, сколько социально-экономической отдачи от их освоения и использования в интересах всех слоев и групп населения (что важно и для страны в целом, и для Сибири в частности).

Таблица 1

**Сравнительная характеристика редакций Закона РФ «О недрах»
и проекта нового закона**

Ключевые положения закона с позиции регионов	Первая редакция (1992 г.)	Действующая редакция (начало 2005 г.)	Проект нового закона (июнь 2005 г.)
Собственность на недра	Государственная	Государственная	Федеральная
Владение, пользование и распоряжение недрами	Совместное ведение РФ и субъектов РФ	Совместное ведение РФ и субъектов РФ	Российская Федерация
Участие в лицензировании	Принцип «двух ключей»	Согласовательная роль регионов	Согласовательная роль регионов
Распределение рентных доходов*	Регулирует Закон «О недрах» (стабильность)	Регулирует налоговое и бюджетное законодательство	Регулирует налоговое и бюджетное законодательство
Пропорции распределения рентных доходов для углеводородного сырья: доля регионов	60% – роялти, 80% – для сложнопостроенных субъектов РФ	5% налога на добычу – для нефти, 0% – для газа в 2005 г.	Налог на добычу для углеводородного сырья – полностью в федеральный бюджет
Мониторинг и контроль процессов освоения и разработки	Слабый контроль со стороны государства	Слабый контроль со стороны государства	Предпосылки для усиления (главы по разработке месторождений)
Роль местных органов власти в регулировании недропользования	Слабая роль в регулировании	Практически отсутствует	Практически отсутствует
Оборот прав на пользование недрами	Не предусмотрен	Формально не предусмотрен, реально существует	Разрешен
Предпосылки для гибкого налогообложения	Существовали, но не были эффективно реализованы	Нет	Нет

* Под рентными доходами в данном случае понимаются только роялти и/или налог на добычу без учета экспортных пошлин и акцизов.

Нормативно-правовое пространство сформированное к настоящему времени в нефтегазовом секторе России, характеризуется не только отсутствием эффективных процедур, ориентированных на решение проблемы социального выбора, но также и отсутствием эффективных правил пользования природными ресурсами. Вместо формирования подобных процедур наблюдаются стремление к унификации подходов к разрешению конфликтных ситуаций, а также перевод процедур в режим бюрократического согласования. Среди причин этого можно отметить отсутствие опыта, а также исторические и культурные традиции организации и функционирования властных структур в России.

СЛЕДСТВИЕ НЕПОЛНОТЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ – МЯГКИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ И МЯГКИЕ БЮДЖЕТНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ

Следствием неполноты нормативно-правового пространства является отмеченная нами выше мягкость институциональных условий в рамках формируемой системы недропользования, что, в свою очередь, ведет к длительному сохранению мягких бюджетных ограничений. Данная особенность условий осуществления хозяйственной деятельности в нефтегазовом секторе России в 90-е и 2000-е годы связана с неполнотой и недостаточной структурированностью правил и процедур, формирующих институциональное пространство.

Я. Корнаи, исследуя экономику, основанную на принципах централизованного планирования и управления, пришел к выводу о том, что одной из причин ее неэффективности является наличие так называемых мягких бюджетных ограничений. Это означает возможность функционирования предприятий и компаний даже в том случае, если они экономически неэффективны. Такая возможность обусловлена индивидуальным правоприменением, в том числе предоставлением доступа к факторам производства вне зависимости от результатов работы. Подобные условия не являются специфической особенностью социалистической экономики, они присущи также экономике, основанной на принципах рыночного хозяйства. Индивидуальное правоприменение, характерное не только для системы централизованного планирования и управления, связано как с несбалансированностью норм и правил, структурирующих обмен и взаимодействие хозяйствующих субъектов, так и с наличием различных форм протекционизма и воздействия политики на иные экономические процессы.

Вместе с тем мягкие бюджетные ограничения в минерально-сырьевом секторе имеют свою существенную специфику. А именно, мягкие институциональные условия (неполнота нормативно-правового пространства или ресурсного режима, а также существенные разрывы во времени при формировании комплементарных норм и правил) ведут к тому, что предприятия минерально-сырьевого сектора получают льготы и преференции преимущественно в косвенной форме и приобретают возможность извлечения из этого значительных дополнительных доходов.

В числе основных причин смягчения бюджетных ограничений, как правило, отмечают манипулирование условиями ведения бизнеса, например возможность широкого применения различных схем «налоговой оптимизации» на основе индивидуальных договоренностей и преференций. В то же время особенности функционирования минерально-сырьевого сектора России в современных условиях подтверждают вывод о том, что синдром мягких бюджетных ограничений – сложный феномен, существенно изменяющий протекающие в обществе и экономике процессы отбора по сравнению с рыночной средой. Движущей силой этого феномена является специфическая совокупность мотиваций, он действует посредством специфического набора средств и оказывает специфическое влияние на ожидания и поведение акторов [4]. Так, например, эффективные ставки налога на прибыль у ведущих нефтяных компаний России различаются значительно. Ставка компании «Сибнефть» (в 2003 г. – 10%) была одной из самых низких в нефтяной отрасли, но уже в следующем году она выросла почти вчетверо (в 2004 г. – 39%). При этом ставка налога на прибыль у данной компании оказалась существенно выше, чем у других ведущих компаний («Лукойл» – 24,7%, «Сургутнефтегаз» – 20%) [5].

Важнейшая особенность смягчения бюджетных ограничений в нефтегазовом секторе состоит в том, что при этом значительно ослабевают стимулы и стремление, например, к привлечению с финансовых рынков ресурсов для реализации долгосрочных проектов³, к развитию собственного научно-технического потенциала компании. В последнем случае основной акцент делается на более интенсивном освоении и разработке ранее введенных в оборот и подготовленных запасов, а также на применении современных стандартных (ши-

---

³ При этом, однако, имеет место «замещение» собственных финансовых ресурсов краткосрочными кредитами, привлекаемыми из-за рубежа. Яркий пример – ОАО «Сибнефть»: сумма дивидендов приближается к размеру прибыли (или даже превышает его), а нехватка средств на текущее функционирование компании восполняется за счет привлечения кредитов из-за рубежа.

роко применяемых в мировой практике) технологий добычи. Кроме того, мягкие бюджетные ограничения ведут к тому, что фондовый рынок используется для легализации доходов собственников-управленцев, эмиссии акций осуществляются в основном для укрепления позиций мажоритарных собственников. Весьма ярким свидетельством действия мягких институциональных условий в нефтегазовом секторе экономики России является, например, соотношение инвестиций в основной капитал и финансовых вложений. Это соотношение для нефтедобывающей промышленности представлено в табл. 2.

Таблица 2

**Инвестиции в основной капитал и долгосрочные финансовые вложения
в нефтедобывающей промышленности России**

Показатель	1998	1999	2000	2001	2002
Инвестиции в основной капитал в фактически действовавших ценах	29537	58686	135159	190404	173529
Финансовые вложения*	40597	63535	179098	217051	258683
Инвестиции в основной капитал / финансовые вложения	0,73	0,92	0,75	0,88	0,67

* Финансовые вложения – вложения денежных средств, материальных и иных ценностей в ценные бумаги других юридических лиц, процентные облигации государственных и местных займов, вложения в уставные капиталы других юридических лиц, созданные на территории страны, капитал организаций за рубежом, а также займы, предоставленные другим юридическим лицам.

В отдельных компаниях данное соотношение еще более впечатляющее. Как показано С.М. Меньшиковым [6], после вычета всех затрат, выплаты налогов и дивидендов оказывается, что с учетом амортизации ресурсы для капитальных вложений намного превышают фактические вложения. «ЮКОС» в 2002 г. тратил из этих средств максимум 40% своих ресурсов, а в 2000 г. – лишь 15%. Остальное расходовалось на так называемые финансовые инвестиции, т.е. на помещение средств в ценные бумаги. Причем на биржевые операции тратилось в два-три, а то и в пять раз больше, чем на вложения в новое оборудование. На геологическую разведку расходуется вдесятеро меньше средств, чем на административные нужды.

Неполнота и мягкость условий, определяющих подходы к освоению и разработке месторождений, позволяют интегрированным структурам в полной

мере реализовать свое главное преимущество – возможность перераспределения финансовых, материальных и человеческих ресурсов между различными подразделениями как вдоль технологической цепочки (по вертикали), так и между отдельными проектами (по горизонтали). В то же время наиболее существенным экономическим активом нефтегазовых компаний являются запасы (ресурсы) углеводородов в недрах⁴.

Между тем согласно Конституции РФ недра являются государственной собственностью. Поэтому компании приобретают право пользования недрами на определенный срок и на определенных условиях. Неопределенность, неясность и неоднозначность условий пользования недрами выступают, на наш взгляд, одним из важнейших факторов смягчения бюджетных ограничений, способствующего повышенной финансово-экономической эффективности деятельности компаний в нефтегазовом секторе. Данному обстоятельству в существенной степени способствует (что особенно сильно проявлялось в 90-е годы) также высокая степень обеспеченности ведущих российских компаний ранее разведанными и подготовленными к освоению месторождениями углеводородного сырья.

Нормальной кратностью запасов считается период 10–12 лет. Это отношение характерно для всех промышленно развитых нефтедобывающих стран. По данным компании «British Petroleum» [8], доказанные запасы нефти в России находятся уровне 69,1 млрд барр. (9,5 млрд т), или 6% мировых запасов, кратность запасов по России составляет более 22 лет. При этом та же компания «BP» считает, что добыча нефти в промышленно развитых странах обеспечена вдвое меньшими запасами – лишь на период немногим более 11 лет [9].

Нельзя не согласиться с оценкой экспертов журнала «Нефтегазовая вертикаль» относительно того, что своими успехами нефтедобывающий сектор экономики России обязан надежной сырьевой базе, сформированной на протяжении многих десятилетий, главным образом до 1990 г. Например, высокая динамика добычи нефти и экономических показателей «ЮКОСа» в начале 2000-х годов была в значительной мере обусловлена наличием права на разработку одного из немногих новых уникальных месторождений нефти – Приобского, которое было разведано в 80-е годы. В ведущем нефтедобывающем регионе России – Ханты-Мансийском АО по состоянию на начало 2004 г. 65% добычи обеспечивали скважины, пробурен-

---

⁴ Президент ОАО «Лукойл» В. Алекперов заявляет: «...Запасы. Для каждой нефтяной компании это главная ценность. Все остальное, что на земле – вторичные активы» [7].

ные до 1999 г. [10]. Поэтому с точки зрения государства – собственника недр, очевидна необходимость обновления и дополнения нормативно-правовой базы в части разработки и операционализации правил и процедур пользования недрами, регламентирующих весь процесс поисков и разведки запасов, проектирования и обустройства месторождений, добычи ресурсов, ликвидации отходов и рекультивации земель.

МЯГКИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ – МЯГКИЕ БЮДЖЕТНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ – ОЛИГАРХИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СОБСТВЕННОСТИ НА АКТИВЫ НЕФТЕГАЗОВЫХ КОМПАНИЙ

В России в процессе приватизации сформировалась весьма специфическая модель частной собственности на активы нефтегазовых компаний. Не случайно руководитель Федеральной службы по финансам и рынкам О. Вьюгин вынужден был констатировать, что «в России немало АО, но еще слишком мало публичных компаний. Это только время лечит» [11]. В принципе соглашаясь с такой оценкой, автор, однако не может согласиться с тем, что решающую роль в изменении ситуации играет только время. Переход от частной акционерной формы капитала к публично-акционерной во многом зависит от потребностей компании в инвестициях. Если у частных собственников нет побудительных стимулов к инвестированию, то в этом случае данная форма собственности может сохраняться на протяжении очень длительного времени. И напротив, если возникает потребность в притоке инвестиций, т.е. имеет место непрерывный и расширяющийся процесс воспроизводства активов, это неизбежно ведет к трансформации собственности на активы компании, более быстрому переходу от частной акционерной формы собственности к публичной акционерной.

Именно мягкие институциональные условия способствуют формированию определенной структуры собственности на активы нефтегазовых компаний. Собственность во все большей степени сосредоточивается в руках мажоритарных акционеров, и значительная часть из них являются ведущими менеджерами нефтегазовых компаний. Так, например, президент ОАО «Лукойл» В. Алекперов лично владеет 13% акций компании, 72% акций компании «Сибнефть» принадлежали компании «Millhouse Capital», представлявшей интересы Р. Абрамовича [12] (до покупки данной компании ОАО «Газпром» в сентябре 2005 г.). Поэтому в значительной степени вопрос о трансформации ведущих российских нефтегазовых компаний из

частных акционерных в публичные акционерные – это вопрос о наличии или отсутствии реального процесса воспроизводства активов компании.

Одни авторы определяют данную модель собственности, сложившуюся в России, как олигархическую, другие – как частно-собственническую. В целом подобная структура собственности характерна для стран Южной и Юго-Восточной Азии. Она получила название семейно-клановой, что означает такую структуру собственности, при которой основными владельцами являются отдельные физические лица или группы лиц. Особенность данной формы собственности заключается в том, что она обеспечивает контроль за использованием активов, но не обеспечивает должный уровень эффективности производства и имеет существенные ограничения с точки зрения привлечения инвестиций (их размер ограничивается репутацией и «заемной» способностью владельцев компании).

Возникает вполне резонный вопрос: почему в России сформировалась подобная структура собственности? Ведь на начальном этапе ставились и декларировались цели и задачи построения «народного капитализма». На наш взгляд, есть причины общие и есть причины специфические, присутствующие только нефтегазовому сектору.

К числу общих причин следует отнести то, что разгосударствление и приватизация в России в середине 90-х годов носили во многом спонтанный характер и были связаны не столько с формированием механизмов и процедур использования приватизируемой собственности, сколько с ее ускоренной раздачей (в основном по политическим мотивам – с целью скорейшего формирования новых собственников, заинтересованных в развитии экономики страны рыночным путем). Сохранить производственный аппарат в промышленности и обеспечить его целевое использование должно было проведение приватизации в форме конкурсов с инвестиционными условиями. Однако в целом механизм инвестиционных конкурсов в промышленности носил чисто формальный характер. В нефтегазовом же секторе это нашло отражение в том, что основные активы, созданные в период до 1990 г., стали использоваться более интенсивно и до сих пор составляют основу его производственного аппарата (большую роль здесь сыграло резкое различие учетных норм обновления основных активов с возможностью их реального физического функционирования).

К числу специфических причин, которые обусловили концентрацию основных финансовых ресурсов в руках немногих владельцев, следует отнести

- отсутствие взаимосвязи в осуществлении двух взаимообусловленных процессов – использовании активов, полученных в процессе приватизации, и формировании процедур и механизмов реализации прав собственности государства на принадлежащие ему недра (что выражается в наличии современной системы контроля за степенью рациональности применяемых подходов к освоению и использованию ресурсов недр);
- фискальную ориентацию всей системы регулирования операций в нефтегазовом секторе России, и в частности системы налогообложения. В связи с этим вопросы формирования системы регулирования недропользования надолго отошли на второй план;
- реализацию на региональном уровне стратегий использования природно-ресурсного потенциала, ориентированных на «выживание», и проведение с целью получения бонусов конкурсов (аукционов) на право пользования недрами. В результате у компаний появилась возможность выбора лучших блоков и участков и достижения на этой основе повышенной доходности всех операций по добыче нефти;
- неоправданную конкуренцию различных ведомств за право контроля в сфере недропользования и участия в решении различных вопросов, касающихся регулирования нефтегазового сектора экономики.

В условиях высоких цен на нефть и газ на внешних рынках резко выросла доходность их добычи, что позволило новым собственникам получить приток значительных финансовых ресурсов. В ряде случаев достижение повышенной рентабельности операций в нефтегазовом секторе было обеспечено не только и не столько за счет применения технологических новшеств, сколько за счет широкого использования различных схем налоговой оптимизации, а также получения доходов квазирентного характера, обусловленных недооценкой основных активов, приобретенных в процессе приватизации. Неполнота обязательств, накладываемых на недропользователей (при отсутствии конкурентной среды в отрасли), позволяет им произвольно трактовать условия налогообложения. Тем самым налоговые обязательства компаний являются искаженными с точки зрения отражения особенностей воспроизводственного процесса в нефтегазовом секторе экономики. Поэтому соображение о том, что способность принуждать к соблюдению налоговых обязательств и частных контрактов может оказаться необходимым условием ужесточения бюджетных ограничений [4] в нефтегазовом секторе России (и в целом в минерально-сырьевом блоке

секторов), также претерпевает определенные изменения. Речь идет не столько о выполнении налоговых обязательств, сколько об объективизации экономических показателей, отражающих особенности процесса недропользования.

Все отмеченное выше привело не только к возможности получения значительных доходов (намного превышающих аналогичные показатели у западных и иных нефтегазовых компаний, работающих в условиях стабильно функционирующей экономики), но также и к последующему аккумулярованию основной доли акционерного капитала в руках немногих физических лиц. Поэтому сложилась ситуация, при которой:

- а) остаются возможности получения повышенных доходов и достижения высоких показателей рентабельности нефтегазовых операций;
- б) отсутствует необходимость вкладывать адекватные средства в обновление и поддержание производственного аппарата на современном уровне;
- в) значительно уменьшается потребность в привлечении внешних инвестиций и в работе с потенциальными внешними инвесторами.

Тем самым у новых собственников нет необходимости искать решения так называемой «дилеммы инсайдера», нет необходимости формировать у потенциальных инвесторов соответствующий имидж с целью привлечения реальных и значимых инвестиций для реализации новых проектов.

В конечном счете определенная часть полученных средств была направлена на закрепление и упрочение положения высших менеджеров и новых собственников, большинство нефтегазовых компаний де-факто стали частными, т.е. основанными на участии в капитале относительно немногочисленных физических лиц. Такие компании, как правило, отличает стремление не к динамичному развитию бизнеса, а к закреплению и упрочению положения ведущих собственников. Об этом, в частности, красноречиво свидетельствует динамика инвестиционной активности нефтяных компаний России в начале 2000-х годов. Несмотря на высокие цены на нефть на мировых рынках, темпы роста инвестиций в развитие и расширение деятельности компаний имели тенденцию к стабилизации, а начиная с 2004 г. – и к снижению.

Структура собственности, возможность получения значительных доходов при относительно меньших инвестициях – все это задает краткосрочную направленность развития нефтегазовых компаний. Более того, компании заинтересованы в сохранении существующего положения дел. Именно по этой причине В. Орлов (в 90-е годы министр природных ресурсов, а ныне председатель Комитета Совета Федерации по природным ресурсам

и охране окружающей среды) вынужден был констатировать, что профессиональный менеджмент ведущих российских компаний придержал развитие законодательной базы в части обеспечения условий долгосрочного устойчивого функционирования отраслей минерально-сырьевого комплекса и успешной их конкуренции в мировом сырьевом сообществе [13]. Действующее законодательство не только не охватывает всех сторон и уровней деятельности минерально-сырьевого комплекса, но и крайне слабо ориентировано на его развитие, а также на устойчивое функционирование в условиях резкого ухудшения конъюнктуры сырья на мировых рынках или скупки контрольных пакетов акций ведущих российских компаний их зарубежными конкурентами. Тем самым неполнота институционального пространства в минерально-сырьевом секторе способствует в целом неэффективному с точки зрения общества освоению ресурсов недр.

КАКАЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА ФОРМИРУЕТСЯ В ИТОГЕ? ОТ ВИРТУАЛЬНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ – К ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕАЛЬНОЙ

Изменить ситуацию возможно, только если ужесточить институциональные условия, и в том числе сформировать более ясные и прозрачные условия использования основных активов компаний, представленных запасами углеводородов в недрах. В значительной мере конкурентоспособность российской нефти на мировых рынках обеспечивается за счет

- доминирования основных активов, введенных до 1992 г.;
- практического отсутствия эффективного государственного регулирования деятельности нефтегазовых компаний; неполноты требований к техническим условиям освоения и разработки (есть технические требования в общей форме и нет системы учета, регистрации и проверки степени и полноты выполнения данных требований);
- сохраняющейся высокой обеспеченности российских компаний запасами углеводородов, наличия возможности выборочной разработки лучших блоков месторождений.

За последние четыре года в добыче нефти наблюдались феноменальные темпы прироста – в среднем свыше 9% в год. В основе высокой динамики добычи нефти и поддержания стабильно высоких уровней добычи природного газа лежит продолжающееся использование ранее введенных в эксплуатацию месторождений и ранее созданных промышленно-производственных активов.

Основная проблема, на наш взгляд, состоит в том, что в России до настоящего времени не удалось сформировать эффективный и современный механизм воспроизводства активов в нефтегазовом секторе. Речь идет не только о воспроизводстве минерально-сырьевых ресурсов (что является важнейшей составляющей отмеченного выше механизма, однако далеко не единственной), но также и об обеспечении

- рационального освоения и разработки введенных ранее в эксплуатацию месторождений углеводородного сырья;
- своевременного ввода в разработку новых месторождений нефти и газа;
- реализации наиболее рациональных с технической, экономической и общественной точек зрения решений в сфере освоения и разработки месторождений углеводородов;
- формирования структуры основных активов, отвечающей современным научно-техническим достижениям в сфере поисков, разведки, освоения и разработки месторождений углеводородного сырья;
- воспроизводства человеческого капитала (уже сегодня в нефтегазовом секторе ощущается острая нехватка специалистов по ряду современных специальностей).

Пока не будут решены отмеченные выше проблемы, как нам представляется, нельзя вести речь о том, что в России созданы необходимые и достаточные условия для поступательного развития и устойчивого функционирования нефтегазового сектора экономики. Государство как собственник недр должно быть заинтересовано в их рациональном и эффективном освоении и использовании. Все изложенное выше позволяет утверждать, что основная проблема, возникающая в связи с переходом к развитию нефтегазового сектора в условиях поступательно растущей экономики, – обеспечение взаимосвязи и взаимообусловленности различных сторон механизма его регулирования и функционирования, а именно:

- формирование адекватной особенностям функционирования и развития нефтегазового сектора налоговой системы;
- создание системы технического регулирования и системы мониторинга процессов освоения и разработки месторождений углеводородов;
- преодоление институциональной конкуренции между различными государственными структурами и более активное привлечение регионов и общественности к определению и оценке направлений освоения и использования ресурсов углеводородов;

- активное воздействие на формирование эффективной структуры в рамках нефтегазового сектора (крупные, средние, мелкие и прочие специализированные компании);
- реализация новых проектов в новых районах и определение роли и функций государства в рамках данного процесса;
- усиление взаимосвязи нефтегазового сектора с развитием других секторов и сегментов российской экономики;
- формирование и развитие форм активного участия регионов (как субъектов Федерации, так и муниципалитетов) в решении вопросов природо- и недропользования.

Литература

1. **Норт Д.** Институты, институциональные изменения и функционирование экономики: Пер с англ. – М.: Фонд эк. книги «Начала», 1997.
2. **Тамбовцев В.Л.** Теории институциональных изменений: Лекция, прочитанная для участников семинара по институциональной экономике. – Новосибирск: ИПК НГУ, 2004.
3. **Законодательство субъектов Российской Федерации в сфере недропользования** (на примере Ханты-Мансийского автономного округа). – М.: Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2003.
4. **Корнан Я., Маскин Э., Ролан Ж.** Осмысливая феномен мягких бюджетных ограничений // Вопросы экономики. – 2004. – № 11–12.
5. **Резник И.** «Сибнефть» расщедрилась // Ведомости. – 2005. – 13 июля.
6. **Меньшиков С.М.** Анатомия российского капитализма. – М.: Междунар. отношения, 2004.
7. Ведомости. – 2005. – 11 июля.
8. **BP Statistical Review of World Energy.** – 2004. – June.
9. **Хартуков Е., Старостина Е.** Запасы и добыча России: состояние и прогнозы // Нефтегазовая вертикаль. – 2005. – № 8–9.
10. **Толстолыкин И., Сутормин С.** Больше – не значит эффективней: Итоги разработки нефтяных месторождений Ханты-Мансийского автономного округа // Нефть России. – 2005. – № 4.
11. **Вьюгин О.** В России много АО, но мало публичных компаний // Ведомости. – 2004. – 15 апр.
12. **Скорняко А., Скоробогатько Д.** «Сибнефть» можно продавать. Ее владельцы консолидировали 72% акций компании // Коммерсантъ. – 2005. – 21 июля.
13. **Орлов В.П.** Задачи законодательного обеспечения минерально-сырьевого комплекса // Минеральные ресурсы России: экономика и управление. – 2003. – № 2–3.

© Крюков В.А., 2006

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ РАЗВИТИЯ ВАЖНЕЙШИХ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ СИБИРИ*

В.В. Кулешов

Сибирские проекты – это основа для поддержания и ускорения экономического роста в Сибирском федеральном округе и в России в целом. Рассматриваемые проекты в различных отраслях экономики являются каркасом, на основе которого должен формироваться новый современный облик хозяйственной специализации большинства регионов Сибири. В совокупности с другими предусмотренными в Стратегии развития Сибири мероприятиями указанные проекты не только определяют фундамент и структуру будущей экономики, но и в значительной мере предопределяют будущие доходы граждан, их достаточность для благополучия, расширенного воспроизводства населения, подходы к миграционной политике, от них зависят также социальная стабильность и роль Сибири в России. Поэтому не будет преувеличением сказать, что каждый из включенных в Стратегию развития Сибири инвестиционных и инновационных проектов носит не только экономический, но и политический характер.

ИННОВАЦИОННЫЙ КОМПЛЕКС

Стратегия базируется на двух принципиальных положениях: во-первых, переход научно-промышленного потенциала Сибирского федерального округа на инновационный путь развития является наиболее перспективным и эффективным фактором долговременного характера; во-вторых, округ обладает для такого перехода достаточным научным, технологическим и кадровым потенциалом.

---

* Статья написана по материалам проекта «Стратегия Сибири: партнерство власти и бизнеса во имя социальной стабильности и устойчивого роста» (Новосибирск, 2005). Проект подготовлен рабочей группой под руководством академика Н.Л. Добрецова и доктора экономических наук И.И. Простякова.

Таблица 1

**Оценка прироста наукоемкой продукции,
выпускаемой в рамках новых проектов, млрд руб.**

Технология	Общая сумма финанси- рования	Бюджетное финанси- рование	Внебюд- жетные средства	Увеличение производства наукоемкой продукции
Информационные и телекоммуникационные технологии	2,599	1,092	1,507	11,200
Новые технологии в минерально-сырьевом комплексе Сибири	0,980	0,420	0,560	1,000
Повышение нефте- и газоотдачи	0,217	0,080	0,137	15,400
Сибирская нефтехимия	1,800	0,850	0,950	18,500
Сибирская газохимия	2,000	1,000	1,000	25,400
Сибирская углехимия	0,750	1,300	0,450	5,000
Сибирская лесохимия	0,600	0,250	0,350	2,900
Силовая электроника Сибири	6,133	2,533	3,600	18,400
Биотехнологии, пищевые продукты и лекарственные препараты с использованием электронно-лучевых технологий	1,450	0,540	0,910	7,100
Современные строительные технологии	0,560	0,200	0,360	26,500
Энергосберегающие технологии	1,775	0,660	1,115	3,700
Утилизация техногенных отходов и нерудного сырья	2,141	0,936	1,205	8,600
Интеллектуальные высокоточные системы вооружения и средства борьбы с терроризмом	0,470	0,470	—	Не оценивается
Итого	21,175	9,331	11,844	143,700

В стратегии ставится цель создать развитую инфраструктуру регионального сегмента национальной инновационной системы, способную в современных условиях обеспечить качественно новое развитие произ-

водительных сил Сибири за счет достижения прорыва путем широкого использования наиболее перспективных технологий, ускорения процесса внедрения научных разработок в реальный сектор экономики и социальную сферу, создания адекватной рыночным отношениям системы подготовки и поддержки молодых научных кадров. Территориями, которые обеспечат наибольший вклад в достижение этой цели, в первую очередь являются академгородки в Новосибирске, Томске, Красноярске и Иркутске, наукограды (пос. Кольцово) и ЗАТО (Северск, Железногорск и др.).

Предварительная оценка доли в ВВП высокотехнологичной продукции, выпускаемой в рамках этих проектов, приведена в табл. 1.

ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС

В соответствии с Энергетической стратегией России до 2020 года производство первичных энергоресурсов в Сибири должно увеличиться в 2020 г. более чем в 1,3–1,4 раза. При этом добыча нефти возрастет в 1,6–1,7 раза (до 365–375 млн т в 2020 г.), природного газа – на 10–11% (до 585–590 млрд куб. м), угля – на 70–90% (до 330–360 млн т), производство электроэнергии – в 1,5–1,6 раза. В средне- и долгосрочной перспективе ТЭК Сибири должен обеспечить устойчивое развитие экономики и энергетики России, для чего необходимо выполнить ряд крупномасштабных и инвестиционно емких проектов.

Нефтегазовый комплекс и нефтегазохимия

В нефтегазовом комплексе Западной Сибири главными новыми проектами ближайших десятилетий станут освоение ресурсов газа п-ова Ямал и строительство системы газопроводов Ямал – Центр.

В ближайшие 15–20 лет должен быть сформирован новый нефтегазовый комплекс Восточной Сибири и Республики Саха (Якутия), создана система трубопроводного транспорта Восточная Сибирь – Дальний Восток с выходом к российским портам на Тихом океане (Находка, бухта Перевозная) и в страны Азиатско-Тихоокеанского региона.

В районах Западной и Восточной Сибири предстоит реализовать ряд проектов и создать крупномасштабное производство полимерных материалов. В Восточной Сибири необходимо сформировать крупные центры по производству и сжижению гелия, организовать систему его крупнотоннажного транспорта.

В ближайшее время должно быть закончено проектирование и начато строительство нефтепровода Восточная Сибирь – Тихий океан (Тайшет – Сковородино – бухта Перевозная).

В развитии газовой промышленности приоритетом является строительство газопровода Ковыкта – Саянск – Иркутск с последующим продолжением до Улан-Удэ и Читы (в качестве альтернативы возможен вариант поставок сжиженного газа). Это позволит газифицировать юг Восточной Сибири и Забайкалье, улучшить экологическую обстановку в районе оз. Байкал.

В районе Ангарска и Усолья-Сибирского должен быть построен газоперерабатывающий завод, начато формирование Восточно-Сибирского газохимического комплекса, построен завод по сжижению гелия. В непосредственной близости должно быть организовано строительство подземного хранилища гелиевого концентрата.

Необходимо ускорить выявление и разведку газовых месторождений в районе Нижнего Приангарья в Красноярском крае. Это позволит начать строительство газопровода Нижняя Ангара – Красноярск – Абакан. На север газопровод должен быть продолжен до Собинско-Пайгинского месторождения и месторождений Юрубчено-Тохомской зоны.

На северо-западе Красноярского края созданы основы сырьевой базы для формирования автономного Сузунского (Лодочно-Ванкорского) центра добычи нефти и газа.

Важным приоритетом является ускоренная подготовка запасов нефти и газа в Красноярском крае и Иркутской области, с тем чтобы в Восточной Сибири иметь сырьевую базу для эксплуатации нефтепровода Тайшет – Сковородино на полную мощность (до 80 млн т в год) и сократить поставки нефти на восток из Западной Сибири.

В Западной Сибири приоритетом является развитие системы глубокой переработки углеводородного сырья, которая должна формироваться на основе двух проектов. Первый проект предусматривает создание Томского центра глубокой переработки углеводородного сырья на базе строительства Володинского ГПЗ в составе Томского нефтегазохимического комбината (ТНХК) и последующую организацию производства полимеров. Используемое сырье – природный газ из магистрального газопровода Нижневартовск – Парабель – Кузбасс. Проектируемый комплекс позволит очищать энергетический газ от более тяжелых фракций и обеспечивать ТНХК углеводородным сырьем.

Второй проект – южно-сибирский. Он основывается на межрегиональном сотрудничестве бизнеса и властей Томской, Новосибирской и Омской

областей. Сырьевая база комплекса – нефтяные и газовые месторождения Пудинского района Томской области и севера Новосибирской области. Проект предусматривает строительство завода по глубокой переработке нефти и газа в г. Куйбышеве Новосибирской области. Реализация данной межрегиональной программы комплексной системы глубокой переработки углеводородного сырья для получения высоколиквидной химической продукции (полиэтилен, полипропилен, полистирол и др.) позволит не только создать крупное производство в Куйбышеве, но и обеспечить полную сырьевую загрузку химических предприятий в Томской и Омской областях.

Угольная промышленность

В настоящее время и в перспективе угольная промышленность Сибирского федерального округа будет обеспечивать около 80% общероссийской добычи угля.

Для повышения конкурентоспособности угля необходимо повысить качество угольной продукции за счет увеличения объемов обогащения и глубокой переработки угля, разработки и внедрения государственных стандартов по видам потребления рядовых углей и угольных продуктов. Развитие угольной отрасли требует создания в угольном машиностроении эффективных, современных производств, способных обеспечить выпуск высокорентабельной, конкурентоспособной, инновационной продукции с использованием высоких технологий.

Освоение новых энерготехнологий позволит расширить ассортимент продукции из угля и выпускать различные виды обогащенного твердого топлива, синтетическое газообразное и жидкое топливо, сажу и углеграфитовые материалы, редкие и редкоземельные элементы, строительные материалы, гуминовые удобрения, сорбенты, а также многие другие химические продукты и сырье. Одним из перспективных направлений научно-технического прогресса и диверсификации основной деятельности угледобывающих предприятий может стать добыча метана угольных пластов и шахт.

На период до 2020 г. в Кузбассе намечено строительство 15 новых и техническое перевооружение действующих обогатительных фабрик для переработки коксующихся и энергетических углей, на что потребуются около 2 млрд долл. США капитальных вложений. К 2010 г. в Канско-Ачинском бассейне намечается ввод мощностей на 10–15 млн т, стоимость строительства составит 0,6–0,8 млрд долл.

Запасы и ресурсы каменного угля Улуг-Хемского бассейна (Республика Тыва) оцениваются в 14,7 млрд т. Из них 95% составляют особо ценные марки Ж-кокс и ГЖ-кокс. Предусматриваемым проектом разработки Элегестского угольного месторождения добыча коксующихся углей определяется в объеме 12 млн т в год. После обогащения угля около половины коксового концентрата предполагается поставлять в страны Азиатско-Тихоокеанского региона, 30% продукции – на металлургические предприятия Украины, а оставшиеся 20% – на российские заводы черной металлургии. После выхода угольного комплекса на проектную мощность ежегодные поступления в республиканский бюджет составят 5,4 млрд руб., что более чем в 4 раза превысит собственные доходы бюджета региона, полученные в 2004 г.

Большая программа развития добычи и переработки углей намечается и в остальных районах Восточной Сибири: в Республике Хакасии (строительство Восточно-Бейского разреза мощностью 12 млн т), Иркутской области (завершение строительства первой очереди Мугунского разреза мощностью 10 млн т, начало освоения Жеронского, Каранцайского и Вознесенского месторождений каменного угля), Республике Бурятия (завершение строительства Тугнуйского разреза мощностью 6 млн т и освоение Никольского месторождения, строительство обогатительной фабрики мощностью 3,5 млн т), Читинской области (на Апсатском месторождении коксующихся углей особо ценной марки Ж – строительство разреза мощностью 2–3,5 млн т и обогатительной фабрики мощностью 1,7 млн т коксового концентрата и 0,6 млн т угольного промпродукта; строительство подъездного железнодорожного пути протяженностью 55 км до железнодорожной станции Новая Чара, БАМ).

Электроэнергетика

Гидроэнергетика. Крупнейшим проектом в гидроэнергетике является Богучанская ГЭС, строительство которой ведется с конца 70-х годов. Проект обеспечит электроэнергией новый алюминиевый завод, который компания «Базэл» планирует построить рядом с ГЭС.

Кроме этого проекта предполагается строительство Мокского гидроузла мощностью 1410 МВт, новой Мокской ГЭС (ввод первой очереди в 2015–2017 гг.) в Бурятской энергосистеме мощностью 600 МВт (три агрегата по 200 МВт) со среднемноголетней энергоотдачей 2,45 млрд кВт·ч. Стоимость этого строительства составит 1,8 млрд

долл. США. Необходимы дополнительные технико-экономические обоснования предлагаемого региональными властями строительства Алтайской ГЭС (мощностью 140 МВт) в Республике Алтай и Крапивинской ГЭС (мощностью 450 МВт) в Кемеровской области, которые не фигурируют в Схеме развития ОЭС Сибири.

Теплоэнергетика. РАО «ЕЭС России» продолжит реализацию крупных инвестиционных проектов по вводу конденсационных энергоблоков на Березовской ГРЭС-1 в Красноярском крае с доведением мощности до 4800 МВт к 2015 г. и до 6200 МВт к 2020 г., а также Харанорской ГРЭС в Читинской области с доведением мощности до 645 МВт к 2015 г. Имеется возможность увеличить мощность Харанорской ГРЭС вдвое к 2020 г. Для строительства этих станций необходимы капитальные вложения в объеме 4,5–5,7 млрд долл. США.

Для обеспечения покрытия существенного роста электропотребления с учетом размещения новых энергоемких производств необходимо более форсированное развитие генерирующих источников, и в первую очередь ГРЭС, работающих на канско-ачинских углях. Возможно рассмотреть создание и нетрадиционных для Сибири электрогенерирующих источников, например строительство в Северске АЭС с двумя энергоблоками ВВЭР-1000. Они смогут обеспечить производство электроэнергии в объеме 13,76 млрд кВт ч, стоимость строительства составит около 2 млрд долл. США.

ТРАНСПОРТНЫЙ КОМПЛЕКС

Стратегически важным для Сибири является выделение первоочередных транспортных проектов, позволяющих снять большинство транспортных ограничений в социально-экономическом развитии не только Сибири, но и страны в целом. Формирование основы опорного каркаса транспортной сети на территории Сибирского региона определяется реализацией следующих транспортных мегапроектов XXI в., имеющих федеральный уровень значимости.

Мегапроект развития (модернизации) евразийского международного широтного транспортного коридора «Транссиб-TS». Международный широтный транспортный коридор «Транссиб» является важнейшим действующим элементом транспортного моста Азия – Европа. Он объединяет Транссибирскую железнодорожную магистраль, автомобильные магистрали («Байкал», «Амур» и др.), авиационные воздушные коридоры,

оптико-волоконную и другие системы связи, мультимодальные узлы, морские «ворота» страны и многие другие элементы транспортной инфраструктуры России. Цель проекта – превращение Транссиба в современный, скоростной, логистически оснащенный международный транспортный коридор, отвечающий всем требованиям, предъявляемым к коридорам такого ранга, на базе взаимодополняющей и синхронной работы железнодорожного, автомобильного, водного и воздушного видов транспорта. Объем инвестиций в рамках «сибирского пространства» в первой четверти XXI в. – 3,7 млрд долл. США (без трубопроводной составляющей).

Мегапроект формирования нового северного евразийского международного широтного транспортного коридора «Североевразийский». Цель проекта – строительство Северосибирской евразийской магистрали (Севсиба) и превращение ее вместе с БАМом в ключевое грузовое звено будущего транспортного коридора, способного выдержать конкуренцию с бурно развивающейся транспортной сетью Казахстана и Китая при транспортировке базовых российских экспортных товаров на мировые и региональные рынки. Помимо этого строительство Севсиба положит начало формированию нового северного широтного пояса экономического развития страны. Объем инвестиций в первой четверти XXI в. – 11,1 млрд долл. США (из них 10 млрд долл. будут направлены на строительство Северороссийской евразийской магистрали).

Мегапроект формирования и усиления евразийского международного широтного Арктического транспортного коридора. Цель проекта – воссоздание и модернизация Северного морского пути, переоснащение его в соответствии с требованиями, предъявляемыми к международным транспортным коридорам, а также создание вдоль него жизнеспособных региональных транспортно-логистических центров, ориентированных на обслуживание не только самого коридора, но и территорий, расположенных в непосредственной близости от грузообразующих ареалов глубинных частей Средней Сибири. СМП – часть международной межконтинентальной магистрали «Северо-восточный проход», которая становится «северным транспортным мостом». Объем инвестиций в первой четверти XXI в. – 150 млн долл. США.

Мегапроект формирования и модернизации международного Енисейского меридионального транспортного коридора. Цель проекта – усиление выходов в широтные международные транспортные коридоры, а именно, превращение речной системы Енисей – СМП и российских участков трансполярных воздушных трасс в надежное звено единой об-

щероссийской транспортной сети, отвечающей стратегическим интересам не только внутриконтинентальных регионов Восточной Сибири и российских ТНК, закрепляющихся на мировых рынках, но и интересам страны в целом. Объем инвестиций – 2,67 млрд долл. США.

Мегапроект формирования и модернизации Обь-Иртышского меридионального российского транспортного коридора. Цель проекта – модернизация речной системы Иртыш – Обь и восстановление речной системы Обь – СМП с позиции обеспечения надежных звеньев российской транспортной сети.

ЛЕСОПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС

В Красноярском крае в г. Енисейске планируется производство полуфабрикатов беленой целлюлозы (360 тыс. т в год), химико-термомеханической массы (200 тыс. т в год), бумаги газетной (200 тыс. т в год), целлюлозы беленой товарной (350 тыс. т в год); в Томской области в г. Асино – производство полуфабрикатов небеленой целлюлозы (360 тыс. т в год), картона и тарной бумаги для гофрирования (350 тыс. т в год при инвестиционных затратах до 500 млн долл. США); в Иркутской области – строительство двух-трех средних предприятий лесохимии, в частности ЦБК в г. Тайшете мощностью 250–300 тыс. т химико-термомеханической массы в год со стоимостью реализации проекта около 260 млн долл. США; в Читинской области в п. Амазар – производство небеленой целлюлозы (400 тыс. т в год). Прогнозируется осуществление ряда проектов и в других регионах.

АГРАРНО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС

В период до 2020 г. будут созданы крупные специализированные зоны производства высококачественной пшеницы (Алтайский и Красноярский края, Омская и Новосибирская области), молочной продукции (Алтайский край, Омская и Новосибирская области), мясной продукции (Алтайский край, Республика Бурятия, Республика Тыва, Томская и Читинская области), козоводства и пантового оленеводства (Республика Алтай), северного оленеводства (Красноярский край).

Одним из приоритетных направлений развития АПК Сибири станет восстановление и дальнейшее развитие животноводства. Быстрое увеличение производства мяса будет обеспечено за счет свиноводства и птице-

водства. Возрастет значение мясошерстного овцеводства. Получит развитие мясное коневодство.

Развитие сельского хозяйства будет сопровождаться ростом использования средств его интенсификации. Предстоит более широкая реализация возможностей биологизации сельского хозяйства с целью усиления устойчивости агроэкосистем и агроландшафтов к воздействию как природных, так и антропогенных факторов.

МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС И ГОРНО-РУДНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Черная металлургия

Предусматривается освоение Чинейского месторождения титаномагнетитовых ванадийсодержащих руд (участок Магнитный, Читинская область, Кодаро-Удоканский район). Решение проблемы переработки титаномагнетитовых руд открывает практически неограниченные возможности для расширения рудной базы металлургии. Переработка титаномагнетитовых руд позволяет реализовать безотходную технологию, обеспечивающую получение одновременно с выплавкой природно-легированной стали товарного титанистого и ванадиевого шлака. Проектом предусматривается строительство ГОКа производительностью до 10 млн т руды в год. Получаемый железованадиевый концентрат (4,6 млн т) предполагается использовать на металлургических предприятиях Сибири для получения высококачественной рельсовой продукции, ванадиевого чугуна, ванадиевого и титанового шлаков. Часть концентрата может быть экспортирована в Китай.

В Новосибирской области планируется строительство электрометаллургического завода по выпуску стального проката мощностью 1 млн т в год. Это экологически чистое производство, работающее на вторичном сырье (ломе черных металлов). Екатеринбургская компания ОАО «МАКСИ-Групп» планирует вложить в инвестиционный проект 300 млн евро. Администрация области предоставит компании льготный налоговый режим при реализации проекта строительства завода. Эффективность проекта может быть значительно повышена за счет использования местных энергоресурсов – угля из отвалов листовяских карьеров и отходов работы Горловской обогатительной фабрики.

Цветная металлургия

Возможности дальнейшего развития отрасли могут быть связаны только с крупными инвестициями, направленными на ввод новых объектов и техническое перевооружение действующих производственных мощностей, внедрение новых технологий, позволяющих экономически эффективно добывать и перерабатывать труднообогатимое сырье. В настоящее время в мире имеет место дефицит руд и концентратов ряда металлов, а объективно длительные сроки освоения новых месторождений обуславливают сохранение дефицита еще в течение ряда лет.

Алюминиевая подотрасль. Алюминиевые заводы Восточной Сибири произвели в 2003 г. 2575 тыс. т первичного алюминия, или 74% от общероссийского объема. Реализация всего комплекса проектов (два новых завода, расширение мощностей на двух действующих предприятиях и техническое перевооружение используемых мощностей) позволит увеличить объемы производства не менее чем на 1900 тыс. т (в Западной Сибири – не более 50 тыс. т, остальное – в Восточной Сибири). Комплекс проектов является дорогостоящим, и в этом заключается основной риск их реализации. На весь комплекс требуется 5,7–6,4 млрд долл. США инвестиций, при этом на долю «СУАЛа» приходится только 500 млн долл. (увеличение мощностей на Иркутском алюминиевом заводе). «РУСАЛ» планирует инвестировать свыше 5 млрд долл. Поскольку речь идет о совокупности независимых проектов, есть основания предполагать, что в случае ухудшения конъюнктуры сроки реализации отдельных проектов будут отодвинуты.

Добыча золота на месторождении Сухой Лог (Иркутская область). Проект предполагает организацию добычи золота до 40 т в год при выходе на полную проектную мощность. Выделяются следующие риски данного проекта: в связи с бедностью руд самоокупаемость может быть достигнута только при очень больших объемах производства. В России нет опыта разработки столь крупного и бедного месторождения золота в столь сложных природных условиях, в связи с чем оценка требуемых инвестиций дается очень приближенно. Имеются сведения о наличии попутных платиноидов в рудах месторождения и перекрывающих породах, но нет точных сведений о возможности положительного технологического решения проблемы получения платиноидов в процессе извлечения золота.

В целом вероятность реализации проекта является очень высокой, но сроки освоения и объем инвестиций надо рассматривать как очень приблизительные.

Разработка Удоканского медного месторождения и Чинейского месторождения медно-платиновых руд (Читинская область). В результате выхода предприятий на полную годовую проектную мощность по добыче руды (Чинейское – 3 млн т, Удоканское – 15 млн т) годовой выпуск меди катодной составит 188,7 тыс. т, серебра – 159,6 т, платины – 0,8 т, палладия – 1,0 т, золота – 0,4 т, серной кислоты – 30,5 тыс. т, щебня строительного – 2,0 млн куб. м.

Объемы запасов меди на Удоканском и Чинейском месторождениях, а также вероятность разведки новых месторождений в процессе освоения Кодаро-Удоканского минерально-сырьевого комплекса, отработка технологии гидрометаллургического извлечения меди в суровых условиях района позволяют вернуться к варианту строительства в регионе медеплавильного предприятия. Основные риски разработки месторождений могут быть связаны с природными и горно-геологическими условиями, а также с технологией переработки концентратов гидрометаллургическим способом. Что касается рыночных рисков, то поскольку потребность в медных рудах велика, они минимальны.

Разработка Катугинского месторождения тантал-ниобиевых руд (Читинская область). Максимальный годовой объем добычи руды при выходе предприятия на проектную мощность составляет 3 млн т. Годовое производство будет иметь следующие объемы: тантал – 700 т, пятиокись ниобия – 4,92 тыс. т, концентрат РЗЭ – 7,53 тыс. т, уран – 440 т, криолит – 7,5 тыс. т, цирконовый концентрат – 61,5 тыс. т, тетрофтороборат калия – 7,8 тыс. т. Реализация проекта чрезвычайно важна для развития народного хозяйства страны. Сталь, легированная ниобием, идет на производство труб большого диаметра, потребность в которых резко возрастает при реализации вариантов развития трубопроводной подсистемы транспорта. Многоотраслевой характер применения (металлургия, производство стекла, керамики, катализаторов и магнитных материалов, электроника) имеют индивидуальные редкоземельные металлы и их смеси. Тантал используется в электронной промышленности и производстве твердых сплавов. В настоящее время производство этих металлов, а также добыча циркония в стране явно недостаточны. Металлы являются стратегическими продуктами, малые объемы их добычи и переработки ставят под удар сырьевую безопасность страны.

Заполярный филиал ГМК «Норильский никель». На комбинате реализуется долгосрочная программа, направленная на ввод новых мощностей по добыче руды взамен выбывающих; техническое перевооружение в обогащительном и металлургическом производствах; внедрение новых технологий, позволяющих повысить извлечение ценных компонентов из руд и улучшить экологические показатели производства; отработку создавшихся за длительный период эксплуатации техногенных месторождений; производство металлопродукции с повышенной добавленной стоимостью. Финансируется программа за счет собственных и привлеченных компанией средств. Реализация ее приведет к улучшению экономических и экологических показателей работы компании даже при ухудшении качества добываемых руд.

Разработка месторождений и создание металлургического предприятия в свинцово-цинковой подотрасли. Предусматривается разработка ряда полиметаллических месторождений Читинской области, Алтайского края, Кызыл-Таштыгского полиметаллического месторождения Республики Тывы, свинцово-цинковых месторождений Республики Бурятия и Красноярского края, включая строительство крупного металлургического предприятия. Предусматривается производство 150–200 тыс. т цинка, 100–120 тыс. т свинца в год, а также медного концентрата, золота, серебра, кадмия.

МАШИНОСТРОЕНИЕ

Машиностроение как отрасль промышленности решает задачу обеспечения отраслей экономики машинами и оборудованием для обновления их производственного аппарата и внедрения достижений научно-технического прогресса, а также задачу обеспечения собственно машиностроения оборудованием для его модернизации на новой технологической основе.

Поэтому в рамках реализации первой задачи сибирское машиностроение должно участвовать в осуществлении проектов топливно-энергетического комплекса, проектов транспортного комплекса (создание и организация производства современных грузовых железнодорожных вагонов на базе Алтайского и Абаканского вагоностроительных заводов, «Омсктрансмашина» и Юргинского машиностроительного завода, при этом с образованием холдинга «Сибирьвагон» возможно привлечение еще 40–45 сибирских предприятий), проектов цветной металлургии и горно-добывающей промышленности.

В рамках выполнения второй задачи целесообразна разработка региональной программы обновления и модернизации основных фондов собственно машиностроения Сибири. Реализация этой программы в отдельных областях техники может быть обеспечена за счет собственного производства станкостроительной и приборостроительной продукции, а также за счет регионального многоотраслевого комплекса наукоемких оборонных отраслей и имеющегося научно-конструкторского задела в подразделениях СО РАН.

ТУРИЗМ И РЕКРЕАЦИЯ

Развитие туризма в Иркутской области связано в первую очередь с Ольхонским районом. Крупнейший за Уралом горно-лыжный комплекс планируется создать в Горной Шории. Новый спортивно-развлекательный комплекс «Шерегеш» площадью 70 га разместится на свободном склоне горы Зеленая. Комплекс будет включать 11 трасс международного уровня, соответствующих стандартам FIS, общей протяженностью 26 км, гостиницы на 5 тыс. мест и рестораны. Комплекс сможет обслуживать до 10 тыс. чел. в час. Уже в 2005 г. ОАО «Кузбассразрезуголь» (Уральская горно-металлургическая компания) намерен вложить в проект 0,7 млрд руб.

В рекреационном центре Белокуриха в настоящее время во всех санаториях ежегодно отдыхают и лечатся 70 тыс. чел. Реальные перспективы курорта – прием до 18 тыс. чел. одновременно. В случае реализации проекта фактически появится новый экологически чистый город с развитой индустрией развлечений (по аналогии с городами Кавказских минеральных вод).

На туристической базе в спортивно-оздоровительном комплексе «Бирюзовая Катунь» планируется построить пять туристических центров и горно-лыжную базу общей вместимостью 3 тыс. мест, ипподром с трибунами и конюшней, а также дамбы для формирования водоема под рыбную ловлю. Под строительство отведено более 3,3 тыс. га.

В Республике Бурятия прогнозируется поэтапно задействовать 46 зон туризма и отдыха, обеспечить прохождение туристических маршрутов по 172 объектам природных и историко-культурных ресурсов.

* * *

Оценка инвестиций в проекты, представленные в Стратегии развития Сибири, приведена в табл. 2.

Таблица 2

**Объем инвестиций в базовые проекты
Стратегии развития Сибири до 2020 г.**

Отраслевой комплекс	Объем инвестиций, млрд долл. США	% к общему объему инвестиций
Инновационный	1,30	0,60
Топливо-энергетический (включая строительст- во трубопроводов), всего	176,10	81,40
В том числе:		
нефтегазовый и нефтегазохимический	141,30	
угольный	16,60	
электроэнергетика	18,20	
Транспортный	15,17	7,30
Лесопромышленный	3,50	1,60
Горно-добывающий и металлургический, всего	14,86	6,90
В том числе:		
черная металлургия	0,40	
цветная металлургия	10,43	
горно-добывающий	4,03	
Машиностроительный	4,00	1,90
Рекреационный	0,03	0,01
Торговля	0,70	0,30
И т о г о	216,19	100,00

**ОЦЕНКА СИСТЕМНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ
И ВОЗМОЖНОСТЕЙ ФИНАНСИРОВАНИЯ ПРОЕКТОВ**

Обсуждаемый вариант Стратегии развития Сибири, опирающийся на реализацию новых сырьевых, инновационных и других проектов, обеспечивает довольно серьезные позитивные сдвиги. Главными составляющими экономического роста в рассматриваемый период явятся освоение но-

вых месторождений полезных ископаемых с созданием на их базе пяти-шести центров российского и международного значения по добыче и экспорту сырья; осуществление намеченных в стратегии инновационных проектов, в том числе поэтапное создание на территории Сибирского федерального округа четырех-пяти технико-внедренческих и промышленно-производственных особых экономических зон, а также нескольких национальных парков информационных технологий; модернизация действующего производства; ускоренное развитие малого бизнеса с существенным (не менее чем в 2 раза) повышением его доли в ВРП округа.

Это позволит увеличить ВРП округа по сравнению с базовым 2003 г. в 2010 г. на 60–65%, в 2015 г. – в 2,3–2,4 раза, в 2020 г. – в 3,1–3,3 раза. Изменения структуры ВРП характеризуются данными, приведенными в табл. 3.

Таблица 3

**Динамика структуры ВРП Сибирского федерального округа
в 2003–2020 гг., %**

Отрасль	2003	2010	2015	2020
Промышленность	32,2	30,9	31,2	29,9
В том числе:				
ТЭК	9,0	8,8	9,7	9,2
металлургический комплекс	12,2	11,1	10,5	9,3
лесной комплекс	2,1	2,1	2,1	2,1
прочие отрасли промышленности	8,8	8,9	8,9	9,2
Транспорт и связь	10,9	10,3	9,4	9,0
Прочие отрасли народного хозяйства	56,9	58,8	59,4	61,2
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

Определяющая роль в экономике минерально-сырьевого сектора и инновационный путь развития не противоречат друг другу, как пытаются представить некоторые исследователи и политики. Это наше конкурентное преимущество, и мы должны умело им пользоваться. С этой целью необходимо сформировать условия для функционирования и устойчивого развития сырьевого комплекса как наиболее приоритетного, социально и экономически значимого сектора экономики. Это предпо-

лагает формирование и закрепление условий и предпосылок функционирования данного сектора на основе отечественного научно-технического и кадрового потенциала, усиление его взаимодействия с высокотехнологичными отраслями российской экономики, создание эффективного государственного регулирования.

Стратегия развития Сибири предусматривает переход к такой модели развития, в основе которой лежат российские ресурсы, технологии, оборудование, сервис, а также активное привлечение частного капитала. На наш взгляд, нет никакой альтернативы динамичному, основывающемуся на рыночных принципах и государственном регулировании пути развития сырьевого сектора в интересах общества. И только этот подход сможет обеспечить большой мультипликативный эффект для экономики Сибири и России.

При реализации стратегии потребуются серьезная конструктивная работа, которая объединит власть и бизнес в поиске оптимальных решений, обеспечивающих подъем экономики субъектов Федерации Сибирского федерального округа, оптимальное сочетание развития всех форм бизнеса при одновременном повышении уровня жизни населения. Все это может быть достигнуто только при опоре на принципы партнерства власти и бизнеса, повышения социальной ответственности предпринимательства.

Ближайшей задачей в рамках стратегии является формирование такого партнерства, создание конкретных организационно-экономических механизмов реализации каждого проекта. Участники проекта, заинтересованные в его реализации, должны будут выработать и принять на себя определенные обязательства по осуществлению совместных действий. Только такой подход обеспечит достижение поставленных целей.

В таблице 4 приведены некоторые показатели производственной и финансовой деятельности компаний, функционирующих в сырьевом и транспортном секторах сибирской экономики. Помимо того, что все они демонстрируют устойчивый рост и финансовую стабильность, они также занимают лидирующие позиции в рейтинге 400 наиболее успешных предприятий России за 2005 г. Эти компании заинтересованы в развитии и умножении своих активов на территории Сибири, поскольку здесь располагаются их основные производственные подразделения.

Однако сложившаяся на региональном уровне монопольная структура минерально-сырьевого сектора и доминирование крупных корпораций, с одной стороны, и необходимость их участия в реализации новых крупномасштабных проектов, с другой стороны, создают весьма непростую и противоречивую ситуацию. Разрешение этой ситуации возможно при

Таблица 4

**Показатели производственной и финансовой деятельности компаний,
функционирующих в минерально-сырьевом и транспортном секторах
экономики Сибири**

Компания, показатель	2001	2002	2003	2004	Средне- годовой темп роста, %	Рей- тинг*
1	2	3	4	5	5	6
<i>РАО «Газпром»</i>						1
Добыча газа, млрд куб. м	512	521,9	540,2	545,1	2,1	
Выручка от реализации, млрд руб.	474,5	604,6	780,6	887,2	23,2	
Чистая прибыль, млрд руб.	71,9	52,6	129,7	161,1	30,8	
<i>ОАО «Лукойл»</i>						2
Добыча нефти, млн т	73,9	77,0	80,2	86,2	5,3	
Добыча газа, млрд куб. м	4,9	5,0	5,7	6,5	9,9	
Выручка от реализации, млрд долл. США	13,4	15,3	22,1	33,8	36,1	
Чистая прибыль, млрд долл. США	2,1	1,8	3,7	4,2	26,0	
<i>ОАО «ГМК «Норильский никель»</i>						
Производство металлов:						
медь, млн долл. США	1673	1689	2824	3564	28,7	10
никель, млн долл. США	864	718	828	1265	13,5	
МПП, млн долл. США	1848	574	1177	1711	-2,5	
Выручка от реализации, млрд долл. США	4,4	3,1	5,2	7,0	16,7	
Чистая прибыль, млрд долл. США	1,2	0,6	0,7	1,8	14,5	
<i>ОАО «РУСАЛ»</i>						
Производство:						17
глинозем, тыс. т	2243	2164	2982	3140	11,9	
первичный алюминий, тыс. т	2460	2483	2589	2671	2,8	
Инвестиции в производство, всего, млн долл. США	248	307	319	534	29,1	
В т.ч. в новые проекты, млн долл. США	126	131	72	256	26,6	
<i>РАО «РЖД»</i>						
Выручка от продаж, всего, млрд долл. США	—	—	152,3	659,5	63,0	4
В т.ч. грузоперевозки, млрд долл. США	—	—	124,0	529,5	62,2	
Чистая прибыль, млрд долл. США	—	—	5,9	8,7	13,8	

Продолжение табл. 4

1	2	3	4	5	5	5
ОАО «ТНК-ВР»						6
Добыча нефти, млн т	–	53,9	63,8	68,7	8,4	
Выручка от реализации, млрд долл. США	–	8,1	10,4	14,3	20,9	
Чистая прибыль, млрд долл. США	–	1,5	2,8	4,0	38,7	
ОАО «Евраз-Групп»						14
Выручка от продаж, млрд долл. США	–	1,54	2,17	5,93	96,2	
Чистая прибыль, млрд долл. США	–	–	0,253	1,345	4,3 раза	

* Использован рейтинг «Эксперт-400» (Эксперт. – 2005. – № 38).

восстановлении равноправной с бизнесом роли государства в минерально-сырьевом секторе и консолидации усилий в развитии этого сектора на научно-технической основе.

Помимо косвенного воздействия со стороны государства – в форме процедур и подходов к регулированию деятельности недропользователей все более очевидными становятся необходимость и целесообразность участия государства в инвестиционной деятельности, особенно в развитии инфраструктуры новых проектов. Государство, уходя из инвестиционного процесса в экономике, перешагнуло ту черту, за которой возникает дефицит государственных инвестиций, тормозящий оказание услуг обществу, рост производительности труда и эффективности бизнеса, что негативно влияет на другие аспекты общественной жизни.

***

Анализ Стратегии развития Сибири свидетельствует о высокой потенциальной эффективности предлагаемых проектов для экономики Сибири и России. Практическая реализация крупномасштабных проектов возможна только на базе частно-государственного партнерства, создания стимулов и механизмов формирования необходимых для этого организационных, финансовых и правовых условий.

©Кулешов В.В., 2006

ФОРМЫ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Л.И. Лугачева, Е.А. Соломенникова

В современных условиях многие российские предприятия занимаются внешнеэкономической деятельностью (ВЭД) по разным мотивам, но большинство из них стремятся за счет выхода на внешние рынки увеличить объемы продаж, а следовательно, и свою прибыль. Организационные формы внешнеэкономической деятельности предприятий самые разные: экспортно-импортные сделки, т.е. внешняя торговля, которую ведут отдельные предприятия; совместные выступления на мировом рынке с помощью консорциумов; совместные предприятия; слияния и поглощения, в том числе создание транснациональных компаний. В данной статье на примере отдельных сибирских предприятий проверяется исследовательская гипотеза о том, в каких организационных формах предприятия осуществляют внешнеэкономическую деятельность и какие из этих форм имеют наибольший удельный вес.

Предприятия, занимающиеся внешнеэкономической деятельностью, подразделяются на экспортеров и импортеров. При этом одно и то же предприятие может быть и экспортером, и импортером товаров разных номенклатурных групп или же одной и той же группы товаров в разное время.

По профилю внешнеэкономической деятельности российские предприятия классифицируются на предприятия – экспортеры товаров, торгово-посреднические организации и предприятия, торгующие услугами.

Предприятия – экспортеры товаров торгуют своей продукцией без посредников. Организационные формы предприятий этой группы разнообразные: сами предприятия, их объединения, консорциумы, совместные предприятия и кооперативы. Крупные и средние российские предприятия в основном сырьевой специализации в начале 90-х годов приняли попытку самостоятельно выйти на внешние рынки, создав большую конкуренцию среди российских предприятий, приведшую к резко-

му снижению цен на экспортируемую продукцию. И до сих пор некоторые предприятия продолжают вести политику самостоятельного представительства на внешнем рынке. Другие крупные и крупнейшие российские предприятия осуществляют внешнеэкономическую деятельность через специализированные внешнеторговые фирмы, которые, как правило, входят в их состав. Третьи создают консорциумы для достижения внешнеэкономических целей определенной группы предприятий. Доля консорциумов в общей численности участников ВЭД составляет около 0,5%. Более продвинутой формой внешнеэкономической деятельности можно считать совместные предприятия, которые появились еще в Советском Союзе, а сегодня имеют наибольший удельный вес в общей численности участников ВЭД – 70%. Число российских участников совместных предприятий составляет около 3 тыс. [1]. Производственные кооперативы, в основном расположенные вблизи границ России, реализуют свою продукцию на трансграничные территории – в страны Восточной Европы, Финляндию, Монголию, КНР и КНДР.

Торгово-посреднические организации сами не производят продукцию, а только осуществляют доставку экспортной или импортной продукции. При этом одни покупают продукцию, другие только оказывают услуги предприятиям-производителям. Организационные формы предприятий этой группы – специализированные внешнеэкономические организации, отраслевые внешнеэкономические объединения, смешанные общества, торговые дома, трейдинговые компании (трейдеры). Специализированные внешнеэкономические организации – это 22 организации Министерства экономического развития и торговли РФ, назначение которых заключается в том, чтобы осуществлять торговые операции по межправительственным соглашениям. Отраслевые внешнеэкономические объединения представлены внешнеэкономическими фирмами крупных отраслевых холдингов. Смешанные общества создаются крупными российскими экспортерами при участии зарубежных партнеров, на долю которых приходится около 30% продукции крупных транспортеров [1]. Торговые дома осуществляют экспортно-импортные операции по достаточно представительному списку номенклатурных позиций, имеют сеть зарубежных филиалов, ведут оптово-розничную торговлю на внутреннем рынке и выступают инвесторами производственной деятельности. Разновидностью торговых домов являются трейдинговые компании, которые представляют собой высокоспециализированные торгово-посреднические фирмы [1].

Предприятия, торгующие услугами, – это специализированные транспортные, финансово-кредитные, научные, консалтинговые и подобные компании. Их доля во внешнеэкономической деятельности постоянно растет.

С нашей точки зрения, организационной формой ВЭД необходимо признать также договора международного сотрудничества в научно-технической, инвестиционной и образовательной сферах. В качестве особой формы ВЭД можно рассматривать и транснациональные корпорации как особую форму организации хозяйственной деятельности фирмы, основанную на кооперации труда работников предприятий, расположенных в разных странах мира и объединенных единым титулом собственности на средства производства. Сначала мотивом создания ТНК был перенос отдельных производственных подразделений в другие страны с целью приближения производства к рынкам сбыта либо источникам сырья, использования более дешевой рабочей силы и дешевого сырья. Сегодня мотивом служит, в том числе, расширение рынков сбыта.

Кроме того, нужно отметить ряд гибридных форм организаций, которые также вполне можно считать организационными формами ВЭД. Это, например, субконтрактные отношения, предпринимательские сети, франчайзинг, партнерства, альянсы компаний, слияния с зарубежными предприятиями или поглощения их российскими предприятиями.

Предприятия Сибирского региона занимались внешнеэкономической деятельностью еще в советские времена. Только формы этой деятельности ограничивались фактически поставками производимой продукции на экспорт (особенно преуспевали в этом оборонные предприятия). При этом вся внешнеэкономическая деятельность советских предприятий осуществлялась через специализированные организации отраслевых министерств, и опыта самостоятельной работы в этой области у предприятий не было.

В процессе рыночных преобразований внешнеэкономическая деятельность стала одним из видов предпринимательства, давшим возможность выжить целому ряду машиностроительных предприятий. Стратегическим направлением этой деятельности для части машиностроительных предприятий Новосибирской области стала ориентация на экспорт продукции, что закрепилось в их характеристике – экспортно-ориентированные.

В России формирование таких предприятий обусловлено следующими причинами:

- изменением государственной политики во внешнеэкономической сфере. Это проявляется в отказе от прямого административного управления и переходе к государственному регулированию;
- превращением экспорта в реальный фактор поддержания производства и преодоления кризиса;
- стремлением предприятий уменьшить риск, связанный с функционированием на рынках одной страны.

Главная отличительная особенность таких предприятий – это объем продукции, поставленной на экспорт, который меняется из года в год даже у одних и тех же предприятий под влиянием ситуации на зарубежных рынках, конкурентоспособности продукции этих предприятий, а также других факторов.

Способы достижения экспортной ориентации отдельными машиностроительными предприятиями различны. Переориентация предприятий машиностроительного комплекса Новосибирской области с обслуживания внутреннего рынка на внешний рынок проходила достаточно трудно. К тому же у них были разные стартовые условия выхода на мировые товарные рынки и закрепления на них. Несмотря на то что в связи с переходом к рынку машиностроительные предприятия получили возможность экспорта своей продукции, воспользоваться такой возможностью в короткие сроки смогли далеко не все. Это обусловлено двумя факторами. Первый и главный – неконкурентоспособность подавляющей части их продукции. Другой, не менее важный, фактор – отсутствие опыта в ведении внешнеэкономической деятельности и отсутствие необходимой информации о зарубежных рынках, их конъюнктуре. Стать экспортно-ориентированными машиностроительные предприятия могли только при наличии определенных организационно-экономических и производственно-технических условий, позволяющих наладить выпуск и сбыт продукции на зарубежных рынках при наличии сильной конкуренции.

Экспортно-ориентированные предприятия в составе сибирского машиностроительного комплекса можно разделить на следующие группы:

- первая группа – предприятия, имеющие достаточный опыт работы на зарубежных рынках, авторитет и налаженные международные торговые связи;
- вторая группа – предприятия, осуществляющие экспорт своей продукции через централизованные ведомственные структуры;

- третья группа – конверсионные предприятия оборонного комплекса, обладающие высокими технологиями и конкурентоспособной продукцией, но не имеющие опыта ведения внешнеэкономической деятельности. У таких предприятий переход к международной производственной и научно-технической деятельности был продиктован стремлением выжить в рыночной экономике;
- четвертая группа – предприятия различных отраслей, которые не имели достаточного опыта работы на зарубежных рынках, но в условиях низкого платежеспособного спроса на их продукцию внутри страны вынуждены были мобилизовать свои производственные возможности и организовать выпуск продукции на экспорт.

В последние годы наряду с развитием экспорта готовой машинотехнической продукции в традиционных формах предприятия Новосибирской области осваивают новые для них формы внешнеэкономического сотрудничества (см. таблицу).

Для мониторинга групп предприятий, охарактеризованных в таблице, используем примеры машиностроительных предприятий Сибирского федерального округа, в основном новосибирских.

Первая группа представлена такими новосибирскими предприятиями, как ОАО «Новосибирский завод химконцентратов» (НЗХК), ОАО «Сибэлектротерм», ОАО «Сиблитмаш», ОАО «Сибстанкоэлектропривод», ОАО «Новосибирский инструментальный завод», ОАО «Элсиб», ОАО «Новосибирский электродный завод» и др. Объем инновационной продукции этих предприятий составляет десятки миллионов долларов США в год.

ОАО «Новосибирский завод химконцентратов» является конкурентоспособным на внешнем рынке предприятием атомного машиностроения [2]. Его конкурентные преимущества – это огромный научно-технический потенциал; внедрение новых технологий и техническое перевооружение, реконструкция газового оборудования завода; инновационное обновление производимой продукции; сертификация соответствия качества экологического менеджмента; опыт работы на зарубежных рынках; авторитет и налаженные международные связи; наличие моделей рациональных и взаимовыгодных экономических отношений между предприятием, властями и корпорацией.

Внешнеэкономическая деятельность НЗХК осуществляется через ОАО «ТВЭЛ», которому принадлежит 88,27% акций завода. Ядерное

**Характеристика организационных форм
внешнеэкономического сотрудничества предприятий машиностроения
Новосибирской области**

Организационные формы внешнеэкономического сотрудничества	Характер контрактов и взаимодействий	Поддержка государства
1. Экспорт наукоемкой продукции: атомного машиностроения, металлургического машиностроения, литейного машиностроения, энергетического машиностроения, инструментальной промышленности, приборостроения	Регулярные комплексные поставки	Помощь в решении кадрового вопроса, в оптимизации отношений с крупными холдингами, государственный заказ на подготовку кадров
2. Создание совместных производств в сферах: силовой электроники, литейного оборудования, энергетического оборудования, сборки автомобилей	Производство: за рубежом, в Новосибирской области	Организационно-информационная
3. Экспорт машинотехнических услуг	Единичные поставки	Субсидирование процентных ставок по кредитам на развитие
4. Продажа машинотехнической продукции по лизингу	Единичные поставки	Налоговые, финансовые и организационные механизмы, договор о сотрудничестве администрации Новосибирской области с АВПК «Сухой»

топливо, изготовленное на НЗХК, поставляется корпорацией ТВЭЛ на АЭС Украины, Болгарии и Китая, а также на исследовательские реакторы Чехии, Польши и Узбекистана. Кроме того, на НЗХК производится топливо для строящихся АЭС Индии и Ирана. Завод играет существенную роль в обеспечении экспортных поставок ТВЭЛа – как на традиционные рынки, куда корпорация поставляет ядерное топливо и тепловыделяющие сборки, так и на вновь осваиваемые рынки. Сборки, изготовленные по западному дизайну, реализуются в Швеции, Швейцарии и Нидерландах.

Успешное продвижение продукции НЗХК на мировые рынки при наличии сильных конкурентов основано на постоянной инновационной деятельности, которая и является основой развития. Все новинки планируется использовать как в России, так и при экспортных поставках. В настоящее время НЗХК осуществляет отработку макетов «ТВС-квадрат», которые будут отличаться улучшенной глубиной выгорания, более длительным топливным циклом, большей экономической эффективностью. Выпуск другого инновационного продукта – кассет ТВС-2(М), которые позволят повысить топливопользование на АЭС на 4–5%, намечен на 2007 г. Планируется расширение таблеточного производства ядерного топлива.

Экспортером продукции металлургического машиностроения является ОАО «Сибэлектротерм». За более чем 60 лет работы этот завод поставил печи в более чем 45 стран мира. Большая часть конструкций изготавливаемых заводом печей разработана в Специальном конструкторском бюро электротермического оборудования. Кроме того, в рамках сотрудничества с более чем 30 научно-исследовательскими институтами завод внедрил современные технологические процессы, в частности сварку толстолистовой меди, сварку взрывом, электрошлаковую сварку. На заводе созданы участки изготовления и испытаний гидроаппаратуры. В результате в последние пять лет на предприятии сформировался новый номенклатурный ряд и наметилась хорошая динамика роста: ежегодный прирост объема продукции за последние три года составляет в среднем 60%. Завод ориентируется на комплексные поставки, за счет которых возрастает объем заказов. Ему удалось вернуть многих утраченных в период кризиса партнеров, и это прежде всего металлургические компании из стран СНГ, а в настоящее время возобновляется сотрудничество с предприятиями из стран дальнего зарубежья. Например, в 2005 г. прорабатывался крупный контракт с Индией, цена которого может составить около 3 млн долл. США.

Рыночные отношения позволили занять свою нишу на различных, прежде недоступных сегментах рынка, завязать новые партнерские связи производителю литейного оборудования – ОАО «Сиблитмаш». Его специализация – разработка и производство формовочных линий, машин и комплексов для литья под давлением, оборудования для выбивки форм, арматуры герметизации печей, коксовых батарей. В числе международных связей завода долгосрочные контракты с Германией, Болгарией, Китаем, Монголией, Алжиром, Египтом

и другими странами, которым завод поставляет литейное и коксовое оборудование [3, 4].

Экспорт новой наукоемкой продукции растет при падении объемов экспорта традиционных видов продукции: кранов на автомобильном ходу, кузнечно-прессовых машин, металлорежущих станков. Наряду с расширением экспорта готовой машинотехнической продукции в последние два года стали создаваться совместные предприятия для выпуска конкурентоспособной техники как на территории Новосибирской области, так и за рубежом.

Вторая группа – совместные предприятия. Эта организационная форма характерна для предприятий, выпускающих силовую электронику, современные литейные машины, энергооборудование, продукцию для сборки автомобилей. В частности, в 2004 г. руководство завода «Сиблитмаш» завершило переговоры и подписало документ о создании совместного с германской фирмой предприятия по производству самого современного оборудования литья под давлением для автомобилестроителей Европы.

В Новосибирской области имеется большой научно-технический задел в приборостроении и электротехнической промышленности. Примером прорывных технологий, реализуемых в регионе, является силовая электроника. В рамках активной промышленной политики областной администрацией с 2001 г. осуществляется программа «Силовая электроника Сибири», охватывающая более 20 предприятий и научно-исследовательских институтов СО РАН. В последние два года силовая электроника интенсивно развивается, крупными потребителями продукции этой отрасли становятся российские и зарубежные предприятия. Экспортно-ориентированные стратегии упомянутой программы связаны с корейской группой инвестиционных компаний, которая намерена создать совместное производство в Корее по четырем направлениям:

1) автомобильная электроника. Предполагается создание совместного дизайн-центра по разработке радиоэлектронного оборудования;

2) бытовая электроника и бытовая электротехника;

3) сотовая телефония. Совместное производство ориентировано на передовой корейский стандарт G3, при этом цены будут доступнее, чем у компаний LG и «Samsung»;

4) оборудование для сотовых телефонов, в частности литиевые аккумуляторы. В дальнейшем эти батареи будут выпускаться и для автомоби-

лей (гибридных). Прорабатывается развитие этого направления как вместе с корейскими фирмами, так и вместе с фирмами Японии.

В начале 2005 г. чешская машиностроительная компания «Scoda» и московская управляющая компания «Дедал» создали на паритетных началах совместное предприятие по производству электродвигателей – ООО «Сибэлектропривод» на базе новосибирского ОАО «Сибстанко-электропривод». Развитие этого российско-чешского предприятия ориентировано на завоевание в течение трех лет 90% рынка электрооборудования для общественного транспорта России и стран СНГ.

ОАО «Сибстанкоэлектропривод» успешно специализируется на производстве электродвигателей и электрогенераторов для белорусского завода «БелАЗ» и Демиховского машиностроительного завода. Группа «Дедал», через «Сибстанкоэлектропривод» контролирующая около 25% рынка электротехники для БелАЗов и около 10% российского рынка электротехники для электровозов, до сих пор не присутствовала на рынке электрооборудования для городского пассажирского транспорта. Совместное предприятие будет осваивать продукцию, отсутствующую в номенклатуре «Дедала», – электродвигатели постоянного и переменного тока для трамваев, троллейбусов, метрополитена, аппаратуру управления. Для организации нового предприятия «Дедал» планирует вывести часть активов из «Сибстанкоэлектропривода». По оценкам «Дедала», «Сибэлектроприводу» в ближайшие два-три года потребуются инвестиции в объеме 8–10 млн долл. США, для того чтобы выйти на технический уровень, сравнимый с уровнем компании «Scoda» в Европе. ООО «Сибэлектропривод» будет поставлять электрооборудование исключительно на экспорт. Основное производство, в том числе и выпуск электротехники, «Scoda» заинтересована осуществлять в Новосибирске: здесь стоимость труда и энергоносителей значительно ниже, чем в Чехии.

Ряд новосибирских компаний в своих структурах организовали автосервисы и выступают дилерами по продаже зарубежных грузовых и легковых автомобилей. В 2005 г. в Новосибирской области создано совместное производство по сборке китайских джипов. Новосибирский холдинг «Трансервис» для сборки китайских автомобилей создал компанию «Новосибирский автомобильный завод». В 2005 г. это предприятие собрало 200 машин в имеющихся у него помещениях, а к началу 2007 г. планируется построить завод мощностью 10 тыс. автомобилей в год. К моменту ввода этого завода в эксплуатацию новосибирская компания рассчитывает благодаря местной сборке удешевить автомобили, завозимые из Китая, на 10–15%.

Ранее холдинг «Трансервис» занимался оптовой и розничной продажей нефтепродуктов, дорожным строительством, сельским хозяйством. В состав холдинга входит автоцентр «Пекинский джип», продающий в России пикапы китайского производства. Большая часть пикапов «Адмирал» была продана не в самом Новосибирске, а через сеть дилеров в других регионах по единой цене – 18 тыс. долл. США. В 2005 г. автоцентр продал в России около 1500 пикапов. По нашему мнению, отношение к китайским автомобилям сибирской сборки во многом будет определяться их качеством и тем, насколько успешной будет рекламная кампания по продвижению брэнда. Серьезной проблемой могут быть кадры, поскольку в Новосибирске до сих пор не было предприятий по производству автомобилей.

Третья группа – предприятия, осуществляющие экспорт машино-технических услуг. Такие услуги оказывает Новосибирский авиаремонтный завод (НАРЗ) [5]. Он производит ремонт и модернизацию вертолетной техники по международным контрактам. Основной вид деятельности НАРЗ – капитальный ремонт и техническое обслуживание вертолетов Ми-8, Ми-17, Ми-24 и Ми-26. К настоящему времени в России немного авиаремонтных предприятий, которые могут принимать участие в престижных международных авиационных выставках наряду с крупнейшими участниками мирового авиаремонтного рынка. Новосибирский авиаремонтный завод – одно из таких успешных предприятий. Летом 2005 г. завод участвовал в выставке в рамках Международного авиакосмического салона в г. Жуковском.

НАРЗ – крупнейшее в России предприятие по ремонту всей вертолетной техники, разработанной Московским вертолетным заводом им. Миля. В последние годы на предприятии активно внедряются новые разработки по модернизации вертолетной техники и осваиваются ранее не выполнявшиеся виды работ, которые вызывают интерес у российских и зарубежных специалистов вертолетного рынка. Конкурентоспособность предприятию обеспечивают не только новые технологии, но и высокое качество работы, сокращение сроков ремонта вертолетной техники, эффективный менеджмент.

Экспорт машинотехнических услуг на НАРЗе осуществляется по таким направлениям:

- 1) переоборудование вертолетов в авиатехнику типа «скорая помощь». Вертолет оборудуется специальной медицинской техникой, которая обеспечивает поддержание жизненных функций пациентов. В 2005 г.

НАРЗ выполнил крупный контракт с ливийскими властями на поставку двух вертолетов – Ми-8 и МТВ-1 (производства Казанского вертолетного завода) и Ми-8 и АМТ (Улан-Удэнского вертолетного завода), переоборудованных специалистами предприятия в «летающие госпитали»;

2) модернизация вертолетной техники по типу «салон-трансформер». Не все компании, эксплуатирующие вертолеты, могут себе позволить иметь в парке помимо транспортных машин еще и пассажирские. Поэтому на НАРЗе был разработан и внедрен в эксплуатацию салон-трансформер, который благодаря модульному оборудованию за два часа может быть переоборудован из грузового салона в пассажирский (и наоборот);

3) оборудование салонов вертолетов VIP-класса. Здесь завод ушел далеко вперед от своих конкурентов. Заказчиками НАРЗа по переоборудованию вертолетов в этом направлении выступают региональные власти, крупные российские предприятия, администрации президентов стран Средней, Центральной Азии и Африки. Заказы на оборудование салона повышенной комфортности выполняли на заводе для президентов Узбекистана и Судана.

Четвертая группа – предприятия, занимающиеся продажей машинотехнической продукции по лизингу. Переход к новому этапу экономического роста требует эффективного использования рыночных инструментов и применения передовых технологий, что приводит к необходимости продажи продукции машиностроительных предприятий по лизингу.

Среди машиностроительных предприятий Новосибирской области единственным предприятием, осуществляющим экспортный лизинг, является НАПО им. Чкалова. Это предприятие заключает лизинговые договора на эксплуатацию пассажирских самолетов Ан-38 со странами Азии. На конец 2005 г. в эксплуатации находилось шесть самолетов Ан-38. С 2000 по 2004 г. Ан-38 уже эксплуатировала малайзийская авиакомпания «Layang Aerospace», а с мая 2004 г. по июнь 2005 г. два самолета работали на пассажирских рейсах во Вьетнаме. Летом 2005 г. была подписана лизинговая сделка с монгольской авиакомпанией «Хангарьд». Новосибирские авиастроители передают Монголии в аренду на четыре месяца, а затем в лизинг два самолета Ан-38-120. Осенью 2005 г. началась работа с вьетнамско-лаосской компанией. С точки зрения экономики эти сделки не являются высокодоходными, но они дают возможность НАПО им. Чкалова продолжать выпуск продукции. Не имея избыточных финансовых возможностей, этот авиационный завод активно участвует в международных салонах, где

продвигает свою продукцию на внешние рынки. Завод также интенсивно работает с институтами СО РАН.

Успех предприятий Новосибирской области в организации внешнеэкономической деятельности, динамичное развитие экспорта, несомненно, в первую очередь зависят от самих предприятий. Но, кроме того, большое значение имеет активная поддержка со стороны государства в лице областной администрации и мэрии города в виде мероприятий организационно-информационного характера. Комплексная реализация этих мероприятий позволит достигнуть наибольшей эффективности при выходе предприятий на внешний рынок. Одним из перспективных вариантов здесь является консолидация усилий экспортеров машинотехнической продукции по освоению внешних рынков. Необходимость такого объединения вызвана отсутствием опыта или недостаточным опытом в самостоятельном исследовании внешнего рынка, поиске выгодных иностранных контрагентов, квалифицированном осуществлении взаимных расчетов, четком и правильном формулировании условий контракта, а также большими экспортными затратами, если предприятие действует в одиночку, что особенно невыгодно при нерегулярности экспортных операций и незначительных объемах поставок. Объединение предприятий в ассоциацию позволит снизить транзакционные издержки, членство в ней поможет ее участникам грамотно организовать свою внешнеэкономическую деятельность и послужит дополнительной гарантией их деловой порядочности для зарубежных партнеров.

Еще одним направлением организации ВЭД для машиностроительных предприятий может быть формирование официальных региональных баз данных внешнеэкономической информации на основе официальных веб-страниц координирующих внешнеэкономическую деятельность структур. Такая база данных позволит узнать об имеющихся в регионе предприятиях (по сферам деятельности), получить информацию о выставках с участием региональных экспортеров (эта информация будет полезной и местным предприятиям, желающим выйти на внешний рынок), проанализировать действующее в регионе законодательство в сфере внешнеэкономической деятельности и т.д.

За последние два года в Новосибирской области был принят ряд областных законов и постановлений, стимулирующих внешнеэкономическую деятельность предприятий. Реализуется областная программа по защите внутреннего рынка от контрафактной продукции и по пресечению контрабанды. Кроме того, планируются создание на

территории области центра международной торговли с режимом свободной таможенной зоны, вступление Новосибирска во Всемирную ассоциацию технополисов. Новосибирская область должна выходить на рынок наукоемких технологий с образцами не только на уровне зарубежных, но и на более высоком.

Рассмотренные в статье примеры не могут претендовать на то, чтобы считаться представительной выборкой даже по новосибирским предприятиям, тем не менее можно сделать некоторые выводы в отношении сформулированной гипотезы. Спектр организационных форм, в которых осуществляют внешнеэкономическую деятельность сибирские предприятия, достаточно широк: имеют место отдельные предприятия, московские холдинги, куда входят сибирские предприятия, экспортный лизинг, экспорт машинотехнических услуг и т.д. Однако основная доля приходится на экспорт производимой продукции, хотя Новосибирская область экспортирует продукцию с большой добавленной стоимостью. Пока ни одно новосибирское предприятие не использует современные организационные формы, в частности они не участвуют в транснациональных компаниях.

Литература

1. **Мовсисян А.Г., Огневцев С.Б.** Международные валютно-кредитные отношения. – М.: ИНФРА-М, 2005.
2. **Соколов К.** НЗХК готовится к новым рынкам // *Континент Сибирь*. – 2005. – № 15.
3. **«Сиблитмаш»** получил поддержку губернатора // *Континент Сибирь*. – 2005. – № 35.
4. **Мы** обогнали конкурентов на несколько лет вперед // *Промышленник России*. – 2004. – № 10.
5. **НАРЗ** попал под двойной контроль // *Континент Сибирь*. – 2005. – № 38.

© Лугачева Л.И., Соломенникова Е.А., 2006

МОДЕЛИ ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ И НА РЫНКЕ ТРУДА: МЕХАНИЗМ И ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ

Н.М. Арсентьева, В.П. Бусыгин, И.И. Харченко

Статья подготовлена при финансовой поддержке индивидуального исследовательского гранта ГУ-ВШЭ 2005 г. «Модели поведения молодежи в сфере образования и на рынке труда в ситуации рассогласования предложения и спроса на труд в российской экономике» (рук. В.П. Бусыгин)

В России в постсоветский период отмечается рассогласование между спросом рынка труда на определенную квалификацию работников и предложением услуг системой профессионального образования (наличие трудодефицитных сегментов в одних отраслях экономики, перепроизводство специалистов для других сегментов экономики, низкая профессиональная устойчивость молодых кадров, подготавливаемых для ряда отраслей). Это отмечают как менеджеры предприятий, так и исследователи рынка труда [1–3].

В развитых странах практикуется два основных типа общественного регулирования системы образования в связи с запросами рынка труда. Первый тип опирается преимущественно на косвенные управленческие воздействия, на сигналы «незарегламентированного» рынка труда. В Европе в связи с особенностями рынка труда (более «зарегламентированного») распространен в основном второй тип – прямое регулирование, так как сигналы от рынка труда достаточно слабые, для того чтобы соответствующее косвенное регулирование было эффективным. В России же рынок труда имеет ярко выраженный дуальный характер¹ с «секторами», в которых присутствуют существенные признаки обоих указанных типов рынка, и способы регулирования в этих секторах сильно различаются.

---

¹ О дуальности мы говорим в ситуациях, когда существуют различия в правилах, регулирующих один и тот же тип взаимоотношений субъектов как вне, так и внутри соответствующей системы, и эти различия приводят к существенным различиям в условиях функционирования субъектов и могут проявляться в их поведении.

Отличны от зарубежных и механизмы формирования оплаты труда в упомянутых секторах, влияние этих механизмов друг на друга. Поэтому важно понять, как данная особенность российского рынка труда «трансформируется» в существенные особенности механизма регулирования рынка образовательных услуг, социального механизма взаимодействия системы образования и рынка труда.

Мы исходим из гипотезы, что несмотря на определенную резистентность системы образования и происходящих в ней процессов, рынок труда (и его институциональное устройство) оказывает значительное влияние на эти процессы, и такое влияние (с учетом известной дуальности рынка труда и системы образования²) осуществляется через модели поведения молодежи на рынке образовательных услуг и на рынке труда.

Модель поведения как устойчивая реакция субъекта рынка труда и образовательных услуг представляет собой тип поведения в сочетании с мотивами этого поведения. Для определенной части молодежи модели поведения в сфере образования являются прообразом моделей поведения на рынке труда. Например, демонстрируя высокую трудовую активность в период обучения, будущий специалист набирает опыт для успешного выхода на рынок труда. «Сквозным» фактором, снижающим сначала интерес к обучению, затем намерение работать по специальности, потом мотивацию к эффективному труду и профессиональную устойчивость, является необоснованный выбор профессии в период обучения.

Формирование реакции субъекта рынка труда происходит под влиянием различных внешних и внутренних факторов. Внутренние факторы – сформировавшиеся у подростка, молодого человека ценностные ориентации, жизненные установки, притязания, личностный потенциал, общие представления о престижности профессий, практический опыт действий на рынке труда, применения своих способностей в сфере профессионального обучения и труда, отношение к этому опыту и т.д. Среди внешних факторов можно выделить, во-первых, общие, не имеющие непосредственного отношения к ситуации на рынке труда. Это могут быть как факто-

---

² Дуальность российской системы образования выражается в наличии существенных различий во взаимоотношениях субъектов как вне данной сферы (различия в условиях доступа к образованию, в частности по принципу платности/бесплатности), так и внутри нее (в частности, государственный и негосударственный сектор), а также в степени «модернизации» учебных заведений, ухода от «советской» модели, т.е. от норм и правил, регулирующих взаимоотношения, сформировавшихся в советское время (в основном в 30-е годы прошлого века).

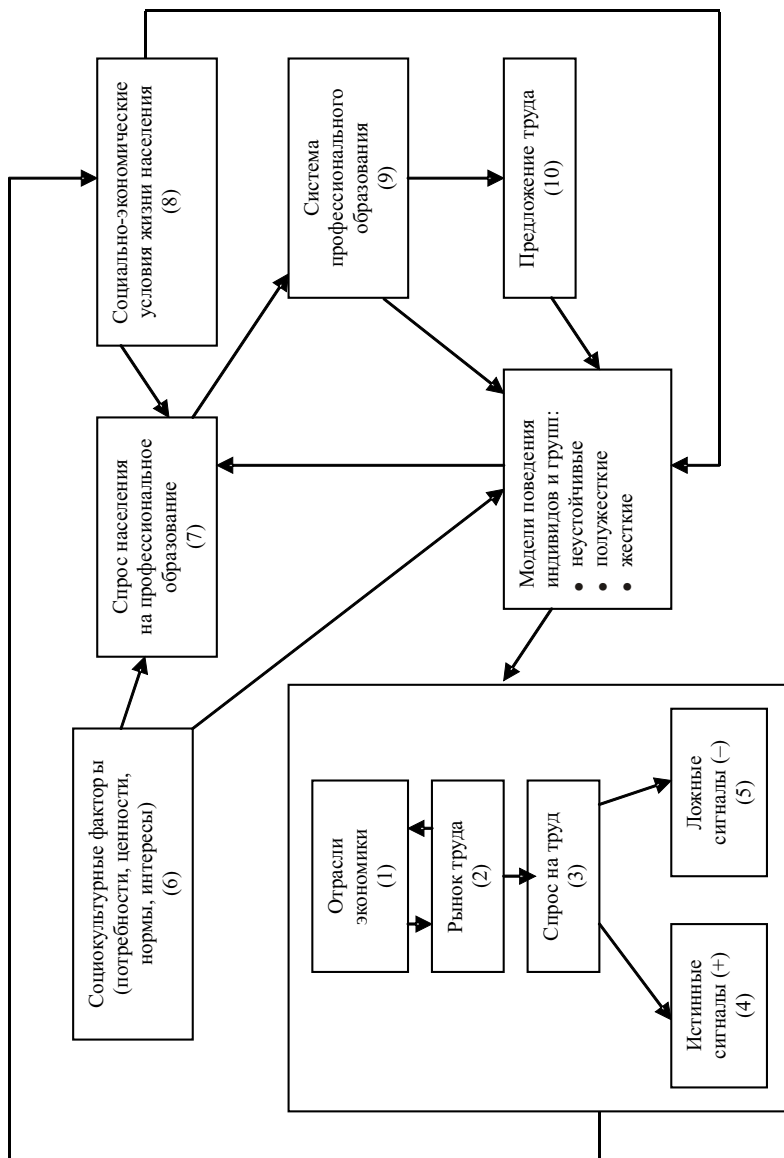
ры ближайшего социального окружения (социокультурная среда общения, традиции, социальный статус семьи, материальное положение семьи, референтные группы и т.п.), так и факторы макроуровня (состояние экономики, политическая ситуация, социальная структура общества и т.п.). Во-вторых, среди внешних факторов следует выделить конкретные факторы, имеющие непосредственное отношение к ситуации на рынке труда или в определенном его сегменте (профессиональном, отраслевом и др.). Совокупность этих факторов можно назвать системой сигналов сегмента рынка труда, посылаемых во внешнюю среду.

Качество сигналов отдельных сегментов рынка труда неодинаково. Так, В. Гимпельсон разделяет совокупность таких сигналов на два типа: истинные и ложные [4]. Исследуя современные проблемы трудодефицитности по отдельным профессиям, этот автор приходит к выводу, что длительно незанятые, непривлекательные для населения рабочие места являются, по сути, ложными сигналами рынка труда.

Считая такой подход правомерным, мы выделили группу характеристик рабочего места, которые выступают в качестве условного «водораздела», формируя сегменты с истинными и ложными сигналами. К наиболее значимым параметрам исследуемых сегментов рынка труда относятся прежде всего экономический и социальный потенциал рабочего места (уровень заработной платы, наличие и полнота социальных гарантий и социального обеспечения в будущем), его стабильность, перспективы профессионального роста, перспективная потребность в рабочей силе. Мы исходим из того, что существующая система рабочих мест, ее качественные и количественные характеристики (различия по формам собственности, огромная по масштабам дифференциация в заработной плате и доходах, различия по совокупности материальных и моральных благ, в потенциальных возможностях доступа к ним и т.д.) играют большую роль в формировании тех или иных моделей поведения. Значительная часть неопределенности в поведении субъектов рынка труда обусловлена именно неопределенностью развития реального сектора экономики (а значит, и неопределенностью развития рабочих мест) в ближайшей и среднесрочной перспективе.

Подобная ситуация трансформирует складывающиеся модели поведения, усиливая такую характеристику рабочей силы, как профессиональная и отраслевая мобильность.

В представленной здесь схеме заложена гипотеза о влиянии типа сигналов рынка труда на формирование и устойчивость тех или иных моде-

Механизм и факторы формирования моделей поведения молодежи в системе профессионального образования и на рынке труда

лей поведения индивида и социальной группы. Отрасли экономики (1) заявляют потребность в рабочей силе, рынок труда (2) в части спроса на труд (3). Количественные параметры описанных характеристик рабочих мест, их максимальные и минимальные значения являются решающими при отнесении рабочего места к тому или иному сегменту (4, 5). Так, у нестабильного рабочего места с низким «потолком» заработной платы, отсутствием перспектив профессионального роста гораздо больше шансов попасть в сегмент «–», и наоборот. Информация о качестве рабочих мест на рынке труда оказывает непосредственное влияние на блок (8), поскольку социально-экономическое положение населения напрямую зависит от доходности рабочего места. Оценка и последующий выбор рабочего места работником осуществляются именно путем явного или неявного сопоставления его основных параметров с представлениями этого работника о «хорошем» или «подходящем» рабочем месте.

Социокультурные факторы (6) и социально-экономические условия жизни населения (8) формируют спрос населения на профессиональное образование (7). При этом в блоке (8) уже заложена первоначальная информация о состоянии экономики, рынка труда, о престижности и доходности тех или иных профессий и т.д., полученная в результате повседневных наблюдений, сравнения уровня и качества жизни различных социальных групп, успешности и неуспешности отдельных трудовых карьер. До выбора индивидом определенной профессии факторы блока (8) еще не оказывают решающего влияния, поэтому модели поведения носят неустойчивый характер, поскольку на этой стадии на них влияют в основном факторы блока (6).

При выборе индивидами будущей профессии и их вступлении в систему профессионального образования отсутствие изменений в состоянии экономики и на рынке труда повышает устойчивость моделей поведения, наличие же изменений, соответственно, понижает их устойчивость. После выбора профессии факторы блока (8) оказывают постоянное влияние на индивида, корректируя и уточняя его первоначальный выбор. Степень влияния социокультурных факторов на этой стадии начинает относительно ослабевать. В процессе получения профессионального образования модель поведения становится более устойчивой, приобретает определенную жесткость именно под влиянием факторов блока (8). Таким образом, по мере взросления и социализации поведение молодежи становится все более развитым, основанным на все более просчитанных оценках как своего потенциала, так и возможностей рынка труда реализовать этот потенциал.

Система профессионального образования (9) адекватно реагирует на спрос, предоставляя разнообразие своих услуг, формируя на «выходе» предложение труда (10).

Выходя на рынок труда, индивид адаптирует полученное профессиональное образование таким образом, чтобы попасть в сегмент рынка труда (в части спроса на труд) с истинными сигналами. Для этого он готов даже отказаться от приобретенной профессии, пренебречь личным комфортом и удобствами, согласиться на напряженные условия труда. Модель поведения становится более жесткой для достижения поставленной цели.

Относительная привлекательность тех или иных сегментов рынка труда определяется не их потенциальной емкостью (числом рабочих мест), а дифференциацией их качественных характеристик. Система же профессионального образования, ориентируясь на спрос населения, выпускает определенные количественные потоки. Следовательно, стремление индивида попасть в сегмент с истинными сигналами (привлекательными характеристиками) приводит (при расхождении между количеством рабочих мест и численностью выпускников) к заметной конкуренции в таких сегментах и образованию «пустых» зон в других сегментах (с ложными сигналами). Становится очевидным, что система профессионального образования играет роль обслуживающую, а не формирующую спрос населения на определенные профессии.

Заметим, что на практике существует много ситуаций, которые не вполне укладываются в предложенную схему. Так, нередко молодые работники занимают относительно непрестижные, малооплачиваемые рабочие места, демонстрируя при этом высокую трудовую мотивацию. Определяющим в моделях поведения этих работников выступает либо потребность в труде как приоритетная жизненная ценность, либо его высокая содержательно-предметная значимость. Здесь налицо влияние факторов блока (6). Выше мы отмечали, что влияние этих факторов может ослабевать, но оно никогда не утрачивается окончательно. В связи с этим анализ моделей поведения на рынке труда проводился нами исходя из представления о сочетании в деятельности индивида рыночных и нерыночных мотивов.

Спрос на номенклатуру профессий существенно изменился, но это не нашло адекватного отражения в структуре подготовки кадров в системе профобразования: вузы по-прежнему учат тому, чему они привыкли учить или чему они умеют учить. Почему же вузам удастся заполнить те учебные места, где обучают по профессиям, не востребованным на рынке труда? Потому что это бесплатно и часто без вступительных экзаменов (по дого-

вору со школой). Имея любое высшее образование, потом можно закончить кратковременные курсы по востребованной профессии. Как нам представляется, такая причудливая реакция обусловлена своеобразной конституцией системы образования, и без ее изменения трудно ожидать изменения в наблюдаемой реакции. Если бы все студенты платили свои (персонифицированные) деньги, то они бы себя так не вели.

В подтверждение данного тезиса можно упомянуть достаточно типичную в современных условиях ситуацию небольшого города (поселка), где, например, есть один филиал вуза и несколько учебных заведений более низкой ступени профессионального образования. Определенная часть молодежи, ориентированной на высшее образование, вопреки низкой востребованности той или иной профессии на рынке труда или вопреки личным планам на получение интересной профессии, тем не менее, будет довольствоваться существующим предложением образовательных услуг.

Такая ситуация приводит к девальвации профессионального образования, прежде всего в его предметно-профессиональной части. Эту точку зрения разделяет Е.Ф. Сабуров, считая, что «система высших образовательных учреждений в целом не смогла принять и даже осмыслить данный вызов рынка труда. Это повлекло возникновение разнообразных форм внесистемного профессионального образования. Их востребованность на рынке такова, что, по утверждению одного из успешных образовательных бизнесменов, рентабельность этих учреждений приближается к рентабельности нефтяных компаний» [5].

Модели трудового поведения (в зависимости от силы влияния тех или иных факторов, степени сформированности нормо-ценностных установок) различаются по степени устойчивости (определенности). Всего нами было выделено три типа моделей поведения по основанию «система целей и ориентаций в сфере труда»: жесткая, полужесткая и неустойчивая. Разновидностью жесткой модели поведения является резистентная модель.

Каждую из этих моделей представляет определенная социальная группа молодежи. Для анализа процессов в сфере взаимодействия системы образования и рынка труда необходимо проследить формирование выявленных типов моделей поведения от момента выбора профессии школьником до начала трудовой деятельности у молодого работника.

Слабо выраженные, находящиеся еще на начальной стадии формирования нормо-ценностные установки в сфере труда определяют **неустойчивую модель поведения**. Это четко прослеживается при анализе профес-

сиональных ориентаций, например, школьников. Данные социологических обследований³ свидетельствуют, что среди школьников резко повысилась доля не выбравших никакой профессии. На открытый вопрос анкеты: «Если ты уже решил, какую профессию (специальность) хотел бы получить, то укажи ее» – ответ «Пока не решил» дали 36% выпускников основной школы и 24% выпускников полной средней школы в 1990 г. и соответственно 50 и 35% в 2000 г. (данные по взвешенному массиву старшеклассников, опрошенных в Новосибирской области; в 1990 г. – 1680 чел., в 2000 г. – 2200 чел.). При этом неопределенность в отношении профессии у многих сочеталась с вполне определенными планами поступления в вуз. В этой ситуации выбор профессии скорее всего делается под влиянием факторов, не имеющих отношения к трудовой мотивации, что вряд ли будет способствовать высокой мотивации в процессе обучения и желанию в дальнейшем работать по полученной специальности.

Отметим, что большая группа школьников, не определившихся с выбором профессии, представляет собой благодатную почву для грамотно построенной профориентационной работы. Между тем сегодня в такой работе не учитываются реальные потребности экономики в рабочей силе. Преадаптирующее освоение «мира труда» не обеспечивается сейчас ни одним существующим институтом вторичной социализации. Профессиональное обучение в школе (особенно в городской) фактически утратило свое профориентационное значение, превратившись, по сути дела, в дополнительные занятия для углубленного изучения предметов [6]. Полу-

---

³ Использованы материалы обследований учащейся и работающей молодежи, полученные авторами статьи в рамках работы по проекту РГНФ № 01-03-67001а/г. В 2001 г. было проведено социологическое обследование учащихся и студентов выпускных курсов профессиональных учебных заведений Новосибирской области (опрошено 2470 чел.). В 2002 г. осуществлено социологическое обследование молодых безработных в Новосибирске и районах области (опрошено 760 молодых безработных, получивших стационарное профессиональное образование). Помимо анкетного социологического опроса были проведены интервью со специалистами службы занятости по вопросам трудоустройства молодежи и ее положения на рынке труда. В 2003 г. выполнено социологическое обследование «Трудовая карьера молодежи» (опрошено 860 молодых работников, имеющих стационарное профессиональное образование, на 95 предприятиях и в организациях в Новосибирске и Новосибирской области). Кроме того, для изучения и эмпирического измерения изменений, происходящих в профессиональной ориентации выпускников общеобразовательных школ, используется сопоставимая база социологических обследований, проведенных ИЗОПП СО РАН в 1990, 1996 и 2000 гг.

ченные нами данные показывают прямую зависимость между обоснованностью выбора профессии и привлекательностью процесса обучения по ней. В числе тех, кто случайно выбрал профессию, в 2 раза выше доля тех, кому учиться по ней не нравится.

Полужесткие модели поведения (в процессе формирования) демонстрируют студенты и учащиеся профессиональных учебных заведений. Это вполне объяснимо, так как после обучения становятся актуальными возможность трудоустройства в рамках выбранной профессии, выбор конкретного места работы, размер заработка, возможность профессионального роста и карьеры и т.д.

Остановимся более подробно на моделях поведения молодежи, уже получившей профессиональное образование.

Жесткую модель поведения демонстрируют молодые работники, включаясь в производственную деятельность. Степень жесткости зависит от сформировавшейся структуры потребностей, выраженной трудовой мотивации («определившие, что им нужно»). От возможности реализации своих устремлений в сфере труда зависит закрепление работника на производстве, его удовлетворенность трудом.

Резистентную модель поведения (разновидность жесткой) зачастую демонстрируют молодые безработные. Анализ этой модели поведения, которую условно можно назвать «определившие, чего им не надо» показывает, что здесь имеют место самые значительные затраты со стороны общества и достаточно слабый эффект. Следует сказать, что усилия органов управления, занимающихся кадровым обеспечением, в последние годы в основном сводились к переобучению безработных. Переобучившиеся же даже в том случае, если находят работу по специальности, плохо закрепляются на новом рабочем месте, снова становясь безработными. Так, по ЦЗН Чановского района Новосибирской области в первом полугодии 2005 г. из 63 чел., направленных на профобучение, закончили эти курсы 62 чел., все они трудоустроились, но только 11 чел. закрепились на рабочем месте (проработали три месяца и более)⁴. Не способствуют трудоустройству и экзотические порой профессии, предлагаемые безработным для переобучения, такие, например, как профессии скорняка, кружевницы, ткачихи gobелена, плетельщика из лозы и др. [7].

---

⁴ См. Рабочие материалы «Безработные граждане, направляемые на профессиональное обучение ГУ ЦЗН Чановский за январь–июнь 2005 г. (Форма 2-ПО полугодовая)».

В рамках названных моделей выявляются различия по следующим основаниям: 1) мотивация поиска работы и трудоустройства (преимущественно рыночная; смешанная; преимущественно нерыночная); 2) стратегия достижения целей (активная; смешанная; пассивная); 3) способы реагирования на обстоятельства, возникающие в процессе поиска работы и в процессе первичной адаптации к работе (активная гибкая / активная жесткая; пассивная гибкая / пассивная жесткая; смешанная). При наличии соответствующих исследовательских задач возможно также отслеживать различия и по многим другим основаниям.

В числе задач исследования было изучение групп молодежи с профессиональным образованием разного уровня. Среди опрошенных молодых безработных и работников были выделены четыре группы: 1) выпускники вуза (имеется законченное высшее образование); 2) выпускники ССУЗа (наиболее высокое образование в этой группе – законченное среднее профессиональное); 3) выпускники ПУ (наиболее высокое образование в этой группе – законченное начальное профессиональное); 4) прочие (наиболее высокое образование в этой группе – профессиональные курсы; сюда же включены обучавшиеся / обучающиеся на курсах предприятий, на курсах от службы занятости, на рабочем месте с наставником, а также не имеющие никакого профессионального образования, но обучающиеся на момент опроса в профессиональных учебных заведениях любого уровня – вузах, ССУЗах, ПУ).

В составе безработных наибольшую группу составили выпускники ССУЗа (36%), наименьшую – выпускники вуза (19%). Остальные две группы были примерно равными по численности: выпускники ПУ – 24%, выпускники курсов и все остальные впервые обучающиеся – 22%.

Из всех безработных выпускники вуза выделяются наиболее активной стратегией поведения. Во-первых, у них самый маленький срок пребывания в состоянии безработицы (табл. 1). Во-вторых, их действия по поиску работы носят целенаправленный характер, они не только ожидают предложений от службы занятости, но и сами проявляют высокую активность, подкрепленную рядом персональных преимуществ (высокими коммуникативными качествами, владением дополнительными профессиональными навыками, востребованными со стороны работодателей, и др.). При этом их притязания в отношении будущей работы носят вполне обоснованный характер с учетом имеющихся у них возможностей. В-третьих, среди всех групп безработных именно молодые

Таблица 1

**Социологические показатели трудового и образовательного поведения
молодых безработных в Новосибирской области в 2002 г.**

Показатель	Число опрошен- ных, всего	В т.ч. выпускники			
		вузов	ССУЗов	ПУ	Прочие
Средние значения					
Число учебных заведений (УЗ) в обра- зовательной биографии*	1,43	1,54	1,77	1,44	0,87
Число мест работы	0,96	0,95	1,00	0,97	0,91
Срок безработицы, лет	0,86	0,59	0,84	1,00	1,00
Число дополнительных профессий (помимо полученных в УЗ)	0,56	0,46	0,64	0,59	0,49
Возраст, полных лет	22,64	24,28	22,81	22,06	21,71
Относительные показатели (доля ответивших), %					
Ищут работу по специальности (на момент опроса)	49	60	64	48	17
Не имели ни одного места работы до постановки на учет в службе занятости	42	49	40	38	43
Имеют в своей трудовой биографии место работы по специальности	27	36	32	25	17
В состоянии безработицы беспокоит невозможность работать по специ- альности (наряду с другими труд- ностями)	30	53	37	18	13
Нравилось учиться по специальности (по которой получен диплом)	71	68	76	67	Нет свед.
Прошли (проходят) переобучение на курсах по направлению службы занятости	27	18	20	28	44
Учатся в вузах (заочно, в вечерней форме, дистанционно и т.д.)	22	3	42	9	21
Учатся в ССУЗах и ПУ	2	0	0,4	4	5

* В число учебных заведений в образовательной биографии респондента входят вузы, ССУЗы, ПУ, профессиональные курсы, послевузовское образование, курсы повышения квалификации, как законченные, так и те, где он учился на момент опроса.

люди с высшим образованием более всего тяготились теми сторонами безработицы, которые связаны с потерей профессионального статуса, возможной утратой квалификации. Не случайно опрошенные нами в качестве экспертов специалисты служб занятости называли молодых безработных с высшим образованием их случайными клиентами: «Через месяц-другой их здесь не будет»; «Если мы им не найдем подходящую работу, то они найдут ее сами».

Средним уровнем активности в поиске работы отличается группа выпускников ССУЗов. Характерной чертой этой группы является высокая доля обучающихся, главным образом в вузе, где учится в заочной или вечерней формах почти каждый второй (42%). Эта черта накладывает отпечаток на поведение на рынке труда, которое можно назвать двойственным. С одной стороны, представители этой группы дорожат своей профессией (которую получили или получают) и хотели бы по ней работать. С другой стороны, предоставленный им статус безработного для них удобен, поэтому на период учебы они не торопятся с ним расстаться. В отличие от выпускников ПУ и курсов выпускникам ССУЗов приходится конкурировать за рабочие места с людьми, имеющими высшее образование. Для многих такая конкуренция отнюдь не умоуздительная, поскольку у них более богатый опыт как работы, так и потери работы: у каждого третьего (32%) в этой группе (среди имевших ранее работу) увольнение связано с сокращением, трудовым конфликтом или ликвидацией предприятия (против 30% в среднем). Возможно, поэтому у представителей данной группы достаточно взвешенное представление о том, на какую работу они реально могут претендовать. Заметим, что адекватная оценка своих возможностей многих подвигает на то, чтобы повысить через получение высшего образования свои шансы на рынке труда.

Гораздо меньше усилий и, похоже, желания расстаться со статусом безработного проявляют представители третьей и четвертой групп. Парадоксально, что именно эти группы наиболее заинтересованы в переобучении за счет службы занятости. Они гораздо меньше, чем выпускники вузов и ССУЗов, дорожат своей профессией и готовы ее сменить, особенно когда это не требует от них материальных затрат. Несмотря на то что для этих групп (по словам их представителей) гораздо более приемлем вариант «любой подходящей работы», они предпочитают подолгу не сниматься с учета в службе занятости. Между тем именно для безработных с начальным профессиональным образованием или курсовой

подготовкой служба занятости предлагает больше всего вакансий, соответственно получая именно от этих категорий больше всего отказов занять предложенное рабочее место. Данные опроса также показывают, что пожелания безработных из третьей и четвертой групп в отношении будущей работы (в отличие от выпускников вузов и ССУЗов) носят характер завышенных притязаний, не подкрепленных ни личными усилиями по поиску работы, ни достигнутыми возможностями (которые самими представителями данных категорий безработных характеризуются как очень скромные).

По материалам опроса студентов и учащихся системы профессионального образования (Новосибирская область, 2001 г.) была выявлена корреляция между обоснованностью выбора индивидом профессии и такими его характеристиками, как интерес к обучению и намерение в дальнейшем работать по специальности. На материалах опроса молодых безработных и работников удалось показать, что этот фактор и после окончания учебного заведения продолжает влиять на реальное трудовое поведение индивида. Так, те, кому не нравилась профессия в период обучения, демонстрируют пониженную мотивацию к эффективному труду и низкую профессиональную устойчивость (табл. 2).

* * *

Модели поведения социальных групп и структура их потребностей задают своеобразный вектор для формирования базы управленческих решений на уровне субъекта Федерации. Для оценки изменения ситуации в сфере взаимодействия системы образования и рынка труда (оценки уменьшения/увеличения рассогласования) мы предлагаем набор индикаторов состояния рынка труда и сферы образования:

- сокращение числа незанятых рабочих мест по проблемным профессиям, длительно вакантных рабочих мест;
- изменение характера безработицы (смена застойного характера на фрикционный);
- сокращение оборота кадров по отраслям экономики региона;
- снижение доли школьников, не определившихся с выбором профессии; сокращение числа абитуриентов, случайно выбравших профессию; уменьшение отсева из профессиональных учебных заведений;

Таблица 2

Социологические показатели трудового поведения молодых безработных и работников
в зависимости от того, нравилось ли им учиться по специальности (по которой получен диплом)*

Показатель	Выпускники						Весь массив	
	вузов		ССУЗов		ПУ			
	Нрави- лось	Нет	Нрави- лось	Нет	Нрави- лось	Нет	Нрави- лось	Нет
Ищут работу по специальности (на момент опроса), % Средний срок безработицы, лет Не имели ни одного места работы до постановки на учет в службе занятости, %	73	35	73	39	59	23	69	32
	0,52	0,76	0,84	0,87	0,96	1,10	0,80	0,92
	54	41	41	39	47	20	46	33
	32	45	35	20	27	21	32	27
Имеют в своей трудовой биографии место работы по специальности, %	Работники							
	59	36	45	27	53	26	53	30
	36	46	31	66	34	50	34	54
	84	70	75	66	74	41	78	60
Считают, что на данном предприятии (в организации) смогут сделать подходящую для себя карьеру (да + частично да), %	64	59	56	46	47	27	57	45
	4188,11	3691,10	3285,90	3520,71	3269,24	3332,14	3658,85	3507,39
	Средний размер зарплаты (за последний месяц), руб.							

* В столбцах, где приведены ответы «Нет» дана сумма ответов «Не нравилось» и «Не очень нравилось».

- снижение среднего возраста работников в проблемных сегментах экономики;
- опережающие темпы роста заработной платы по сравнению с прожиточным минимумом;
- изменение структуры приема-выпуска в вузах и ССУЗах;
- изменение структуры профильных классов в общеобразовательных школах – приближение ее к отраслевому разнообразию профессий.

Литература

1. **Нешадин А.** Экономический рост и кадровый потенциал России // Вопросы экономики. – 2000. – № 7.
2. **Гимпельсон В.** Дефицит квалификации и навыков на рынке труда // Вопросы экономики. – 2004. – № 3.
3. **Зборовский Г.Е., Шуклина Е.А.** Профессиональное образование и рынок труда // Социологические исследования. – 2003. – № 4.
4. **Шереги Ф.Э., Дмитриев Н.М., Арефьев А.Л.** Научно-педагогический потенциал и экспорт образовательных услуг российских вузов. – М.: Центр соц. прогнозирования, 2002.
5. **Сабуров Е.Ф.** Экономика образования и проблема выбора в условиях рыхлых упорядочений // Общественные науки и современность. – 2004. – № 6.
6. **Арсентьева Н.М., Бусыгин В.П., Харченко И.И.** Модели поведения молодежи в сфере образования и на рынке труда и управленческие практики по их согласованию // Экономическое развитие России: региональный и отраслевой аспекты. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2004. – Вып. 5.
7. **Рынок труда г. Новосибирска в 1991–1998 годах: Статистический обзор** / Новосибирский городской ОЗН. – Новосибирск, 1999.

© Арсентьева Н.М., Бусыгин В.П., Харченко И.И., 2006

ФОРМИРОВАНИЕ КОНКУРЕНТНЫХ ПРЕИМУЩЕСТВ РЕГИОНОВ

А.И. Татаркин

Наиболее важным источником экономического развития Уральского федерального округа (УрФО) остается хозяйственная деятельность предприятий промышленности. Именно промышленность формирует до 90% финансового результата хозяйственного комплекса региона. Вместе с тем на его развитие продолжают оказывать негативное влияние ряд обстоятельств, среди которых выделим отсутствие конкурентных преимуществ у всех участников экономической деятельности.

Для большинства регионов, входящих в состав УрФО, так же как для Российской Федерации в целом, структурная деформация была характерна еще в советский период. Однако в ходе экономических реформ произошло дальнейшее утяжеление структуры промышленности при одновременной деиндустриализации экономики и снижении доли потребительского сектора [1, 2]. Если по России, к примеру, доля потребительского сектора составляет в структуре промышленности около 20%, то по УрФО – 2,5–3,5%. Отмеченные особенности предопределяют необходимость не только преодоления спада производства и обеспечения устойчивого экономического роста, существенного улучшения качества жизни населения, но и восстановления единства воспроизводственного процесса, осуществления структурной перестройки и формирования на этой основе конкурентоспособной промышленности, которая будет опираться на современные технологические уклады и базовые отрасли которой будут иметь социальную ориентацию¹. Для выполнения этой задачи необходимо разработать стратегию промышленного развития всего Урала, базирующуюся на прогрессивных тенденциях экономического развития, эффективном использовании имеющихся конкурентных преимуществ

---

¹ Академик Н.П. Федоренко считает, что современное российское общество должно представлять «социально-ориентированную экономическую систему современного рыночного типа, которая учитывает и приспособлена к специфике национальных условий России» [3, с. 394].

региона и хозяйствующих субъектов, цивилизованном партнерстве государства, науки и бизнеса. Такая стратегия может быть реализована в рамках государственной промышленной политики, разрабатываемой с учетом особенностей развития субъектов Федерации, составляющих макро-регион Урал, и учитывающей первостепенную значимость решения социальных проблем.

Естественным конкурентным преимуществом экономики УрФО и основным источником поступления валюты для страны остается нефтегазовый комплекс региона (север Западной Сибири – Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский национальные округа). Насколько нефтегазовый комплекс будет располагать такими возможностями в будущем, можно судить по тенденциям, которые не могут не тревожить ни представителей властных структур, ни ученых, ни самих производителей².

Среди множества исследуемых в литературе тенденций выделим две, наиболее значимые для нашего анализа. Первая состоит в том, что происходит смещение нефте- и газодобычи из Западной Сибири в Восточную Сибирь, на Дальний Восток и шельф морей Северного Ледовитого океана, что существенно увеличивает затраты на добычу и транспортировку добываемого сырья и ограничивает конкурентоспособность регионов УрФО. Вторая тенденция заключается в том, что продолжают оставаться неопределенными перспективные объемы добычи и экспорта нефти и газа в России. По оценкам специалистов бывшего Минтопэнерго, к 2010 г. добыча нефти должна сократиться до 144 млн т при внутренних потребностях в 200 млн т, что грозит не только утратой Россией ее экспортных позиций, но и обострением внутреннего дефицита. По самым оптимистическим оценкам, принятым в Энергетической стратегии России до 2020 года, добыча нефти в 2010 г. ожидается на уровне 335 млн т, что только на 12 млн т превысит уровень 2000 г.

Все это обрекает экономику УрФО, всего Урала и Российской Федерации в целом на неустойчивую динамику развития, нестабильность экспортных доходов. В среднесрочной перспективе возможности экспорта могут ограничиваться исчерпанием экспортных квот. Более того, положение в нефтедобыче осложняется низкими темпами геолого-разведочных работ по приросту запасов нефти и природного газа, что грозит простым нефте- и газопроводов, в которые вложены огромные средства (к примеру, «Ямал – Евро» и «Голубой поток»).

---

² Более подробно эти тенденции исследованы нами в работе [4].

Немало проблем имеется в машиностроении, металлургическом и оборонно-промышленном комплексах Урала, что придает особую актуальность сохранению и развитию имеющихся конкурентных преимуществ региона.

Категория «конкурентные преимущества» в экономической литературе до настоящего времени используется в основном применительно к продукции либо к фирме. Между тем территориальное образование, обладающее статусом хозяйственного комплекса, может быть охарактеризовано с позиций его конкурентоспособности на рынке (межрегиональном, национальном и мировом). Методология исследования проблемы предполагает ответы как минимум на три вопроса:

- в какой степени выявлены и специфицированы к условиям УрФО и его базовых отраслей имеющиеся конкурентные преимущества?
- в какой степени эти преимущества используются предприятиями базовых отраслей на межрегиональном и мировом рынках?
- насколько полно и эффективно используются предприятиями базовых отраслей округа конкурентные преимущества на каждом уровне рынка?

Ответы на эти вопросы, как и само исследование проблемы конкурентных преимуществ региона, приобретают особую актуальность, во-первых, в связи с ожидаемым вступлением России в ВТО и, во-вторых, из-за отсутствия серьезных попыток научно проработать проблему и превратить результаты этой проработки в ориентир для повседневного поведения большинства хозяйственных руководителей.

Конкурентоспособность региона, как и страны в целом, зависит от сравнительных преимуществ, во-первых, данных природой; во-вторых, обусловленных эффективностью функционирования общественно-политической и государственно-правовой систем (наличие эффективной государственной стратегии развития, взаимодействие федеральных и региональных органов власти, управляемость региона, эффективность налоговой и ценовой политики и т.д.); в-третьих, определяемых уровнем развития науки, техники, технологий и организацией использования научно-технических достижений в производственном процессе региона. Иными словами, конкурентоспособность региона напрямую зависит от уровня развития в нем науки и от степени материализации ее результатов в управленческих решениях региональных органов власти и производственном процессе хозяйствующих структур. Кроме того, конкурентоспособность региона

зависит от уровня жизни и состояния доходов его населения, уровня социального обслуживания и развития инфраструктуры, экологического состояния и некоторых других социальных факторов.

По оценкам Мирового экономического форума, расширившего диапазон исследуемых стран с 59 до 75, Россия по глобальному индексу конкурентоспособности заняла 63-е место, по индексу микроконкурентоспособности – 57-е место. Примерно те же оценки Россия получила у экспертов Института развития управления в Лозанне.

Опрос руководителей 250 российских предприятий (23 предприятия – из УрФО), который провел Центр промышленной и инвестиционной политики совместно с Российским экономическим барометром, показал, что из них более 80% (по УрФО – почти 90%) считают свою продукцию конкурентоспособной. Конкурентоспособной эта продукция оказывается на 90% рынков России и стран СНГ. Если брать рынки Западной Европы, то конкурентоспособной свою продукцию считают только 5% руководителей предприятий, а на рынках Северной Европы – не более 3%.

Причина различий в оценках заключается прежде всего в разных подходах к критериям и факторам оценки конкурентоспособности. Международные организации учитывают в первую очередь открытость рынка, качество государственной политики, эффективность финансовой системы, уровень развития технологий, качество управления, уровень научных исследований и разработок. По этим субиндексам эксперты международных организаций ставят Россию даже ниже 63-й позиции, а по кредитному рейтингу – на 68-е место, по развитию финансового сектора – на 70-е и по роли инноваций в экономическом росте – на 71-е место.

Опрос руководителей российских предприятий относительно того, какие факторы мешают повышению конкурентоспособности их продукции, показал, что основным из таких факторов респонденты считают наличие старого оборудования и затем – нехватку финансовых ресурсов. А вот таким факторам, как ограниченные масштабы НИОКР, неэффективный менеджмент или низкая квалификация работников предприятий, практически не уделяется должного внимания. Из 11 учитывавшихся в мировой практике факторов эти факторы заняли три последних места. Если сравнивать опросы руководителей предприятий, проводившиеся в начале 90-х годов и в 2002–2004 гг., то выясняется, что в менталитете руководителей ничего не изменилось.

Среди представителей научного сообщества принято полагать, что конкурентоспособность региона обусловлена в первую очередь его геогра-

фическим положением и наличием ресурсов. Экскурс в историю экономических исследований также свидетельствует, что анализ рыночного соперничества начинал осуществляться с выявления природно-географических преимуществ конкурента³.

В качестве объекта политико-экономического анализа территориального аспекта наличия или отсутствия конкурентных преимуществ предполагалась страна. Отечественные авторы В. Андрианов, Ю. Куренков, В. Попов, И. Пилипенко и др., изучающие проблемы конкурентоспособности в последние годы, также отдают предпочтение макроуровню исследований. Конкурентоспособность региона как предмет экономического анализа введена в научный оборот сравнительно недавно (см., например, [4–6]).

Конкурентные преимущества регионов нельзя сводить только к их выгодному расположению и наличию полезных ископаемых. Исследуя конкурентные преимущества стран, М. Портер подчеркивает: «...Национальное производство не вырастает из природных ресурсов, имеющейся рабочей силы, процентных ставок или покупательной силы национальной валюты, как это настойчиво утверждается в классической экономике. Конкурентоспособность конкретной нации зависит от способности ее промышленности вводить новшества и модернизироваться» [7, с. 162]⁴.

Выявление особенностей развития субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, учет этих особенностей и их использование при формировании региональной экономической политики на стратегическую перспективу представляются крайне актуальными. Институт экономики (ИЭ) УрО РАН в конце 80-х – начале 90-х годов одним из первых в стране обратился к выявлению региональных возможностей создания условий для экономического роста в рамках исследования проблемы территориального хозрасчета. Если в теории регионального воспроизводственного процесса различные тенденции и явления обычно рассматриваются в масштабах крупного экономического

---

³ Например, в теореме Хекшера – Олина, как и в теориях ее опровергающих (к примеру, парадокс Леонтьева), указывалось на присущие отдельным странам исторические и географические преимущества, которыми они могут пользоваться в международной торговле.

⁴ В.М. Полтерович, развивая эту мысль, пишет: «...Правила взаимодействия людей и организаций в различных сферах политической, социальной и экономической жизни усложнились и требуют постоянных изменений в соответствии с быстро меняющимися условиями» [8, с. 43].

района, то в данном случае за основу анализа был взят областной уровень. Уже на этом этапе исследований переход Свердловской области на хозяйственный расчет увязывался с возможностями территориального производственного комплекса и имеющимися природными, финансовыми и трудовыми ресурсами, т.е. фактически с конкурентными преимуществами. Только кризис, охвативший тогда все сферы жизни страны, не позволил продолжить работу в данном направлении. Во второй половине 90-х годов ИЭ УрО РАН выступил инициатором разработки проблем обеспечения экономической безопасности регионов и Российской Федерации в целом. В рамках проводимых исследований был выявлен ряд показателей, позволяющих говорить о наличии или отсутствии у того или иного субъекта Федерации конкурентных параметров. Были изданы научные работы, в которых раскрывались возможности и конкурентные преимущества Уральского региона в условиях переходной экономики.

Повышение конкурентоспособности российской экономики как приоритетная задача общества было впервые указано в президентском послании Федеральному собранию РФ в 1999 г. В проекте Основных направлений социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочную перспективу (2001 г.) в качестве основной проблемы названа проблема конкурентоспособности. Повышение конкурентоспособности наряду с ускоренной диверсификацией экономики стоит в центре Программы социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2003–2005 годы). Существенным отличием названной программы мы считаем предусматриваемый механизм повышения конкурентоспособности экономики России. Она должна повышаться, во-первых, за счет роста конкурентоспособности государственного управления; во-вторых, за счет увеличения конкурентоспособности бизнеса; в-третьих, за счет роста конкурентоспособности человеческого капитала; в-четвертых, за счет активного привлечения науки к процессам повышения конкурентоспособности.

В современной экономической ситуации государство уделяет все больше внимания созданию благоприятных организационно-правовых, политико-экономических и иных условий для устойчивого формирования у руководителей знаний [9], необходимых для эффективного хозяйствования. Принципиально важными становятся роль правительства и его политическая позиция. «Ведущая к успеху политика правительства, – отмечает М. Портер, – это та политика, которая создает среду, в которой компании

могут достигать конкурентных преимуществ, а не та, при которой правительство непосредственно вовлекается в сам процесс» [7, с. 194–195].

В альманахе, издаваемом ИЭ УрО РАН [10], акцентировано внимание на следующих ресурсах и условиях, формирующих региональный бизнес-климат:

- развитость инфраструктурного комплекса региона;
- состояние окружающей среды;
- качество рабочей силы;
- научно-исследовательский потенциал и степень его реализации в хозяйственной деятельности компаний;
- политика региональных властей в сфере регулирования предпринимательской деятельности.

Эти и ряд других параметров регионального хозяйствования в совокупности и составляют то, что называется региональными конкурентными преимуществами⁵.

Уровень развития инфраструктуры становится одним из решающих условий при выборе региона внешними инвесторами. Москва, к примеру, превратилась в центр аккумуляции отечественного и иностранного капитала благодаря наличию развитой системы коммуникаций, офисного сервиса и других факторов, близких к уровню международных требований. Аналогичную нишу на северо-западе страны занял Санкт-Петербург и к этому же тяготеют другие мегаполисы.

Экологические проблемы в контексте конкурентоспособности региона длительное время не рассматривались. Между тем инвестиционная привлекательность региона напрямую зависит от того, как сочетаются политика в области охраны окружающей среды и политика занятости в интересах рационального использования человеческого ресурса региона и природного фактора.

Наличие в регионе высококвалифицированной рабочей силы не только повышает его инвестиционную привлекательность, но и обеспечивает

---

⁵ Среди имеющихся определений региональных конкурентных преимуществ, выделим следующее: «Региональные конкурентные преимущества – это совокупность природных, социально-экономических, научно-образовательных, технических, информационных, культурных и институциональных условий, сложившихся в регионе, отличающих его от других регионов и определяющих перспективы производства в нем товаров и услуг» [5, с. 6].

возможности для перехода на более высокие технологические уклады, что существенно сказывается на его конкурентных преимуществах. Наиболее перспективным для Уральского региона является не восстановление мощностей в традиционных отраслях, а ускоренное развитие наукоемких отраслей, способных выдвинуть регион на передовые рубежи отечественной и мировой конкурентоспособности. Для реализации данного приоритета, в частности, Уральский федеральный округ располагает необходимым научно-техническим потенциалом. На его территории функционирует около 250 научно-исследовательских организаций, в которых занято более 50 тыс. чел. Их деятельность во многом определяет масштабы и динамику модернизации экономики округа, повышая инновационную и инвестиционную активность предприятий и формируя качественно более современные формы конкурентных преимуществ региона.

От позиции всех ветвей региональных органов власти зависит, будет ли реализация конкурентных преимуществ Уральского федерального округа и всего «Большого Урала» последовательной или ограниченной. Усиливающаяся сырьевая специализация Урала в условиях, когда природная рента не становится общественным достоянием, объективно ведет к увеличению коррумпированности значительной части управленческого аппарата, которая оказывается явно не заинтересованной в структурной трансформации и технической модернизации реального сектора экономики. Эти обстоятельства требуют усиления координирующей роли Полномочного представителя Президента РФ в округе как гаранта реализации региональной экономической политики, направленной на повышение конкурентоспособности УрФО и субъектов Федерации, в него входящих.

Обеспечение финансово-экономической самостоятельности регионов требует разработки управленческих технологий, способствующих формированию и развитию регионального рынка финансов. В плане активизации этих процессов наиболее перспективным представляется создание региональных и муниципальных кредитно-финансовых институтов, берущих на себя решение ряда проблем того или иного территориального образования.

Государство призвано играть определяющую роль в обеспечении условий для поддержания режима свободной конкуренции между регионами и территориями. Принцип экономического либерализма, основанный на невмешательстве государства в хозяйственную деятельность субъектов рынка, был провозглашен еще в эпоху первоначального накопления капи-

тала, однако на протяжении ряда столетий он существовал не более чем как лозунг. В той или иной мере государство всегда осуществляло регулирующее воздействие как на отдельные сектора и отрасли экономики, так и на национальную экономику в целом.

В России на нынешнем этапе рыночного реформирования преобладает тенденция относительной стабилизации социально-экономического развития территории всей страны и большинства ее регионов. При этом очевидной становится и усиливающаяся межрегиональная и межтерриториальная интеграция. Однако межрегиональная конкуренция, по большому счету, пока не стала объектом специального государственного регулирования, а отдельные шаги, предпринимаемые в этом направлении, лишь подчеркивают важность данной проблемы.

Как показывают исследования, Россия крайне нуждается в системе мер по формированию конкурентных преимуществ на разных уровнях хозяйствования и управления. Прежде всего следует определиться с государственной стратегией общественного развития в совокупности всех ее необходимых элементов: миссии, цели, задач, отраслевых и региональных приоритетов, механизмов их реализации и др. Научной основой реализации стратегии должна стать научно-техническая стратегия, объектом регулирования которой будут наряду с техникой и технологией социально-экономические процессы во всем многообразии их отраслевых и региональных проявлений.

Научно-технические источники конкурентных преимуществ имеют некоторые особенности, обусловленные переходным характером экономики. Первая особенность видится в том, что для достижения стабильного экономического роста принципиально важным становится расширение источников конкурентных преимуществ, особенно за счет инноваций⁶ и интеллектуализации бизнеса. Академик В.Л. Макаров убедительно пока-

---

⁶ Под инновацией нами понимается результат творческой деятельности по созданию, освоению и распространению новых и усовершенствованных видов продукции (товаров, услуг), технологий, сырья и материалов, методов организации производства и управления. Подобное расширенное толкование инноваций по сравнению с официальной статистикой, учитывающей в основном наиболее существенные инновации, обусловлено необходимостью исследовать весь комплекс научно-технических и организационно-технологических мероприятий, осуществляемых в регионе предприятиями и организациями в целях совершенствования производства и повышения конкурентоспособности производимой продукции.

зал, как на смену индустриальной экономике, базирующейся на использовании природных ресурсов, приходит экономика, основанная на знаниях, значительном расширении спроса на инновационные решения [9, 11]. Не случайно в большинстве развитых стран мира любое конкурентное преимущество достигается в последние годы за счет знаний, умений и инновационных решений (по разным оценкам – от 50 до 93%).

Наука все заметнее инициирует общественный прогресс в различных его проявлениях, одновременно формируя потенциал знаний. Представляется возможным утверждать, что начало XXI в. будет характеризоваться качественно новым этапом превращения науки в непосредственную производительную силу. Сегодня мы переживаем коренной перелом в оценках значимости и перспектив научных исследований и разработок.

Ставка на инновации в конкурентной борьбе представляется более перспективной для хозяйственных руководителей, нежели концентрация внимания на решении других вопросов функционирования предприятий. Не случайно такие компании, как IBM, «Toshiba», «Intel», «Hitachi» и др., в качестве приоритетной определили стратегию усиления конкурентоспособности за счет лидерства в получении наибольшего числа патентов в сфере наукоемких технологий. К сожалению, подобных примеров среди российских компаний крайне мало, и во многом это предопределено мизерными расходами федерального бюджета на науку (устойчиво менее 2%). В результате инновационная деятельность не стала тем локомотивом, который позволит России выйти в ближайшие годы в число мировых лидеров по конкурентоспособности товаров и услуг.

Проведенные в России опросы⁷ подтверждают общую тенденцию к снижению инновационной активности в промышленности большинства регионов. Масштабы инновационной деятельности сокращаются практически во всех отраслях и регионах. В целом более высокая инновационная активность характерна для крупных промышленных предприятий, обла-

---

⁷ Выборочные обследования проводились в сентябре 2002 г. и марте 2003 г. Центром экономической конъюнктуры при Правительстве РФ совместно с территориальными комитетами государственной статистики. В опросах участвовали руководящие работники экономических и социальных ведомств субъектов Федерации, а также свыше 800 руководителей предприятий 11 отраслей промышленности, из которых около 50% осуществляют те или иные виды инновационной деятельности, т.е. являются инновационно активными.

дающих научно-техническим потенциалом. Более 30% руководителей предприятий не видят необходимости осуществлять инновации по причине отсутствия серьезной конкуренции. Более 60% руководителей объясняют инновационную пассивность своих предприятий наличием трудностей внешнего характера.

Весьма скромно уровень инновационной активности хозяйствующих субъектов оценивают и руководители регионов. Всего по России как высокий его оценивают немногим более 3% респондентов, как невысокий – каждый второй и как низкий – каждый пятый из опрошенных. Причины подобного состояния руководители регионов объясняют ограниченностью финансовых средств, низким качеством менеджмента на предприятиях, потерей значительной части квалифицированных научных и инженерно-технических кадров, отсутствием инновационно активной политики федерального центра и т.д. Не случайно только 10% респондентов в федеральных округах (в УрФО – 9,3%), назвали уровень инновационной активности высоким. К примеру, до сих пор практически не стимулируются государством инновационные проекты, ориентированные на поддержку конкурентной борьбы, вести которую отечественным производителям становится все труднее. Между тем зарубежные страны доказали способность хозяйствующих субъектов успешно вести конкурентную борьбу за счет интеграции усилий властных структур, науки и бизнеса (см., например, [12]).

Медленно формируется оптимальная структура источников финансирования инновационной деятельности на предприятиях регионов России. Более 90% инновационных проектов предприятия финансируют за счет собственных доходов. Участие государства в финансировании НИОКР и внедрении их результатов ограничивается 6–9% и имеет тенденцию к сокращению. Сведены практически на нет налоговые и иные льготы для предприятий, реализующих инновационные проекты. Кредиты банков на инновационную деятельность хотя и растут, но пока не стали доступными для большинства предприятий, осуществляющих этот вид деятельности.

Обследование показывает, что наиболее существенным результатом инновационной деятельности руководители предприятий и регионов считают освоение новых видов товаров и услуг (до 90% опрошенных) вне всякой связи с конкурентными позициями. Из этого можно сделать два вывода: во-первых, у большинства хозяйственных руководителей отсутствует четкое представление о конкурентных преимуще-

ствах и конкуренции как важнейшем институте рыночных отношений; во-вторых, конкурентные преимущества, достигаемые за счет освоения новых видов товаров, весьма уязвимы, кратковременны и проявляются главным образом на внутреннем рынке, если не сопровождаются ростом объема продаж, снижением себестоимости и увеличением прибыли. Более того, сказанное свидетельствует о весьма ограниченном влиянии инновационных процессов на улучшение всего комплекса социально-экономической деятельности предприятий, регионов и общества в целом.

Предприятия имеют ограниченные возможности и в плане повышения конкурентоспособности за счет сокращения издержек производства посредством использования нововведений, особенно в области экономии энергоресурсов, рационального использования сырья и материалов, оптимизации трудозатрат. Складывающаяся ситуация обусловлена не только ростом затрат в связи с повышением цен и тарифов на энергоносители, но и понижающейся инновационной активностью самих предприятий региона.

Менее 10% предприятий (в УрФО – 8%) улучшают показатели инновационной деятельности совместно с зарубежными партнерами, осуществляющими работы по созданию и внедрению новых технологий, машин и приборов. Удельный вес таких предприятий, получивших доступ к новым технологиям зарубежных партнеров, и того меньше – около 3%, а предприятий, освоивших новые рынки сбыта – менее 5%.

Среди факторов, сдерживающих инновационную деятельность, по мнению большинства руководителей региона и расположенных здесь предприятий практически всех отраслей, по-прежнему остаются финансовые и организационно-правовые проблемы: недостаток собственных финансовых средств, антирыночные условия кредитования, ограниченность инвестиций, а также несовершенство законодательства в части гарантии инвесторам, правового урегулирования отношений по поводу интеллектуальной собственности, неурегулированность взаимоотношений предприятий с научными организациями и венчурными структурами.

Вместе с тем большинство руководителей не без оснований считают мощным импульсом для формирования конкурентных преимуществ инновационного характера заметно активизировавшийся в последние годы процесс слияний и поглощений предприятий. За всплеском этих процес-

сов скрыта борьба корпораций за выживание в условиях усиливающейся конкуренции.

Структура научно-технического потенциала Уральского федерального округа позволяет обеспечить во входящих в его состав субъектах Федерации эффективное решение большинства накопившихся технологических проблем, связанных с модернизацией производства, повышением степени переработки добываемого сырья, защитой окружающей среды и т.д., за счет собственных ресурсов. Однако спрос предприятий на НИОКР крайне низок. Достаточно отметить, что по округу внутренние затраты на исследования и разработки составляют 0,8% от ВРП (в развитых странах они находятся на уровне 2–3%). По данным статистики, в УрФО только у 11% инновационно активных предприятий затраты на инновации составляют 2,5% от объема отгруженной продукции.

Одним из актуальных для УрФО направлений государственной научно-технической политики является создание территорий инновационного развития. В начале 2003 г. Совет по науке и высоким технологиям при Президенте РФ разработал проект концепции политики развития наукоградов как составной части национальной инновационной системы. Работа по созданию таких территорий в округе уже началась. Выделено 10 территорий с высоким научно-техническим потенциалом, у которых есть шансы на формирование на их базе территорий инновационного развития.

Наконец, уровень организации научных исследований (как теоретического, так и прикладного характера) также может выступать в качестве определенного конкурентного преимущества, но только при соблюдении некоторых условий. Одним из них является реальная интеграция власти, науки и производства. Проблема интеграции этих трех сфер общества отнюдь не нова, ее корни уходят в эпоху древнеегипетских фараонов. На протяжении тысячелетий наука обслуживала власть и производство, оставаясь при этом уделом энтузиастов-одиночек либо небольших коллективов единомышленников, находивших приют и пропитание в лоне церкви или при дворе просвещенного монарха. Только промышленная революция превратила ученого в профессионала, а научные исследования – в особую сферу деятельности с регулярным финансированием из различных источников. Научно-техническая революция второй половины XX в. коренным образом изменила характер взаимоотношений между властью, наукой и производством. Автор уверен, что результаты этого тройственного союза по мере дальнейшей адаптации каждого его

участника к рыночным отношениям могут стать грандиозными. А одним из индикаторов этого станет возрастающая конкурентоспособность регионов России в мире.

Литература

1. **Наука** и высокие технологии России на рубеже третьего тысячелетия: социально-экономические аспекты развития / Под. ред. В.Л. Макарова и А.Е. Варшавского. – М.: Наука, 2001.
2. **Татаркин А.И., Важенин С.Г., Берсенов В.Л.** Уральский федеральный округ: от стагнации к повышению конкурентоспособности. – Екатеринбург: Изд-во ИЭ УрО РАН, 2003.
3. **Федоренко Н.П.** Россия: уроки прошлого и лики будущего. – М.: Экономика, 2000.
4. **Конкурентоспособность** региона: новые тенденции и вызовы / Под. ред. А.И. Татаркина. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2003.
5. **Унтура Г.А.** Регион как эпицентр зарождения конкурентоспособности // Регион: экономика и социология. – 2002. – № 1.
6. **Шеховцева Л.С.** Конкурентоспособность региона: факторы и методы сознания // Маркетинг в России и за рубежом. – 2001. – № 4.
7. **Портер М.** Конкуренция: Пер. с англ. – М.: ИД «Вильямс», 2002.
8. **Полтерович В.М.** Стратегии институциональных реформ. – М.: Изд-во ЦЭМИ РАН, 2005.
9. **Макаров В.Л.** Контуры экономики знаний // Экономист. – 2003. – № 3.
10. **Интеграция:** власть, наука, производство. – Екатеринбург, 2003. – Вып. 1.
11. **Макаров В.Л.** Экономика знаний: уроки для России: Доклад на Общем собрании РАН. – М.: Изд-во ЦЭМИ РАН, 2003.
12. **Шонесси Дж.** Конкурентный маркетинг: стратегический подход: Пер. с англ. – СПб.: Питер, 2001.

© Татаркин А.И., 2006

ИЗМЕРЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КЛАСТЕРА ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Л.С. Марков, М.А. Ягольницер

В настоящее время в политических и экономических кругах России все более осознается необходимость инновационного развития отечественной экономики, повышения ее конкурентоспособности. При этом в качестве возможного механизма реализации новой промышленной и научно-технической политики упоминаются экономические кластеры как средства перехода к производственным процессам с большей добавленной стоимостью, к экономике знаний, как средства установления конструктивного диалога между бизнесом и наукой. Возросший интерес к созданию технопарков, бизнес-инкубаторов, инновационно-технологических центров является не чем иным, как частью экономической политики, основывающейся на кластерах, так как создание подобного рода организаций призвано обеспечивать необходимую производственно-технологическую инфраструктуру для доступа предприятий (прежде всего малых) к производственным ресурсам.

Однако заявления о существовании кластеров в российской экономике и о необходимых для их развития мерах, как правило, голословны и не имеют под собой убедительной доказательной базы. Отсутствует информация, позволяющая идентифицировать составляющие кластер объекты, не существует согласованной системы измерителей эффективности их деятельности, требуют доказательства утверждения о влиянии внутренних и внешних параметров на успешность функционирования этой организационной формы производства. В течение 2005 г. нами были предприняты попытки идентификации нескольких кластеров на территории г. Новосибирска и определения факторов, оказывающих влияние на их функционирование. Одним из них являлся кластер информационных технологий (далее – ИТ-кластер).

Отсутствие официальных статистических данных предопределило способы идентификации кластера и сбора необходимой информации. В процессе изучения структуры соответствующего рынка и бесед с пред-

ставителями органов власти и бизнеса была сформирована целевая группа предприятий, образующих ядро кластера, разработана анкета для опроса руководителей высшего звена этих предприятий, которая включала более двухсот пунктов. Перечень вопросов был составлен на базе опыта зарубежных исследователей данного феномена, что позволяет относиться к выводам с определенным доверием в силу неслучайного характера вопросов и теоретических предположений, предшествующих обнаруженным статистическим взаимосвязям.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КЛАСТЕРА

Отсутствие между IT-компаниями свойственной промышленным кластерам четко выраженной технологической цепочки создания добавленной стоимости наряду с явно имеющей место географической концентрацией позволяет охарактеризовать рассматриваемый кластер как региональный. Он образован преимущественно малыми предприятиями, в основном тяготеющими к новосибирскому Академгородку. Основу его составляют интеллектуальный капитал новосибирских вузов и НИИ, а также инфраструктура ННЦ СО РАН.

По этапу жизненного цикла данный кластер можно причислить к развивающимся – в силу наблюдающегося образования формальных и неформальных союзов между фирмами и вовлечения в эти альянсы новых членов. Так, половина принявших участие в опросе компаний входят в ассоциацию «Сибкадемсофт», остальные являются членами других групп IT-компаний и независимыми (не входящими в какие-либо ассоциации) участниками рынка.

Участники IT-кластера в основном задействованы в сфере производства программного обеспечения (92% респондентов), автоматизации (54%), телекоммуникаций (38%) и защиты информации (23%). Преобладающими видами деятельности выступают производство IT-продукта и оказание IT-услуг, их осуществляют соответственно 92 и 69% из числа обследованных фирм. Кроме того, IT-компании оказывают и другие сопутствующие основному производственному процессу бизнес-услуги (консультационные, сертификационные и т.п.), проводят исследования и разработки (по 38%). Чуть меньшее число фирм кластера вовлечено в такие виды деятельности, как дистрибьюторство наукоемкой продукции и сервисное обслуживание (по 31%).

Средний срок существования фирм кластера – 8 лет. Фирмы, участвовавшие в опросе, представлены двумя организационно-правовыми формами, – это общества с ограниченной ответственностью и закрытые акционерные общества. Причем три четверти организаций существуют в форме обществ с ограниченной ответственностью. Около 31% IT-фирм считают себя участниками кластера, 23% – нет. Руководители остальных компаний по той или иной причине (в том числе из-за незнакомства с концепцией кластеров) затруднились дать ответ на вопрос о принадлежности своей компании к нему.

ОЦЕНКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КЛАСТЕРА

Изучаемые в ходе работы факторы были разделены на влияющие и результирующие. Итоги деятельности компаний оценивались по таким показателям, как численность персонала, рентабельность, доля экспортируемой продукции, выручка, а также темпы изменения этих показателей за последние три года. В свою очередь, влияющие факторы также были разделены на две группы: факторы внутренней и факторы внешней среды.

В качестве базы для оценки успешности функционирования кластера были взяты данные о деятельности малых предприятий по отраслям «связь» и «информационно-вычислительное обслуживание», которые позволяют сравнить некоторые из вышеупомянутых показателей кластера со среднеотраслевыми¹. Результаты этого сравнения приведены в табл. 1.

В 2002 г. средняя численность персонала в компаниях IT-кластера составляла 53 чел. К 2005 г. IT-фирмы значительно увеличили свои размеры (средняя численность – 81 чел.). При этом средний темп роста численности персонала по компаниям кластера составил 38%, что в 2 раза выше соответствующего показателя в целом по отрасли. Компании кластера также характеризуются более высокими темпами роста выручки, чем фирмы сектора информационных и коммуникационных технологий (ИКТ): 1,35 против 1,22 за период 2001–2004 гг. Особо следует отметить, что выручка в IT-кластере за 2004 г. в среднем увеличилась в 1,53 раза.

---

¹ См.: Малое предпринимательство в России. 2004 / <http://www.cir.ru/>; Россия в цифрах. 2005: Стат. сб. – М.: Федеральн. служба гос. статистики, 2005. Расчеты авторов.

Таблица 1

**Сравнение показателей деятельности ИТ-кластера
со среднеотраслевыми по России**

Объект	Темп изменения выручки		Темп изменения численности персонала	Изменение рентабельности				Темп изменения рентабельности	
	2004–2001	2004–2002	2004–2002	2001–2000	2002–2001	2003–2002	2004–2003	2003–2000	2004–2002
Сектор ИКТ, Россия	1,22	1,30	1,19	0,38	1,74	0,74	...	0,79	...
ИТ-кластер, Новосибирск	1,35	1,38	1,38	...	...	0,99	1,00	...	0,99

Средняя рентабельность в кластере за 2002, 2003 и 2004 гг. составила соответственно 16, 15 и 14%, т.е. в динамике незначительно снижалась. Средний темп изменения рентабельности для ИТ-компаний составляет 0,994. Наблюдающуюся тенденцию можно объяснить соответствующим этапом развития отрасли, на котором данные показатели и в российском масштабе значительно хуже, а также более высоким ростом цен на факторы производства (по сравнению с ростом цен на продукцию).

Следует заметить, что рентабельность компаний (в особенности таких трудоемких, как в информационно-коммуникационном секторе) не является показателем, в полной мере характеризующим экономическую эффективность их функционирования. В силу большей доли заработной платы в структуре себестоимости продукции у ИТ-компаний (до 80%) показателем, наиболее полно отражающим успешность ведения бизнеса, является добавленная стоимость. К сожалению, полученные в результате опроса данные не позволяют отследить ее динамику, однако можно дать приблизительные нижние оценки средней добавленной стоимости (без учета амортизации) за 2004 г., выраженные относительно себестоимости продукции. Это отношение добавленной стоимости к себестоимости продукции в 2004 г. составило в среднем по кластеру 0,78.

Средняя доля экспортируемой продукции для предприятий ИТ-кластера составляла в 2002, 2003 и 2004 гг. соответственно 47, 46 и 44%, неуклонно снижаясь. При этом средний темп изменения доли экспорта для ИТ-компаний равен 0,95, что, вероятно, объясняется ростом потребления ИТ-продукции российским рынком.

Исследование отчетливо свидетельствует о существовании сильной статистически значимой взаимосвязи численности персонала ИТ-компаний и доли экспорта их продукции: $R = -0,79 (0,002)^2$. Таким образом, можно говорить о том, что более крупные ИТ-компании ориентируются преимущественно на внутрироссийский рынок, в то время как фирмы меньшего размера большую часть своей продукции производят на экспорт.

Изучение взаимосвязей между темпами изменения результирующих показателей деятельности ИТ-фирм выявило следующий факт: чем выше темпы роста численности персонала компании, тем более высокими темпами растет ее выручка; рост экспорта положительно связан с ростом рентабельности.

АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ ВНУТРЕННИХ (УПРАВЛЯЕМЫХ) ФАКТОРОВ НА РЕЗУЛЬТАТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОМПАНИЙ

Сферы и виды деятельности. Среди ИТ-фирм бо́льшая численность персонала у компаний, задействованных в сферах интернета и защиты информации, бо́льшими темпами роста выручки отличаются телекоммуникационные фирмы, а бо́льшей рентабельностью – интернет-компании. Осуществление дистрибуторства наукоемкой продукции положительно влияет на численность занятых и рост выручки ИТ-компаний, а предоставление сервисного обслуживания, имея положительную взаимосвязь с численностью персонала, отрицательно коррелирует с долей экспорта компании.

Организационно-правовая форма, сроки существования компаний. Анализ не выявил взаимосвязи между организационно-правовой формой ИТ-фирм и результатами их деятельности, однако более крупные ИТ-компании существуют более длительное время, $R = 0,794 (0,001)$. Кроме того, в ИТ-кластере наблюдается положительная статистически значимая

---

² В скобках указан уровень статистической значимости взаимосвязи показателей.

(при двустороннем 10%-м интервале) связь между сроком существования и организационно-правовой формой (закрытые акционерные общества существуют дольше).

Структурные подразделения. Около 80% обследованных компаний имеют в своем составе производственное подразделение, 62% – отдел продаж, более половины – маркетинговый и исследовательский отделы, а 15% – логистический. При этом фирмы, имеющие отдел продаж, характеризуются большими рентабельностью и ростом выручки; фирмам, имеющим логистический отдел, свойственны большие численность персонала и темп роста выручки; компании с производственным цехом более рентабельны, чем не имеющие подобного подразделения, а IT-компании с исследовательским отделом, демонстрируют меньший темп роста выручки.

Система сбыта продукции. Абсолютное большинство компаний кластера (85%) используют такую форму реализации продукции, как работа на заказ. Второй по популярности формой сбыта является ориентация на определенную группу постоянных крупных клиентов (69%), далее следуют использование собственной сбытовой структуры (54%) и сбытовых каналов других организаций (46%). Проведенный анализ показал, что последний из вышеперечисленных механизмов сбыта используют в основном экспортно-ориентированные IT-компании.

Конкурентные преимущества. Своими основными конкурентными преимуществами фирмы кластера считают соотношение цена – качество (100%), эксклюзивность (78%) и высокое качество продукции (54%). Помимо этого руководители IT-компаний отмечают тесные контакты с контрагентами (46%), часто основывающиеся на личных связях и поддерживающиеся при отсутствии развитой системы продвижения товаров на рынок. Почти треть (31%) опрошенных отметили в качестве конкурентного преимущества своих фирм доступ к дешевым факторам производства.

Такие преимущества, как грамотное руководство и развитая система сервисного обслуживания, упомянули в основном менеджеры крупных организаций, причем фирмы, руководители которых выделили грамотное руководство, демонстрируют больший рост выручки.

Источники финансирования. IT-компаниям свойственны два источника финансирования бизнеса: собственные средства (85% обследованных компаний) и средства партнеров по кооперации (31%), причем между их использованием наблюдается отрицательная корреляция, что позволя-

ет говорить об их альтернативном характере относительно друг друга. Средства партнеров по кооперации используются небольшими компаниями, преимущественно ориентированными на экспорт. Отдельно следует отметить, что ни один респондент не упомянул в качестве используемого способа финансирования венчурный капитал.

Происхождение разработок и способы организации НИОКР. Абсолютное большинство предприятий кластера (более 90%) осуществляют НИОКР собственными силами. Однако 30% опрошенных руководителей отмечают также использование разработок, созданных в организациях, не относящихся к бюджетной науке, что положительно влияет на рост выручки компаний.

IT-компании наиболее часто осуществляют разработки силами отдельных специалистов, имеющих в данной области (77%), при этом они демонстрируют относительно меньший темп роста выручки. В 69% случаев фирмы кластера имеют собственные подразделения, занимающиеся НИОКР, 31% фирм создают временные коллективы с привлечением сторонних специалистов и столько же – используют команды приглашенных специалистов.

Прочие внутрифирменные факторы. В ходе опроса респондентам было предложено сопоставить качество производимых их фирмами товаров и используемых при их производстве процессов с аналогичными показателями у подобных предприятий. В результате руководители компаний кластера в большинстве своем выше оценили качество собственных производственных процессов и выпускаемой продукции. Характерно, что при этом качество своих производственных процессов они оценивают ниже качества производимой продукции (российский феномен, отмечающийся и в других отраслях производства).

Предприятия кластера в достаточно высокой степени испытывают нехватку кадров, как управленческих, так и инженерно-технических, однако потребность в ИТР ощущается ими острее. Руководителям фирм кластера свойственно оценивать квалификацию менеджмента ниже подготовленности инженерно-технических кадров.

Для кластера характерно следующее распределение по распространенности использования того или иного способа поощрения персонала: реже всего применяется участие в акционерном капитале, затем, в порядке возрастания, продвижение по службе и моральное поощрение. Наиболее распространено материальное поощрение в виде премирования. Редкое использование первых двух способов мотивации персонала, вероятно,

объясняется как небольшим численным составом предприятий, так и сложившейся в них системой руководства³.

Что касается влияния упомянутых факторов на эффективность функционирования компаний, то проведенный анализ показал, что рентабельность ИТ-фирм возрастает по мере повышения их укомплектованности инженерно-техническими кадрами, а наибольший рост рентабельности демонстрируют фирмы с лучшим качеством производственных процессов. Численность персонала ИТ-компаний положительно взаимосвязана с развитостью системы материального поощрения.

ВЛИЯНИЕ ВНЕШНИХ (НЕРЕГУЛИРУЕМЫХ НА УРОВНЕ ФИРМЫ) ФАКТОРОВ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КЛАСТЕРА

Особый интерес при исследовании кластеров вызывают факторы окружения и внешней среды. Не имея возможности охватить в данной статье все многообразие обнаруженных взаимосвязей, мы ограничимся описанием лишь некоторых из них.

Поставщики ресурсов и покупатели продукции. Распределение поставщиков производственных ресурсов и покупателей продукции по их географическому расположению показано на рис. 1. Влияние объемов закупок и продаж на различных географических рынках на результаты деятельности кластера представлено в табл. 2.

Исследование межфакторных взаимосвязей позволяет сделать следующие заключения.

1. Существует три основных географических рынка поставщиков материалов и комплектующих: объединенный рынок России и Новосибирска (рост закупок на одном из них связан с ростом закупок на другом), зарубежный рынок и рынок Академгородка. Причем рост закупок сырья за границей приводит к падению закупок в России и Новосибирске. Рынок материалов Академгородка не проявляет значимой связи с остальными.

2. Рынок поставщиков оборудования также представлен тремя сегментами: рынком Академгородка, зарубежным рынком и объединенным рынком города, региона и России. Каждый из этих рынков удовлетворяет

---

³ Первоначально компании образовывались по инициативе и вокруг небольших по численности групп компетентных лиц (зачастую – одного лидера).

Таблица 2

**Корреляционные взаимосвязи
географического распределения поставщиков/покупателей продукции
и результатов деятельности кластера**

Фактор	Численность персонала	Рентабельность	Изменение выручки	Доля экспорта
Приобретение комплектующих на рынке Академгородка	–0,693	–	–	–
Приобретение оборудования на рынке Академгородка	–0,579	–	–	+0,628
Привлечение сотрудников с рынка труда Академгородка	–	–	–0,768	–
Приобретение комплектующих на рынке Новосибирска	–	–	+0,803	–
Приобретение комплектующих на региональном рынке	–	+0,775	–	–
Приобретение оборудования на региональном рынке	+0,525	+0,597	–	–
Привлечение сотрудников с российского рынка труда	+0,514	+0,588	–	–
Приобретение оборудования на российском рынке	–	–	–	–0,647
Приобретение комплектующих за рубежом	–0,702	–	–	+0,716
Приобретение оборудования за рубежом	–0,460	–	–0,642	–
Поставки продукции на рынок Академгородка	+0,635	–	–	–
Поставки продукции на региональный рынок	–	–	–	–0,510
Поставки продукции на российский рынок	–	–	–	–0,558
Поставки продукции на экспорт	–0,634	–	–	+0,838

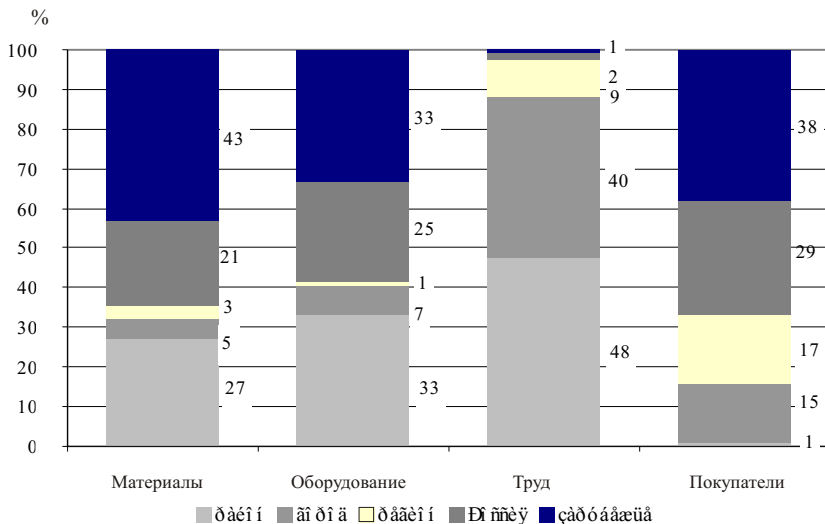

Рис. 1. Территориальное распределение поставщиков ресурсов и покупателей продукции ИТ-кластера

около трети потребностей кластера в оборудовании. Эти рынки не взаимосвязаны, т.е. изменение закупок на одном из них не влечет за собой изменения доли другого.

3. Рынок труда достаточно четко подразделяется на два сегмента: рынок Академгородка и все остальные географические рынки вместе взятые. Привлечение трудовых ресурсов с рынка Академгородка имеет отрицательную взаимосвязь с рынком Новосибирска, а все поставки труда с территории города, региона, страны и зарубежья прямо или косвенно положительно скоррелированы между собой. Каждый из этих рынков обеспечивает около 50% потребностей ИТ-компаний в рабочей силе.

Отсюда становится очевидной самостоятельная рыночная позиция Академгородка, что позволяет говорить о нем как о самодостаточном ресурсном рынке. Дополнительным подтверждением тому служит попарная скоррелированность закупок трех основных видов ресурсов на районном рынке.

Анализ географических рынков продукции ИТ-кластера позволяет заключить, что все клиенты ИТ-компаний четко делятся на два сегмента: на отечественных и зарубежных покупателей.

Собранная в ходе опроса информация дает возможность обнаружить взаимосвязи между приобретением ресурсов на том или ином географическом рынке и величиной поставок продукции на различные рынки. Так, материалы и комплектующие, поставляемые с регионального рынка, не соответствуют требованиям новосибирских потребителей. Новосибирские ресурсы пригодны для производства товаров регионального назначения, но, как и российские, не удовлетворяют требованиям, предъявляемым к экспортируемой продукции. Сырье, закупаемое за границей, служит основой для производства продукции, идущей впоследствии на экспорт.

Закупки оборудования на территории России способствуют увеличению продаж на рынках Новосибирска и Сибирского региона. Увеличение закупок в Новосибирске связано с ростом продаж на рынках Академгородка и Новосибирска. Приобретение оборудования в Академгородке положительно коррелирует с увеличением экспорта продукции, в то время как закупки на рынках России и региона препятствуют росту экспорта продукции.

Оценка сотрудничества. В ходе опроса внимание уделялось изучению следующих видов кооперации: сотрудничеству между предприятиями в областях НИОКР, производства, продвижения товаров на рынок, сотрудничеству между предприятиями и НИИ, КБ, вузами в областях НИОКР и производства. Все пять упомянутых видов сотрудничества оценивались по трем характеристикам – качеству, регулярности и глубине, каждую из которых предлагалось оценить по 4-балльной шкале. Усредненные результаты анкетирования по факторам и их характеристикам приведены в табл. 3.

Таблица 3

Оценки характеристик сотрудничества и кооперации

Характеристика	НИСФ*	ПСФ	ПТР	НИСФИ	ПСФИ
Качество	2,18	2,08	1,64	2,08	1,75
Регулярность	1,36	1,75	1,50	1,67	1,75
Глубина	2,00	1,91	1,45	1,82	1,45
Среднее по фактору	1,85	1,91	1,53	1,86	1,65

* Расшифровку сокращений см. в тексте.

Хотя руководители фирм кластера в среднем оценивают степень взаимодействия практически по всем направлениям «скорее как низкую, чем высокую», тем не менее можно сделать определенные выводы относительно развитости того или иного вида кооперации в сравнении с другими. Так, в кластере наиболее развито производственное сотрудничество между фирмами (ПСФ), немного хуже – научно-исследовательское сотрудничество между фирмами (НИСФ) и между фирмами и НИИ (НИСФИ). Далее, по мере ухудшения оценок, следуют производственное сотрудничество между предприятиями и НИИ (ПСФИ) и кооперация между предприятиями по продвижению товаров на рынок (ПТР).

Анализ показал, что меньшие по численности персонала ИТ-компании значительно выше в отношении качества, регулярности и глубины оценивают кооперацию в области продвижения товаров на рынок. Менее рентабельные фирмы охотнее (по всем характеристикам) вступают в производственное сотрудничество с аналогичными компаниями и выше оценивают регулярность научно-исследовательского сотрудничества с институтами. Фирмы, более высоко оценивающие регулярность производственного сотрудничества между ними и НИИ, демонстрируют больший рост выручки. Компании, показывающие бо́льшие доли экспорта продукции, характеризуются бо́льшими регулярностью и глубиной сотрудничества по продвижению товаров на рынок.

В ИТ-кластере четыре из пяти рассматриваемых видов сотрудничества попарно скоррелированы, что говорит о сильной взаимосвязанности различных видов кооперации. Однако сотрудничество в сфере совместного продвижения товаров на рынок не связано ни с одним из других видов, а научно-исследовательское сотрудничество между фирмами не оказывает непосредственного влияния на результирующие показатели деятельности ИТ-компаний.

Что касается внутрифакторных взаимосвязей, то здесь наблюдается сильная попарная корреляция между отдельными характеристиками каждого вида сотрудничества. Исключение составляет НИСФ, регулярность которого не проявляет значимой связи с другими характеристиками данного вида сотрудничества. Кроме того, оценка регулярности НИСФ по своему среднему абсолютному значению значительно ниже оценок других характеристик данного фактора (см. табл. 3), что позволяет говорить о потенциальной привлекательности этой характеристики в качестве объекта управленческого воздействия.

Производственные ресурсы, доступные в г. Новосибирске. Для успешного развития кластера важна доступность производственных ресурсов на территории его деятельности. Каждый из четырех видов ресурсов (материалы и комплектующие; оборудование и программное обеспечение; рабочая сила; разного рода услуги) было предложено оценить по 5-балльной шкале по трем характеристикам: качеству, разнообразию и срокам поставок/подготовки (как показатель быстроты реагирования поставщиков на нужды производителей). Результаты опроса обобщены в табл. 4. Руководители фирм кластера из всех ресурсов наиболее высоко оценивают рабочую силу, а среди ее характеристик особо выделяют качество (что неудивительно, если учесть системообразующий характер данного ресурса в кластере). Наименьшее удовлетворение вызывает у респондентов доступность материалов и комплектующих, а также услуг.

Таблица 4

Оценки производственных ресурсов г. Новосибирска, баллы

Характеристика	Материалы	Оборудование	Труд	Услуги
Качество	3,18	3,69	4,23	3,42
Сроки поставок	3,27	3,39	3,83	3,00
Разнообразие	2,82	3,31	3,75	3,00
Среднее по ресурсу	3,09	3,46	3,94	3,14

Влияние отдельных характеристик различных производственных ресурсов на эффективность деятельности фирм кластера приведено в табл. 5. Анализ выявил сильную взаимосвязанность оценок оборудования и материалов, доступных в Новосибирске. Так, качество и сроки поставок необходимого оборудования зависят от всех трех рассматриваемых характеристик доступного в городе сырья, а разнообразие оборудования тесно коррелирует с разнообразием материалов и комплектующих. Разнообразие новосибирского рынка услуг достаточно значимо связано с разнообразием имеющихся в городе материалов. Рынок рабочей силы Новосибирска, необходимой для удовлетворения потребностей IT-бизнеса, не проявляет взаимосвязей с другими ресурсными рынками, что, вполне вероятно, обусловливается эндогенным характером его формирования.

Таблица 5

**Корреляционные взаимосвязи характеристик
производственных ресурсов г. Новосибирска и результатов
деятельности кластера**

Характеристика	Численность персонала	Рентабельность	Изменение выручки	Доля экспорта
<i>Материалы и комплектующие</i>				
Качество	–	–0,695	–	–
Сроки поставок	–	–0,761	–	–
Разнообразие	–	–0,884	–	–
<i>Оборудование</i>				
Качество	–0,492	–0,590	–	–
Сроки поставок	–	–	–	–
Разнообразие	–0,489	–0,644	–	+0,571
<i>Трудовые ресурсы</i>				
Качество	–	–	–	–
Сроки поставок	+0,465	–	–	–
Разнообразие	–	–	–	–
<i>Услуги</i>				
Качество	–	–	–	–
Сроки поставок	–	–	–	–
Разнообразие	–	–	–	–

В целом все рынки производственных ресурсов ИТ-кластера, за исключением рынка труда, демонстрируют сбалансированность в развитости своих отдельных характеристик, что выражается в их взаимной скоррелированности и близости средних оценок. Что касается характеристик трудовых ресурсов, то причина их несвязанности, по-видимому, заключается в значительном отрыве качественной составляющей от других, что неоднократно отмечалось респондентами в ходе бесед.

Конкуренция. Одним из наиболее важных аспектов ведения бизнеса в рамках кластеров является конкуренция. В данном исследовании внимание было уделено двум формам конкурентной борьбы: соперничеству за

приобретение необходимых производственных ресурсов и конкуренции на географических рынках продукции.

В процессе работы отдельный интерес представляло практическое подтверждение часто упоминаемого в литературе факта влияния напряженности конкурентной борьбы на эффективность деятельности предприятий. С этой целью нами был введен интегральный показатель продуктовой конкуренции для каждой ИТ-компании. Он рассчитывался как средневзвешенное оценок уровня конкуренции на различных географических рынках, при этом в качестве весов использовались соответствующие доли продаж. В качестве показателя эффективности экономической деятельности компаний применялась удельная добавленная стоимость (на одного занятого). Этот показатель приближенно оценивался как сумма прибыли и заработной платы. Проведенный анализ позволил увидеть, что при двустороннем доверительном интервале в 10% наблюдается статистически значимая положительная взаимосвязь между конкурентной борьбой и удельной добавленной стоимостью ($R = 0,540$).

Исследование также выявило, что положительное влияние на изменение выручки у фирм ИТ-кластера оказывают более сильная конкуренция на региональном рынке продукции, а также соперничество за приобретение материалов и оборудования.

Более сильная конкурентная борьба за трудовые ресурсы обуславливает уменьшение рентабельности (видимо, вследствие увеличения заработной платы). В наибольшей степени это характерно для мелких ИТ-компаний.

Опрос руководителей ИТ-компаний выявил и территориальные различия в интенсивности конкурентной борьбы. Так, конкуренция на рынке района слабая, на рынке г. Новосибирска и Сибири – между слабой и умеренной, на национальном рынке – между умеренной и высокой, на интернациональном – скорее высокая. Кроме того, наблюдается положительная статистически значимая взаимосвязь между интенсивностью соперничества на различных географических рынках (рис. 2).

Что касается соперничества за приобретение факторов производства, то ИТ-фирмы подвержены острой конкуренции за приобретение квалифицированного персонала и помещений, слабой – за приобретение услуг и очень незначительной конкуренции – за комплектующие и оборудование.

Таким образом, в ходе исследования получило подтверждение большинство предположений о влиянии изучаемых факторов на результаты

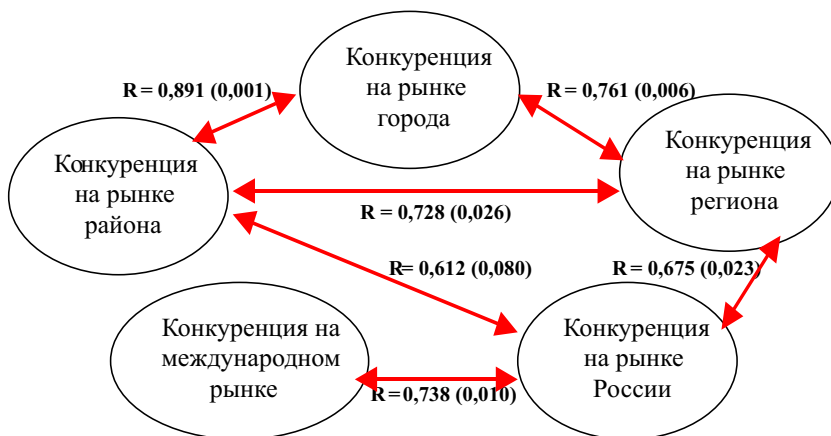

Рис. 2. Корреляционные связи конкуренции на различных географических рынках (в скобках указана значимость коэффициента корреляции)

деятельности фирм кластера. Кроме того, были установлены интересные взаимозависимости как между отдельными факторами, так и между внутрифакторными характеристиками, что, в частности, позволяет сделать полезные выводы о сегментации ресурсных и продуктовых рынков, сбалансированности отдельных характеристик производственных ресурсов, взаимосвязанности разных видов кооперации и др. Выполненную работу можно рассматривать как первоначальный этап создания системы оценки деятельности кластеров, развитие которой даст возможность измерять результаты деятельности кластеров и обуславливающие их факторы. Информация, полученная с помощью подобной системы, может способствовать определению объекта управленческого воздействия.

©Марков Л.С., Ягольницер М.А., 2006

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО РЫНКА РЕКЛАМЫ

А.В. Наумова

В России рынок рекламы стал развиваться в конце 80-х – начале 90-х годов одновременно с созданием коммерческих средств массовой информации. В Сибири многочисленные коммерческие печатные издания рекламного характера появились в начале 90-х годов. До этого практически во всех областных (краевых, республиканских) центрах Сибирского региона с 1972 г. издавался только еженедельник «Реклама». С 1989 по 1993 г. региональная реклама развивалась исключительно за счет наружной рекламы западных торговых марок, а в период 1993–1998 гг. – на всех уровнях: производилась наружная реклама торговых марок, публиковалась реклама в периодических печатных средствах массовой информации, на телевидении и в интернете.

Традиционно сильные позиции на региональном рекламном рынке были у наружной рекламы, которая конкурировала с прессой. Доля рекламы в СМИ уменьшалась из года в год и в 2005 г. упала до 34%, тогда как в 1994 г. она составляла 58%. В 2004 г. общенациональные и региональные рекламодатели израсходовали на рекламу в региональных печатных средствах массовой информации свыше 120 млн долл. США, на наружную рекламу – 75–80 млн, на региональное телевидение – около 100 млн, затраты на мероприятия директ-маркетинга оценивались в 25–30 млн долл.

Рассмотрим этапы формирования регионального рынка рекламы на примере крупного субъекта Федерации, каковым является Новосибирская область. Сегодня в регионе число организаций, связанных с рекламным бизнесом, приближается к пятистам, и работают они в различных сферах рекламы: в средствах массовой информации, рекламных агентствах, типографиях, исследовательских и консалтинговых агентствах. Но доминируют в этой структуре агентства по размещению рекламы (42%).

По данным территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области, почти у половины (48%) ор-

ганизаций, занимавшихся рекламой, рекламная деятельность является основной, 15% организаций занимаются только производством рекламной продукции, 59% – ее распространением, 26% – и производством, и распространением. Основные показатели их деятельности представлены в таблице.

**Основные показатели деятельности организаций,
занимавшихся рекламой в Новосибирской области в 2003–2004 гг.**

Показатель	2003		2004	
	Всего	% к 2002 г.	Всего	% к 2003 г.
Кол-во организаций	112	145,5	160	142,8
Среднесписочная численность работников, чел.	3519	132,1	5295	150,5
В том числе занятых рекламной деятельностью	1288	179,9	2260	175,5
Выручка от продажи товаров и услуг, млн руб.	1014,3	169,8	1759,7	173,5
В том числе от рекламной деятельности	677,1	183,7	1320,7	195,0
Кол-во заключенных договоров	32201	389,2	83055	257,9
Объем заключенных договоров, млн руб.	670,4	168,1	1310,8	195,5

Интенсивный рост регионального рекламного рынка в 2002–2004 гг. вызван несколькими причинами:

- увеличением доли западных торговых марок в наружной рекламе;
- увеличением доли наружной рекламы за счет продвижения региональных и национальных брэндов;
- скачкообразным увеличением тарифов на размещение рекламы в средствах массовой информации (особенно на телевидении);
- развитием национальных торговых сетей, таких как «Эльдорадо», «Топ-книга», «Монро» и др., которые ведут активную рекламную деятельность;
- развитием рекламы в интернете и по базам данных;
- развитием новых направлений в рекламе (реклама в метро, кинотеатрах, на стадионах и т.д.).

Становление рекламного рынка характеризовалось рядом недостатков, к которым следует отнести

- отсутствие полноценной структуры рекламного бизнеса;
- недостаточное число специалистов в сфере рекламы;

- несовершенство законодательной базы, касающейся рекламы;
- высокий уровень монополизации рекламного рынка в средствах массовой информации, что привело к появлению «ручных» рекламных агентств;
- слабые связи рекламных агентств с регионами, которые упрочились только к 1995 г.

В Сибирском регионе можно выделить четыре этапа развития рекламы.

На *первом этапе* (1989–1993 гг.) на фоне развивающегося рынка товаров массового спроса за счет экспансии западных торговых марок происходило увеличение числа российских рекламодателей. Первыми из них стали крупные предприятия по производству мебели, одежды и обуви, которые акционировались и начали работать в условиях развивающейся конкуренции и свободного предпринимательства. Новые участники рынка, выросшие из производственных кооперативов, артелей и мастерских, также испытывали потребность в формировании информационного поля, содержащего сведения об их товарах и услугах. Эти участники рынка быстро поняли необходимость рекламной деятельности как неотъемлемой части бизнеса.

На *втором этапе* (1994–1998 гг.) начали создаваться рекламные агентства, появились рекламные агентства с собственной базой для производства рекламного продукта. Видеопродукцию и аудиоспоты для радио стали создавать копирайтеры рекламных агентств, тогда как раньше производством рекламного продукта занимались исключительно отделы рекламы СМИ. Первыми такими специализированными производственными рекламными агентствами в Новосибирске стали «Петра», «Мелехов и Филюрин» и агентство наружной рекламы «Рим». В штате подобных агентств уже были специалисты по рекламе, имевшие опыт работы по планированию и проведению рекламных кампаний, по организации рекламных акций и мероприятий, направленных на стимулирование сбыта. Специалисты начали осваивать новый тип рекламной услуги – разрабатывать рекламную кампанию для организации-заказчика. При этом агентство проводит исследование целевой аудитории и контролирует ход рекламной кампании. Заказчикам рекламных кампаний выступали отечественные производители.

Особенность этого этапа развития рекламы заключается в том, что рекламные агентства получили в полное распоряжение средства организации-заказчика, выделяемые ею на рекламные цели. В этот период специалисты рекламных агентств начали осваивать методы и инструменты планирования рекламных кампаний на основе маркетинговых исследований.

Методики носили эмпирический характер, а отношения между агентством и рекламодателем претерпевали изменения: вместо простого согласования рекламного продукта с заказчиком по принципу «нравится – не нравится» стали проводиться предварительные исследования, поэтапные брифинги и последующая защита проекта рекламной кампании. Крупные агентства работали с привлечением специалистов и экспертов на условиях временных рабочих групп для проведения маркетинговых исследований отраслевого рынка, рекламной деятельности конкурентов, поведения потребителей, для анализа отношения потребителей к той или иной торговой марке. После этого формировался план рекламной кампании, разрабатывались рекламные стратегии, элементы фирменного стиля, создавались инструменты позиционирования, которые сопровождали рекламную кампанию на протяжении длительного времени, что обеспечивало высокую эффективность и возможность контроля за проведением рекламной кампании.

Дефолт 1998 г. изменил ситуацию на всех рынках, включая рекламный. **Третий этап** (1999–2001 гг.) характеризуется трансформацией рекламных агентств в рекламные группы. Необходимость такого объединения была вызвана последствиями экономического кризиса 1998 г., резким сокращением рекламных бюджетов у всех без исключения организаций. Мелкие рекламные агентства были вынуждены прекратить свою деятельность. На фоне развитой системы печатных рекламных СМИ стала набирать силу и привлекать финансовые ресурсы региональная реклама на телевидении. Видеоролики, созданные специалистами рекламного агентства «Мелехов и Филюрин», по уровню креативности и профессионального исполнения не уступают лучшим московским образцам рекламы.

Рекламные группы, возникшие в ходе слияния, оказались в новой ситуации, которая требовала новых экономических подходов и стратегических решений. От специализации рекламные группы начали переходить к оказанию комплексных услуг заказчику: планировать и проводить рекламные кампании, разрабатывать все виды рекламных продуктов. Особенностью данного этапа является развитие агентствами услуг по информационной поддержке бизнес-коммуникаций организации-реklamодателя. В комплекс таких услуг могли входить подготовка «рекламного пакета» для выставок, презентаций, разработка и допечатная подготовка каталогов, буклетов, подготовка информационных статей для печатных СМИ. На рекламном рынке утвердился новый термин – «рекламное сопровождение».

Рекламные группы на этом этапе характеризуются стабильностью и эффективностью. Для руководства проектом по координации действий

всех участников назначается менеджер проекта, который отвечает за размещение заказов, сроки и качество исполнения, сохранение идентичности всех элементов фирменного стиля, цвета, размеров и т.д.

Еще одной особенностью третьего этапа развития рекламы является то, что на крупных предприятиях стали появляться отделы маркетинга, в структуру которых входит и специалист по рекламе. Естественный отбор сильнейших рекламных агентств, действующих на рекламном рынке, структурирование рекламного бизнеса, обеспечение его законодательной базой способствовали профессиональному росту специалистов и позволяли им в ряде случаев успешно конкурировать с зарубежными коллегами.

Управляющий проектом рекламного агентства и руководитель отдела рекламы организации-рекламодателя не только руководили разработкой рекламной кампании, но и осуществляли контроль над разрабатываемыми рекламными продуктами для достижения единообразия фирменного стиля, правильного позиционирования организации в конкурентной среде.

В этот период рекламные группы перестали полностью распоряжаться рекламным бюджетом заказчика. Заказчики разделили рекламный процесс: маркетинговые исследования проводят специализированные маркетинговые или рекламные агентства; план рекламной кампании создается с привлечением временной рабочей группы; сама рекламная кампания проводится рекламным агентством.

Четвертый этап (с 2002 г. по настоящее время) связан с усилением конкуренции на рынке, формированием и развитием региональных брэндов, для продвижения которых требуются новые подходы к рекламе (планирование, размещение, оценка эффективности). Стало очевидным, что формирования только информационного поля, содержащего сведения о товарах и услугах, недостаточно в конкурентной борьбе за потребителя. Необходимо новое понимание маркетинговых коммуникаций как средства не только прямого продвижения товаров и услуг, но также создания и поддержания высокого уровня лояльности со стороны потребителей и партнеров по бизнесу. Брэндинг как процесс формирования устойчивой лояльности потребителей определенной торговой марки привел к изменению подходов к планированию рекламных кампаний, которые становятся частью маркетинга отношений фирмы.

Этот этап развития рекламы характеризуется кризисом печатных рекламных СМИ, который выражается в сокращении объемов печатной рекламы в сравнении с рекламой на телевидении, в снижении расходов на размещение рекламы в печатных СМИ и, как следствие, в падении тиражей печатных рекламных и рекламно-информационных изданий. На этом фоне рек-

ламные расходы на телевизионную рекламу увеличиваются почти в 2 раза по сравнению с расходами на печатную рекламу.

Для владельцев торговых марок, специалистов и рекламных агентств наступила эпоха брендинга. В этих условиях изменяются стандартные взгляды на рекламную деятельность и деятельность рекламных агентств. Как правило, функции формирования брэнда, планирования рекламной кампании передаются крупным агентствам, а затем готовые проекты тиражируются по региональным рекламным агентствам. Если раньше эффект масштаба наблюдался главным образом в производственной деятельности, то теперь этим преимуществом обладают коммуникации, торговля и дистрибуция. Технологии производства становятся все более гибкими и во многих случаях уже не требуют таких больших капиталозатрат, как раньше, а расходы на маркетинг и распределение товаров растут, что усиливает потребность в использовании новых коммуникационных технологий.

Деятельность организации определяется коммуникациями в столь значительной степени, что можно говорить о формировании новой концепции маркетинга – маркетинга отношений. Рекламная коммуникация в контексте маркетинга отношений, ее новые цели и задачи требуют интеграции маркетинговых коммуникаций, что, в свою очередь, приводит к перестройке рекламного бизнеса и его структур.

* * *

Анализ рекламной практики за последние годы показывает, что в этой сфере деятельности сложились следующие тенденции:

- усилились позиции национальных и региональных производителей и рекламодателей;
- рекламная активность рекламодателей и рекламных агентств смещается в регионы и способствует развитию региональных рекламных рынков;
- растет доля комплексных рекламных агентств;
- происходит укрупнение основных рекламных структур;
- продвижение торговой марки на рынок осуществляется посредством планирования и проведения рекламной кампании на основе интеграции коммуникационного комплекса маркетинга, что обеспечивает экономический и коммуникационный эффект.

НЕФТЕГАЗОВЫЙ КОМПЛЕКС КАЗАХСТАНА: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

О.И. Егоров, О.А. Чигаркина

Нефтегазодобывающая промышленность в Республике Казахстан развивается уже 100 лет. За этот период разведаны нефтегазовые месторождения, благодаря которым страна вошла в число мировых лидеров по запасам углеводородного сырья.

ОЦЕНКА ПОТЕНЦИАЛА УГЛЕВОДОРОДНЫХ РЕСУРСОВ

Углеводородные ресурсы распределены по территории Казахстана крайне неравномерно. Основным нефтегазодобывающим регионом остается Западный Казахстан, включающий Атыраускую, Мангистаускую, Западно-Казахстанскую и Актыбинскую области. Всего на территории страны выявлено более 200 месторождений углеводородного сырья, из которых разрабатывается 77 месторождений. В Западном Казахстане сосредоточено 90% разведанных месторождений и 98,2% из их числа находятся в эксплуатации. Наиболее крупными по разведанным запасам являются месторождения Тенгиз, Карачаганак, Жанажол, Жетыбай, Кенбай, Каламкас, Каражанбас, Кумколь, Узень. Их суммарные извлекаемые запасы составляют 1,565 млрд т нефти и 650 млн т газового конденсата. Только по карачаганакскому проекту предусматривается добыча нефти и газового конденсата в объеме 12 млн т в год, газа – 25 млрд куб. м в год, что дает не менее 48 млрд долл. США дохода, включая налоги и другие платежи в бюджет регионов и страны.

Кроме разведанных запасов Казахстан располагает и значительными прогнозными ресурсами. Особое место среди выявленных нефтеносных территорий занимает шельф Каспийского моря, где обнаружены крупнейшие структуры Кашаган, Кайран и Актоты. Прогнозные запасы только одной залежи в восточной части Кашагана предварительно оцениваются в 25–60 млрд барр. извлекаемой нефти. Изменения в потенциале уг-

леводородного сырья в Республике Казахстан, произошедшие как за счет континентальных структур, так и за счет площадей шельфовой зоны Каспийского моря, вызвали повышенный интерес на предмет участия в освоении запасов нефти и газа у крупнейших мировых компаний: «Mobil», «Техасо», «Total» (США), «British Petroleum» и «British Gas» (Великобритания), «Statoil» (Норвегия), «Shell» (Нидерланды), «Elf Aquitaine» (Франция), «Eni» и «Agip» (Италия). Действенным подспорьем для заключения с ними контрактов на проведение нефтяных операций явилась разработка Кодекса Республики Казахстан о недрах, законов о нефти, о совместных предприятиях, об иностранных инвестициях и др., обеспечивающих инвесторам достаточно выгодные условия для вложения средств в развитие отрасли.

Большие перспективы в отношении нефтегазоносности выявленных структур (7,2 млрд т нефти и около 2 трлн куб. м природного газа), действующая законодательная база, политическая стабильность, а также решенная проблема с транспортировкой сырья повлияли на инвестиционную активность иностранных нефтяных компаний. В течение 1993–1998 гг. в отрасль вкладывалось около 34% от общего объема прямых иностранных инвестиций в промышленность Республики Казахстан, причем в 1993–1994 гг. доля этих инвестиций доходила до 88%. Результатом этого явилось увеличение в 1998 г. в сравнении с 1994 г. добычи нефти и газового конденсата на 28%, природного газа – на 80%, попутного нефтяного газа – в 2 раза.

Месторождения углеводородов залегают, как правило, на большой глубине, характеризуются сложными горно-геологическими условиями, аномально высокими давлением и температурой. К тому же сырье обладает исключительно агрессивными свойствами вследствие значительного содержания сероводорода, меркаптанов и других соединений, что обуславливает необходимость использования специального оборудования, материалов, приборов, дополнительных технологических процессов при его добыче, транспортировке и переработке.

Конкретным фактом, связанным с проведением широкомасштабных работ по оценке нефтегазоносности шельфа Каспия, является утверждение Указом президента Казахстана Государственной программы освоения казахстанского участка шельфа. В программе обозначены три этапа: на первом этапе (2003–2005 гг.) предусматривается добыча 500 тыс. т нефти в год; на втором этапе (2006–2010 гг.) объем добычи будет доведен до 40 млн т в год; третий этап связывается со стабилизацией

добычи на уровне 100 млн т в год. Объемы добычи углеводородного сырья на казахстанском участке шельфа увязаны с запасами, которых на текущий момент у Казахстана больше всего среди стран, тяготеющих в Каспийскому морю (табл. 1).

Таблица 1

**Ресурсы нефти и газа шельфа Каспийского моря
у стран Каспийского региона, млрд туг**

Страна	Нефть			Газ		
	Доказанные запасы	Возможные ресурсы	И т о г о	Доказанные запасы	Возможные ресурсы	И т о г о
Азербайджан	0,7–2,0	5,4	6,1–7,0	0,4	1,3	1,7
Иран	0	2,4	2,4	0	0,4	0,4
Казахстан	2,0–3,2	17,0	19,0–20,0	2,0–3,1	3,3	5,3–6,4
Россия	0,04	1,0	1,0	...	...	...
Туркменистан	0,3	6,4	6,7	3,7–5,8	5,9	9,6–11,7
В с е г о	3,0–5,7	32,0	35,2–37,9	...	...	...

О масштабах освоения шельфа Каспийского моря Казахстаном говорят объемы инвестиций, направляемых на обустройство месторождений, добычу сырья, решение проблем транспортировки и переработки сырья, социально-экономическое развитие регионов нефтегазодобычи, экологически безопасное природопользование: на первом этапе они составят 5 млрд долл. США, на втором – 10 млрд, на третьем – 11 млрд долл.

Несмотря на то что в Казахстане создана и функционирует правовая база, отдельные разделы ее требуют серьезной корректировки. С этой целью в программе предусмотрены меры по совершенствованию недропользования и проведения морских операций, налогообложения и таможенного регулирования, привлечения иностранных инвестиций, валютного регулирования и контроля. Особое место в ней отведено решению проблемы развития отечественного производства конкурентоспособных оборудования, товаров и услуг в целях последующего использования в инвестиционных программах. Кроме того, реализация программы освоения шельфа позволит создать примерно 45 тыс. новых рабочих мест.

Планируемый подъем нефтедобычи в регионе обязывает по-иному отнестись к решению проблемы взаимоотношений недропользователей и государства – собственника ресурсов. Ситуация, складывающаяся на казахстанском участке шельфа Каспийского моря, в определенной мере напоминает процесс освоения нефтегазовых месторождений страны в прежние годы. Нарращивание добычи углеводородных ресурсов пока не обеспечено заключенными контрактами на строительство новых объектов переработки сырья, предприятий производственной и социальной инфраструктуры. Данные табл. 2 показывают, что добыча нефти в 2011–2015 гг. только на месторождении Кашаган вырастет до 120–170 млн т в год с учетом объемов извлечения на континентальных месторождениях. Это в значительной мере превышает суммарные возможности экспорта углеводородов и их переработки на отечественных заводах.

Таблица 2

Масштабы развития нефтегазового комплекса Республики Казахстан за счет освоения шельфа Каспийского моря

Показатель	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Добыча нефти на месторождении Кашаган, млн т	40,0	52,0	64,0	76,0	88,0	100,0
Переработка нефти на действующих заводах, млн т	14,8	15,7	16,7	17,6	18,5	18,6
Добыча газа на месторождении Кашаган, млрд куб. м	24,0	31,0	38,0	45,0	52,0	63,0
Экспорт нефти, млн т:						
КТК	43,0–50,0					
Атырау – Самара	25,0					
Западный Казахстан – Китай	20,0					
Западный Казахстан – Баку – Джейхан	10,0					
Иные морские маршруты	5,0					

Отставание в создании мощностей перерабатывающих производств, нефте-, газо- и продуктопроводов, линий электропередач, предприятий строительной индустрии и социально-бытового комплекса свидетельствует о продолжающейся практике освоения ресурсов узковедомственными методами. При проектировании разработки нефтяных и газовых мес-

торождений решается главная задача, а именно, задача извлечения в кратчайшие сроки как можно большего объема углеводородного сырья, при этом игнорируются его качественные характеристики, специфические физико-химические параметры, потенциальные возможности получения большого ассортимента исключительно важной продукции.

Если же к таким масштабным проектам, для реализации которых требуются многомиллиардные вложения (в строительство новых предприятий, зачастую оснащенных дорогостоящими оборудованием и коммуникациями, в создание необходимого задела в социально-бытовом секторе экономики), подходить с государственных позиций, то первостепенное значение должно иметь решение вопросов строгой и надежной координации работы всех заинтересованных министерств и ведомств, научно-исследовательских и проектных институтов, местных органов власти, в основу которой должен быть положен принцип достижения максимальных экономических результатов. Иными словами, должны быть реализованы главные элементы системного подхода при решении комплекса задач межотраслевого значения.

И здесь наиболее результативным путем, позволяющим обеспечить воплощение в реальных условиях принципов повышения экономической эффективности производства, являются оптимизация мощностей создаваемых предприятий, обоснование перечня необходимых для развития производительных сил производств, выбор направлений и способов использования сырьевых ресурсов, стыковка интересов различных отраслей экономики на ранней стадии разработки проектных решений.

В связи с этим в программах развития, носящих региональный характер, должны быть взаимоувязаны многочисленные аспекты социально-экономических, технико-технологических, экономических проблем. Гармоничное и пропорциональное развитие хозяйства регионов нового освоения крупных запасов минерально-сырьевых и топливно-энергетических ресурсов возможно лишь при соблюдении отраслевых и территориальных интересов. А они, соответственно, должны базироваться на учете интересов всех тех отраслей материального производства, для которых данный регион является источником поступления на соответствующие предприятия значительных по объему ресурсов исходного сырья.

Масштабное освоение углеводородных ресурсов шельфа Каспия должно стать исключительно важным направлением в развитии экономики государств, расположенных в зоне этого региона. В этой связи приори-

тетное значение приобретает совместная реализация проектов разведки, добычи, транспортировки и использования ресурсов нефти и газа.

Казахстан устанавливает долговременные экономические связи с крупнейшими нефтяными компаниями мира, что выражается в создании ряда совместных предприятий, работающих в различных нефтегазоносных зонах страны. В ряде уже реализуемых проектов непосредственно участвует группа российских компаний, интересы которых лежат как в области разведки и разработки нефтяных месторождений, так и в области транспортировки и переработки сырья. В стадии рабочего режима находятся нефтепроводы Кенкияк – Орск, по которому нефть поступает на российские перерабатывающие мощности, Западная Сибирь – Павлодар – Шымкент, Узень – Атырау – Самара. По газопроводу Карачаганак – Оренбург казахстанский газ доставляется на перерабатывающий завод. Особо следует выделить реализованный казахстанско-российский проект строительства нефтепровода Западный Казахстан – Новороссийск – Каспийский трубопроводный консорциум (КТК). Этот нефтепровод соединяет действующие месторождения Казахстана с нефтяными терминалами, расположенными на Черноморском побережье и имеющими исключительно экспортное назначение. Данная транспортная артерия с каждым годом наращивает объемы перекачки и столь перспективна, что уже сейчас рассматриваются возможности подачи по ней дополнительных объемов нефти, которая будет извлечена на новых месторождениях казахстанского шельфа.

Освоение месторождений шельфа требует значительных средств. Казахстан проводит активную работу по привлечению потенциальных инвесторов в нефтегазовый сектор экономики. В проекте по разработке месторождения Кашаган принимают участие нефтяные компании «Agip KCO», «Eni», «ExxonMobil», «Shell» и др. По ряду проектов проводятся консультации с российскими компаниями.

Усиливаются экономические связи Казахстана и России в нефтегазовом комплексе. ОАО «Лукойл» и АО «НК «Казмунайгаз» в марте 2005 г. в Москве подписали учредительные документы по созданию совместного предприятия «Каспийская нефтегазовая компания» (КНК) с целью освоения месторождения «Хвалынское». Кроме того, в данном проекте оговариваются условия транспортировки и сбыта углеводородного сырья, а также продуктов его переработки. Российская компания намерена вложить до 3 млрд долл. США в реализацию морского проекта «Достык», предусматривающего освоение ряда установок в казахстанском секторе Каспийского моря. Работы, которые предстоит осуществить

ОАО «Лукойл» совместно с казахстанскими компаниями, будут обходиться дороже, чем у предприятий азербайджанского сектора Каспия, поскольку на этапе бурения будет применяться метод «нулевого сброса», с тем чтобы полностью утилизировать отходы непосредственно на буровой платформе. Подобный метод, поддерживающий экологическую безопасность, не применяется ни в азербайджанских, ни в сахалинских проектах разработки морских месторождений.

НЕФТЬ И СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА

Благоприятная для Казахстана конъюнктура на мировых рынках нефти на фоне постоянного наращивания объемов добычи позволила не только увеличить доходную часть государственного и региональных бюджетов, но и в значительной мере пополнить национальный фонд (аналог стабилизационного фонда в России), насчитывающий сегодня более 6 млрд долл. США.

Успехи в развитии нефтяного сектора экономики Казахстана сказываются на улучшении социальной сферы, особенно в регионах добычи нефти. Наглядным подтверждением повышения жизненного уровня населения областей, где функционируют нефтегазовые структуры, является динамика некоторых показателей уровня жизни, представленных в табл. 3. Сравнение показателей в динамике свидетельствует о тенденции роста. При этом отметим, что рост средней заработной платы в Атырауской и Мангистауской областях – наиболее крупных производителей нефти почти в 2 раза превышает средний уровень по стране. Несколько иная ситуация складывается в этих регионах с пенсионным обеспечением. И хотя этот вид доходов населения не имеет столь значительных различий со средним по стране уровнем, все же лидирующее положение занимают Мангистауская и Кызылординская области.

Повышение жизненного уровня населения нефтепроизводящих областей непосредственно связано, во-первых, с успешной деятельностью нефтяных компаний на этих территориях и, во-вторых, с вкладом ВРП областей в валовой внутренний продукт страны (табл. 4). В структуре ВРП значительная доля приходится на нефтедобывающую отрасль, хотя отдельные области имеют достаточно развитые производства иного характера: Атырауская – рыбное хозяйство, нефтеперерабатывающие и нефтехимические производства, Западно-Казахстанская – машиностроение, Актюбинская – приборостроение и предприятия основной химии, Мангистауская – рыбное хозяйство, химические и нефтехимические производства.

Таблица 3

**Динамика показателей уровня жизни населения
нефтедобывающих регионов Казахстана, тенге**

Область	2001		2003		2005 (I кв.)	
	Средняя зарботная плата в месяц	Средний размер пенсии в месяц	Средняя зарботная плата в месяц	Средний размер пенсии в месяц	Средняя зарботная плата в месяц	Средний размер пенсии в месяц
Актюбинская	18125	4760	23848	7751	29298	8725
Атырауская	35484	4776	48338	7853	58599	8735
Западно-Казахстанская	20124	4561	29876	7744	31376	8623
Кызылординская	14160	5166	19928	8341	26264	9222
Мангистауская	36325	5866	44369	8835	55233	9442
В целом по Республике Казахстан	17303	4947	23128	8198	29230	9098

Таблица 4

Динамика ВРП на душу населения, тыс. тенге

Область	2000	2001	2002	2003	2004
Актюбинская	157,0	193,9	236,9	285,9	403,0
Атырауская	534,8	647,6	829,3	1099,4	1406,7
Западно-Казахстанская	180,9	236,0	276,8	323,0	427,2
Кызылординская	86,7	108,8	150,1	189,5	270,2
Мангистауская	385,9	439,0	566,3	566,5	806,0
В целом по Республике Казахстан	156,3	194,3	225,8	266,9	335,1

Таким образом, можно констатировать постепенное повышение жизненного уровня населения, живущего в регионах, где добыча и реализация нефтегазовых ресурсов имеют устойчивую тенденцию к увеличению. И все же нельзя не обратить внимания на иную сторону социального развития этих регионов. Прожиточный минимум в рассматриваемых областях в 1,2–1,3 раза превышает средний по стране, что связано с по-

вышенным уровнем цен на продовольственные и промышленные товары, обусловленным ростом инфляционных процессов. Кроме того, и это, пожалуй, наиболее важный аспект, характеризующий степень развития социальной сферы, доля населения, имеющая низкий доход, остается пока еще большой (табл. 5). Большая доля населения с низким доходом характерна для регионов, где развитие получили в основном предприятия нефтегазодобывающего направления, так как только ограниченный контингент работников непосредственно нефтяных компаний имеет высокий доход. Остальная же часть трудоспособного населения занята на малооплачиваемых работах, что и отражается на уровне показателя, приведенного в динамике в табл. 5.

Таблица 5

Удельный вес населения с низким доходом, %

Область	2000	2001	2002	2003	2005 (I кв.)
Актюбинская	18,3	29,8	22,6	19,0	13,0
Атырауская	49,6	40,7	34,1	32,7	31,5
Западно-Казахстанская	12,0	27,3	28,0	17,1	15,3
Кызылординская	51,6	39,5	32,3	27,1	31,6
Мангитауская	31,8	28,4	24,2	19,8	15,3
Всего по Республике Казахстан	59,7	45,9	39,8	26,0	16,8

Иностранные компании, осуществляющие добычу углеводородных ресурсов на территории Казахстана, вносят свой вклад в развитие социальной сферы. Достаточно сказать, что все они реализуют конкретные планы, согласно которым вводятся в действие такие объекты, как лечебно-оздоровительные, культурно-просветительские учреждения, спортивные базы, оказывается спонсорская помощь. Выполнение этих проектов позволяет улучшить медицинское обслуживание населения, вовлечь молодежь в занятия спортом и, что самое главное, создать дополнительные рабочие места.

Исследование широкого спектра вопросов, связанных с имеющимся в Казахстане потенциалом нефтегазовых ресурсов и его влиянием на состояние социальной сферы, показывает, что и улучшение жизненных условий населения как в региональном разрезе, так и по стране в целом,

и увеличение валютных поступлений в бюджет государства, и повышение конкурентоспособности продукции находятся в непосредственной зависимости от того, насколько комплексно и рационально будет использовано углеводородное сырье.

ПРОБЛЕМЫ КОМПЛЕКСНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СЫРЬЯ

Несмотря на то что темпы добычи нефти в Казахстане в среднесрочный период растут, увеличение доли ее использования в качестве сырья для переработки внутри страны все еще остается серьезной проблемой. Большая часть добываемого сырья экспортируется, а оставшаяся его часть недостаточна даже для 50%-й загрузки имеющихся перерабатывающих мощностей. В этой связи в нефтеперерабатывающей промышленности Казахстана ряд проблем приобрели характер хронических, и основные из этих проблем следующие:

- высокая доля нелегального оборота нефтепродуктов, которая по автомобильному бензину составляет примерно 50%, в то время как в развитых странах мира она не превышает 10%;
- низкая конкурентоспособность продукции отечественных нефтеперерабатывающих заводов;
- ориентация добывающих компаний на экспорт нефти в связи с постоянным ростом цен на мировых рынках нефти.

Нефтеперерабатывающая отрасль Казахстана представлена тремя крупными предприятиями: ОАО «Атырауский НПЗ», ОАО «Павлодарский нефтехимический завод» и ОАО «PetroKazakhstan Oil Product» (РКОР). Их суммарные производственные мощности позволяют перерабатывать до 18,5 млн т нефти в год и полностью обеспечивать внутренние потребности страны в топливе. Однако на практике производственный потенциал этих предприятий задействован примерно на 50% от номинальной мощности. Тем не менее в динамике обеспечения заводов исходным сырьем уже отмечаются позитивные сдвиги: объем переработки в 2004 г. вырос в сравнении с 2000 г. на 40,4%, Но степень изменения загрузки нефтеперерабатывающих заводов была неодинаковой: на Атырауском НПЗ она выросла в 2003 г. на 6%, на Павлодарском нефтехимическом заводе – в 2,1 раза, на РКОР – на 20,6%. Слишком низкая загрузка исходным сырьем производственных мощностей нефтеперерабатывающих заводов Казахстана явилась

Таблица 6

Производство основных видов нефтепродуктов в Казахстане, тыс. т

Нефтепродукт	1990	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004*
Автомобильный бензин	3494,0	1731,0	1298,0	1255,0	1580,6	1689,8	1838,6	1047,7
Дизельное топливо	4983,0	2495,0	1830,0	1954,0	2236,5	2289,4	2598,5	1572,2
Мазут	6035,0	3042,0	2133,0	2391,0	2328,0	2427,1	2793,3	1357,8

* Январь – июль

основной причиной резкого спада в выработке товарных нефтепродуктов в конце 90-х годов (табл. 6).

Имеющее место снижение степени удовлетворения потребностей в дизельном топливе, автомобильном и авиационном бензине приводит к тому, что внутренний рынок горюче-смазочных материалов постоянно испытывает дефицит. Для решения этой проблемы в Казахстане с 1 июля 2003 г. введен Закон «О государственном регулировании производства и оборота отдельных видов нефтепродуктов», основной целью которого является усиление государственного контроля над рынком нефтепродуктов.

Уровень производства в Казахстане собственных нефтепродуктов заметно отстает от растущего спроса на горючее в связи с бурным развитием экономики и благоприятными изменениями в социальной сфере (табл. 7). В результате сохраняется высокая зависимость страны от импорта нефтепродуктов. Так, в 2004 г. было импортировано более 500 тыс. т бензина, причем основной объем (около 95%) приходился на топливо с низкими октановыми числами. Главным зарубежным поставщиком бензина на рынок Казахстана является Россия (более 98%), в относительно небольших объемах ввозится топливо из Китая и Узбекистана.

Таблица 7

Потребность Казахстана в топливе, млн т

Топливо	1990	1995	2000	2005
Автомобильный бензин	4,3	4,5	4,7	4,8
Дизельное топливо	7,8	8,6	9,5	10,3

Наблюдающаяся на протяжении десятилетий ситуация в нефтеперерабатывающей отрасли Казахстана, когда при увеличивающейся добыче отмечается хроническая недогрузка мощностей по перегонке первичного сырья, имеет еще один специфический аспект: поступающее на переработку сырье используется по своему прямому назначению лишь на 50%. Остальная часть его представляет собой тяжелый остаток, который полностью сжигается в топках котельных, тепловых станций и т.д.

Реальные перспективы в достижении эффективных коммерческих результатов просматриваются сегодня в тех случаях, когда первичные сырьевые ресурсы (нефть, конденсат, природный и попутный газ) вовлекаются в процессы переработки по углубленной схеме извлечения конечных продуктов. Реализация такого направления возможна тогда, когда создаются новые объекты переработки, ориентированные на долговременное поступление качественно однородного сырья.

Экономические выгоды, обеспечиваемые благодаря процессам переработки нефти, в 2–2,5 раза выше по сравнению с выгодами от реализации сырой нефти на внешнем рынке. И это только в условиях неглубокой переработки нефти. Отсюда можно представить общую картину потерь продукции, которая недоизвлекается из тяжелого остатка. Даже укрупненная оценка стоимости нефтепродуктов, получаемых в результате углубленной переработки исходного сырья, убедительно показывает, что главный приоритет в развитии экономики Казахстана следует отдать скорейшему формированию отечественных нефтеперерабатывающего и нефтехимического комплексов.

Комплексное использование нефтегазовых ресурсов страны позволяет достичь высоких экономических результатов. В обобщенном виде они могут быть представлены с помощью следующего сопоставления: суммарная оценка выхода продукции при глубокой переработке нефти и газа может составить 931 долл. США с 1 т сырья, что в 4–4,5 раза больше, чем в случае реализации непосредственно сырья. При этом следует отметить, что к сырью с такими физико-химическими характеристиками, какие присущи нефтям месторождений Казахстана, при совершении экспортных операций предъявляется множество претензий, связанных с его низкими качественными параметрами (наличие значительной доли агрессивных соединений). А это может способствовать снижению коммерческих результатов осуществляемых сделок.

Обладая огромными нефтяными и газовыми ресурсами, наличие которых в любом государстве позволяет успешно решать самые сложные соци-

ально-экономические, технологические, финансовые и валютные проблемы, Казахстан до сих пор не может реализовать это преимущество. Значение углеводородного сырья как уникального и невозобновляемого источника получения широкого ассортимента товарной продукции трудно переоценить. Тем важнее становится его роль в стратегии экономического развития государства. К сожалению, в этой стратегии предпочтение все еще отдается продаже сырой нефти. В конечном итоге такое направление развития экономики, хотя и будет способствовать очередному всплеску в области нефте- и газодобычи, оставит структуру перерабатывающего комплекса на прежнем уровне. Между тем к интенсивному увеличению потенциала этого комплекса и формированию наиболее приемлемых пропорций между нефтегазопереработкой и нефтехимией стремится любая страна – обладательница углеводородных ресурсов.

Пока в Республике Казахстан подобных структурных преобразований не происходит. Более того, в перечне ежегодно выделяемых правительством приоритетных направлений развития нефтегазового комплекса главное внимание уделяется проблемам строительства внешних и внутренних нефтепроводов, реконструкции действующих перерабатывающих заводов. О каких-либо действиях, направленных на создание новых мощностей по переработке углеводородных ресурсов, в соответствующих документах практически нет упоминаний.

Весь спектр проблем, имевшихся в нефтяной промышленности Казахстана, и постепенно обострявшихся, вполне понятно, не может быть решен сразу. Для этого требуется время, надо выбрать партнеров, имеющих желание и средства, для того чтобы участвовать в долговременной программе по сотрудничеству в развитии отрасли, нужно привлечь необходимые инвестиционные фонды как стран ближнего и дальнего зарубежья, так и национальных государственных и коммерческих структур – компаний, корпораций, банков, акционерных обществ.

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ ТОФАЛАРИИ – ТЕРРИТОРИИ ТРАДИЦИОННОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

И.И. Думова, В.М. Парфенов, Т.С. Саратовская

*Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда
фундаментальных исследований (проект № 05-0812/21)*

Современные проблемы развития коренных малочисленных народов объективно связаны с территориальной организацией их традиционной жизнедеятельности. Между тем необходимость обеспечения этим народам условий для сохранения традиционных форм хозяйствования, установленная конституционными и международными нормами, часто не находит отражения в государственной региональной политике. Одним из важных направлений сохранения традиционных форм жизнедеятельности является поддержание определенного характера и режима использования природных ресурсов, в том числе земли. При этом сложившаяся форма организации территориального управления требует изменения.

Зарубежный опыт развития территорий исконного проживания коренных народов доказывает, что решение вопросов об исконных землях традиционного хозяйствования является важнейшим условием дальнейшего социально-экономического развития этих народов. В этом плане большой интерес для России представляет канадский опыт управления исконными землями индейцев*, так как Россия и Канада имеют схожие географические и этнические характеристики.

Опыт Канады показывает возможности повышения эффективности организации и управления развитием территорий проживания коренных народов. Российская же практика, за малым исключением, не имеет таких примеров, что безусловно негативно сказывается на текущем состоянии и перспективных возможностях решения проблем развития корен-

---

* См., например: **Абеле Ф.** Канадский опыт улучшения положения коренных народов на рынке труда // Регион: экономика и социология. – 2004. – № 3.

ных народов. Между тем эти проблемы касаются практически всех сфер их жизнедеятельности. Ярким доказательством тому является тяжелое социально-экономическое положение Тофаларии, где проживает один из самых малочисленных коренных народов России – тофы.

Тофалария – уникальный этноприродный комплекс, расположенный у подножья Восточных Саян на юге Иркутской области на площади 21,6 тыс. кв. км. Население территории сосредоточено в трех поселках Нижнеудинского района (Верхняя Гутара, Алыгджер, Нерха) и насчитывает около 1200 чел., из которых 60% – тофы. Тофалария – это труднодоступная горная местность, связь с которой осуществляется с помощью малой авиации, а также по зимникам. В силу удаленности здесь сохраняется традиционный уклад экономики: охота, оленеводство, коневодство, сбор диких ягод и растений.

Тяжелое социально-экономическое положение местного населения явилось результатом неразвитости производства и сбыта производимой продукции, неготовности населения к организации собственной жизнедеятельности. Демографическая ситуация на территории характеризуется низкой средней продолжительностью жизни и высокой смертностью, причем смертность среди тофов на 30% выше, чем среди остального населения местности. Основными причинами смертности, как и заболеваемости, являются пьянство и бытовые конфликты. Низкая занятость населения (в 2004 г. уровень безработицы составил 63%) обеспечивает соответствующий уровень жизни. Среднемесячная заработная плата в 2004 г. составила 2450 руб., или 65% от среднерайонной. Доля бедного населения здесь достигает 80–90%.

Решению социальных проблем Тофаларии, на наш взгляд, будут способствовать развитие традиционных отраслей экономики – охотничьего промысла, животноводства, горной промышленности, а также создание новой отрасли – индустрии туризма. Основой охотничье-промыслового хозяйства Тофаларии являются ее богатые ресурсы пушных зверей, копытных и хищных животных. Эти ресурсы могут обеспечить значительные финансовые поступления в местный бюджет, а главное, предоставить экономические возможности местным жителям, особенно тофам, для которых охота и оленеводство являются единственными источниками дохода.

Площадь охотничьих угодий Тофаларии составляет более 3 млн га, которые закреплены за охотничьими и родовыми общинами. Промысловой охотой в регионе занимаются около 300 чел. Охотничий и прочий таежный промысел для 30% охотников является основным видом деятель-

ности, а 30–35% – сезонные охотники. По данным Тофаларского потребительского общества охотников-промысловиков, выручка от реализации продукции охотничьего промысла Тофаларии составляет в год около 1,4 млн руб., а поступления в бюджеты разных уровней – свыше 200 тыс. руб. Развитию охотничьего промысла в Тофаларии способствовали бы улучшение материально-технической базы и увеличение стада домашних оленей, насчитывающего сегодня всего 260 голов. Развитие оленеводства в Тофаларии необходимо не только для повышения отдачи охотничьего промысла, но и, главное, для реанимации традиционного хозяйственного уклада тофов и их образа жизни. (В настоящее время уже начато строительство оленеводческой фермы на 1000 голов, и здесь будет создано 25–30 рабочих мест.)

Горно-добывающая промышленность Тофаларии имеет весьма благоприятные предпосылки для развития. Сегодня ведется добыча золота в бассейне р. Бирюсы, где запасы россыпного золота невелики и позволяют добывать не более 400–500 кг в год. Однако добычу золота можно увеличить до 700–800 кг в год за счет освоения месторождения Ергожу, которое в Иркутской области по запасам руд считается богатым полиметаллическим месторождением (золото, серебро, свинец, цинк). Кроме того, значительные налоговые поступления в бюджеты разных уровней (в течение 57 лет – более 174 млн долл. США) обеспечит освоение крупного Зашихинского месторождения редких металлов. При этом горно-добывающие компании должны понести затраты на компенсацию потерь местного населения из-за отчуждения части оленеводческих и охотничьих угодий (сравнительно небольшой территории). Средства от компенсации необходимо направить на развитие в регионе производственной и социальной инфраструктуры. Такая практика широко используется, в частности, в Канаде. В нашей стране, однако, необходимо ее соответствующее законодательное оформление.

Индустрия туризма – одно из перспективных направлений развития экономики Тофаларии, которая обладает богатейшими рекреационными ресурсами. Это район первозданной природы, почти не тронутой хозяйственной деятельностью. В советский период в туристических походах по Тофаларии ежегодно участвовало около 5 тыс. чел. Современные масштабы развития туризма в регионе совершенно не отвечают его потенциальным возможностям. Здесь практически самостоятельно, вне каких-либо официальных организационных форм существует два вида туризма: спортивный и нелегальный охотничий. В том виде, в каком туризм существует в Тофаларии сейчас, он не способствует решению проблемы занятости на-

селения и не генерирует поступления в местный бюджет. Нужно создать специализированные туристические фирмы, которые будут содействовать решению проблемы занятости населения Тофаларии (особенно коренного) и пополнения бюджета региона.

Необходимо упорядочить управление развитием этой и подобных территорий в России. Конечно, существует мнение, что не все из канадского опыта управления развитием территорий, где исконно проживают аборигены, подходит для нашей страны. Суть различий, на наш взгляд, заключается в том, что в России сами коренные малочисленные народы Севера стремятся защитить и сохранить тот образ жизни, который основан на традиционных видах хозяйствования, самобытной культуре и традиционной социальной организации жизнедеятельности, приоритетном пользовании определенными земельными и другими природными ресурсами общего назначения, необходимыми для воспроизводства самого этноса.

Государство идет навстречу этим стремлениям. С учетом общепризнанных принципов и норм международного права, в соответствии с Конституцией РФ и международными договорами оно установило ряд правовых основ гарантий самобытного социально-экономического и культурного развития коренных малочисленных народов Севера. Основу правового регулирования многообразных отношений общества, государственных органов власти и органов местного самоуправления с этими народами составляют три федеральных закона: «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» и «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (далее – Закон о территориях традиционного природопользования). В ряде других федеральных законов содержатся отдельные правовые нормы, также предоставляющие определенные преференции коренным малочисленным народам Севера, например, в сфере пенсионного обеспечения, альтернативной гражданской службы, охоты и промыслов.

Современная российская практика государственного и муниципального управления по отношению к коренным малочисленным народам Севера заключается не только в реализации названных законов по соответствующим предметам ведения и полномочиям, но и в выполнении федеральных и региональных целевых программ, проектов, осуществлении отдельных мероприятий. Например, в рамках федеральной программы «Экономическое и соци-

альное развитие коренных малочисленных народов Севера до 2011 года» в Тофаларии построена школа на 132 места и строится оленеводческая база на 1000 голов с целью увеличения численности тофаларского ездового оленя, который считается самым крупным северным оленем в мире. В рамках аналогичной региональной программы для Тофаларии и эвенкийских поселений других районов Иркутской области готовятся национальные кадры, проводятся мероприятия по охране здоровья, поддержке этнической культуры, традиционных видов хозяйствования. Более того, ежегодно из областного бюджета Нижнеудинскому району выделяются целевые финансовые средства в объеме 20–30 млн руб. на обеспечение жизнедеятельности Тофаларии (на компенсацию транспортных расходов населения, завоз топлива, продуктов и другой социально значимой продукции). Рядом распорядительных актов администрации Иркутской области в 2003 г. общинам и производственным объединениям коренных малочисленных народов Севера на 25 лет выделены в безвозмездное пользование охотничьи угодья, в том числе в Тофаларии – площадью около 2,5 млн га.

Вместе с тем, возвращаясь к вопросам выполнения отечественного законодательства, особо остановимся на проблеме «спящего» Закона о территориях традиционного природопользования (ТТП). Он представляется ключевым для реализации очень важного права коренных малочисленных народов Севера на выделение им и использование территорий традиционного ведения хозяйства. Суть Закона о территориях традиционного природопользования заключается в установлении правовых основ в области создания, охраны и использования таких территорий федерального, регионального или местного значения как одной из форм особо охраняемых природных территорий. Эти территории предназначены для ведения коренными малочисленными народами традиционных образа жизни и хозяйства, для рационального использования объектов растительного и животного мира, а также других природных ресурсов общего пользования. Концептуально данный закон провозглашает очень важное право этих народов на доминирующую роль в пользовании теми землями, где они исторически расселились, охотятся, занимаются оленеводством, рыболовством, промыслами дикоросов. В этом смысле Закон о территориях традиционного природопользования имеет гуманистическую направленность и соответствует ряду важных позиций Конвенции № 169 Международной организации труда. Отметим и то, что образование ТТП федерального, регионального или местного уровня осуществляется на основании обращений лиц, относящихся к коренным малочисленным народам, и общин таких народов или их уполномоченных представителей.

Однако с момента принятия Закон о территориях традиционного природопользования не реализуется, за малым исключением, на всей территории, на которую распространяется его действие, в том числе в Иркутской области. Дело в том, что почти все земли, где исконно проживают и ведут традиционное хозяйство четыре десятка коренных малочисленных народов Севера, находятся в федеральной собственности. Поэтому в соответствии с Законом о территориях традиционного природопользования (ТТП) могут образовываться и их границы утверждаться только решением Правительства РФ, принимаемым по согласованию с органами государственной власти соответствующих субъектов Федерации. В то же время правовой режим ТТП федерального значения устанавливается положением о таких территориях, утверждаемым Правительством РФ. Правительственное постановление до сих пор не принято, а земли, на которых аборигенные народы ведут традиционное хозяйство, относятся к лесному и водному фондам, т.е. к федеральной государственной собственности. Следовательно, реализовать свои права, предоставленные Законом о территориях традиционного природопользования, тофалары и эвенки Иркутской области, как и другие коренные малочисленные народы Севера России, в подобной ситуации не могут.

Такое положение дел отражено в документах и материалах парламентских слушаний, конференций и круглых столов, проходивших в 2003–2005 гг. V Съезда коренных малочисленных народов Севера. В этих материалах отмечено, что Правительство РФ должно разработать и утвердить Положение о порядке образования и режиме использования ТТП федерального значения и что отсутствие такого положения не позволяет сформировать ТТП во многих регионах Севера России.

Администрация Иркутской области вместе с органами власти других регионов проживания коренных малочисленных народов Севера неоднократно представляла федеральным органам материалы и предложения, с тем чтобы определить нормативным правовым актом прямого действия порядок образования и режим использования ТТП федерального значения. Возникает вопрос и о том, почему длительное время Министерству природных ресурсов, в чьей компетенции находятся вопросы образования особо охраняемых природных территорий федерального значения, не было поручено разработать соответствующее положение и в целом подготовить правительственное постановление.

Актуальность данной проблемы подтверждается и тем, что в сентябре 2003 г. было принято специальное постановление Совета Федерации РФ «О мерах по образованию территорий традиционного природопользова-

ния коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». Совет Федерации предлагал Правительству РФ до 2004 г. разработать проект федерального закона о порядке образования и использования ТТП коренных малочисленных народов Севера с привлечением к этой работе представителей заинтересованных регионов, имеющих опыт образования таких территорий, и с участием общин этих народов или их уполномоченных представителей, а при формировании федерального бюджета на 2005 г. предусмотреть выделение целевых средств на осуществление мероприятий по образованию ТТП, в том числе на проектирование, землеустройство, комплексную ресурсную оценку территорий, проведение экспертиз.

На самом деле вариантов разрешения обозначенной проблемы несколько:

- утвердить решением Правительства РФ Положение о порядке образования и режиме использования территорий традиционного природопользования федерального значения как одной из категорий особо охраняемых природных территорий;
- внести изменения и дополнения нормами прямого действия в существующий Закон о территориях традиционного природопользования;
- внести соответствующие изменения при первоочередном принятии нового федерального закона прямого действия взамен прежнего Закона о территориях традиционного природопользования с соблюдением его концептуальных основ;
- при новом разграничении функциональных полномочий по предметам совместного ведения между органами государственной власти Российской Федерации и субъектов Федерации на основании правовых норм Земельного и Лесного кодексов в последних редакциях, а также других законодательных актов, в том числе федерального Закона «Об особо охраняемых природных территориях», принять соответствующие соглашения о режиме использования ТТП. Этими законами предусмотрена возможность для субъектов Федерации резервировать земли и ограничивать хозяйственную деятельность на земельных участках, которые предполагается в обозримой перспективе объявить особо охраняемыми природными территориями.

Сегодня ввиду отсутствия необходимых подзаконных актов Закон о территориях традиционного природопользования практически не рабо-

тает. В то же время, пока этот закон «спит», вполне можно осуществлять резервирование участков таких земель, если в соответствующих субъектах Федерации приняты схемы размещения и развития особо охраняемых природных территорий или территориальные схемы охраны природы.

С середины 2005 г. Министерство природных ресурсов рекомендует еще один возможный способ образования де-юре реальных ТТП коренных малочисленных народов Севера. Предлагается по согласованию с региональными и заинтересованными федеральными органами государственной власти создать национальные парки как особо охраняемые природные территории федерального значения, в отношении которых отечественная правовая база более совершенная и действенная, а уже внутри национальных парков сформировать территории традиционного природопользования. Это позволит при создании ТТП исключить возможность возникновения противоречий с действующим земельным законодательством. Отметим, что такой подход наиболее созвучен нашим представлениям о целесообразности создания в Тофаларии национального парка и закреплении за тофаларскими общинами территорий их традиционного хозяйствования.

Создание национального парка в Тофаларии видится одной из ключевых форм территориальной организации населения, хозяйства и природы в этой «сибирской Швейцарии». Деятельность национального парка, который будет включать в себя и территории традиционного природопользования тофаларских общин, позволит повысить занятость местного населения, активизировать оленеводство, коневодство и охотничье-промысловое хозяйство. Существенно повысится и уровень доходов за счет работы в системе этого учреждения, появятся дополнительные источники дохода – от рекламно-издательской деятельности, производства национальных сувениров, реализации части продукции промыслов. При этом для будущих поколений сохранится уникальный природный комплекс Тофаларии, к минимуму сведется возможность негативного техногенного воздействия, а также станут упорядоченными все допустимые виды рекреации и туризма в этой местности.

Таким образом, совершенствование управления развитием территорий на базе создания организационно-правовых форм традиционного природопользования, безусловно, позволит в существенной степени решить проблемы повышения качества жизни коренных малочисленных народов.

ЭКОНОМИКА ПРЕСТУПНОСТИ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ

А. Боннано

Преступность существовала во все эпохи и во всем мире. Однако разделом науки экономика преступности стала только в конце 60-х годов XX в. Первой публикацией на эту тему была статья Г. Беккера [1], в которой автор показал, что поведение преступников в принципе не отличается от любого другого рационального экономического поведения. Аналитическая схема преступности, по Беккеру, – это статическая модель рационального индивидуального выбора, применимая к любому социальному поведению. Индивид решается на преступление, если ожидаемые выгоды превосходят связанные с ним издержки (выгода – это финансы, а также любое ожидаемое психологическое вознаграждение, а издержки – это деятельность правоохранительных органов, т.е. наказание в виде штрафа и заключения и, соответственно, вероятность этого наказания). Преступник максимизирует полезность в условиях риска, делает выбор между конкурирующими видами деятельности (легальной и нелегальной) с неопределенными последствиями. По этому сценарию все люди по отношению к риску нейтральны, но если принять во внимание их этические установки, то неодинакова их склонность к преступлению. Каждый имеет собственный порог чувствительности, прямо пропорциональный уровню морали и уровню образования и обратно пропорциональный склонности к преступлению. Индивиды реагируют на изменения, и при изменении структуры выгоды меняется их выбор.

Таким образом, в рамках этого подхода отвергается традиционная криминологическая теория, объясняющая преступления биологическими факторами, социальной ущемленностью или психологической и физиологической «врожденной» девиантностью. В отличие от криминологической методологии в экономическом анализе принимаются во внимание общие факторы уровня преступности и для выработки оптимальной политики ее сдерживания исследуется соотношение преступной и правоохранительной деятельности.

После публикации статьи Беккера появилось много работ, развивающих его базовую статическую модель либо с акцентом на экономических и социальных факторах, влияющих на издержки и выгоды криминальных деяний, либо с акцентом на проблеме сдерживания преступности. Уровень преступности изучается в связи с безработицей, величиной дохода, региональным неравенством по доходу. Преступность анализируется с социологических и демографических позиций для объяснения ее устойчиво высокого уровня на определенных территориях, значительной дифференциации этого уровня по территориям. В некоторых работах (см., например, [2, 3]) предлагаются новые модели для описания социальных и динамических последствий индивидуального криминального выбора. Динамические последствия анализируются и теоретически увязываются с формированием привычек, взаимозависимостью предпочтений, образованием капитала, а также с влиянием групп ровесников. Для объяснения участия индивида в криминальной деятельности принимаются во внимание факторы образования и накопления человеческого капитала.

СТАТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ИЗУЧЕНИЯ УРОВНЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Опираясь на гипотезу о рациональном экономическом поведении, Беккер утверждает, что субъект втягивается в преступную деятельность тогда, когда перевес чистой выгоды от этой деятельности над чистой выгодой от любого легального занятия выше ожидаемой тяжести наказания и вероятности ареста. По этой гипотезе преступники (или потенциальные правонарушители), как и вообще все люди, реагируют на воздействия. С одной стороны, подчеркивается роль конкуренции между легальными и нелегальными возможностями. Однако с другой стороны, преступники должны реагировать также на устрашающие перспективы, создаваемые системой правосудия. Поэтому экономический анализ преступности следует применять и при совершенствовании политики преследования, которая включает высокую вероятность разоблачения и наказания преступника, и при определении оптимального размера наказания. В частности, в базовой модели Беккера используются представление об ожидаемой полезности и основополагающая гипотеза об экономической рациональности. Это модель, описывающая индивидуальный выбор в определенный период, когда в условиях риска индивид решает заняться либо противозаконной, либо легальной деятельностью. Выгоды, ожидае-

мые от преступления, – это разность между добычей и упущенным заработком, а издержки преступления – это ожидаемая тяжесть наказания и связанная с ним вероятность ареста.

Ожидаемую индивидом полезность от совершения преступления можно представить в виде

$$E(U) = (1 - p) \cdot U(W + G) + p \cdot U(W + G - S), \quad (1)$$

где U – функция полезности Ньюмена – Моргенштерна для индивида (при $U > 0$); W – нынешнее благосостояние (легальный доход); G – потенциальная чистая выгода от преступления; S – строгость наказания в случае, если индивид будет пойман и приговорен, субъективная вероятность чего равна p . Если предполагать, что индивид стремится максимизировать ожидаемую функцию полезности, он совершит преступление, только если $E(U) - U(W) > 0$.

Но если принять во внимание этические установки, то не все потенциальные преступники имеют одинаковую склонность к совершению преступления. Как уже говорилось, у каждого свой порог чувствительности, прямо пропорциональный уровню морали и образования и обратно пропорциональный склонности к преступлению. Теперь, если включить в модель наличие моральных ценностей, то надо предположить, что, до того как данный индивид совершит противозаконное деяние, ожидаемая чистая выгода от этого деяния должна превышать некоторый порог. Этот порог задается моральным уровнем индивида m , имеющим денежное выражение (чтобы сравнивать с другими переменными в уравнении (1)). Таким образом, при учете моральных ценностей индивид становится преступником, только если $E(U) - U(W) > m$. Это базовое выражение так называемой функции ресурсов преступления, которыми определяется число преступлений, совершаемых рациональным индивидом.

Из этого уравнения следует, что потенциальный преступник, оптимизируя ожидаемую функцию полезности, делает выбор между легальной и нелегальной деятельностью в условиях неопределенности. Если возможность получения легального дохода ниже потенциальной выгоды от преступления, то согласно этой модели число преступлений выше.

В уравнении (1) преступление – это рисковая деятельность, но Беккер считает, что, дифференцируя это уравнение в отношении p и S , мы получаем отрицательные частные дифференциалы, показывающие, что неизбежность и тяжесть наказания пресекают преступность. Это называется гипотезой

тезой сдерживания, и на основе данной гипотезы теория спроса применена к проблеме уголовной юстиции [4].

Неизбежности и тяжести наказания можно добиться увеличением средств, затрачиваемых обществом на арест, осуждение и наказание преступников. И это, возможно, наилучшая политика для сокращения числа преступлений и уменьшения вреда, наносимого ими обществу.

В своей основной работе [1] Беккер разрабатывает сравнительную статическую модель, в рамках которой он рассматривает сдерживающий эффект уголовного законодательства в свете другой гипотезы – гипотезы об отношении индивида к риску. Учитывая, что решение индивида о совершении преступления зависит от параметров уравнения (1), а также от отношения данного индивида к риску, Беккер определяет, что для предотвращения преступлений оптимальным является исполнение правосудия.

В общем случае, когда индивид нейтрален по отношению к риску, он не совершает преступления, если оно «не окупается», т.е. если ожидаемые штрафы выше, чем выгода от преступления: $pS > [E(U) - E(W)]$. Оптимальное значение pS можно получить путем различных сочетаний вероятности и тяжести наказания. Однако различным сочетаниям соответствуют различные издержки. Повышение вероятности ареста и осуждения требует от общества больших затрат. То же самое относится к увеличению сроков заключения. Поскольку арест, осуждение и наказание преступников требуют от общества затрат средств, постольку власти должны сопоставлять эти затраты с преимуществами от снижения преступности. Поэтому Беккер использует анализ «затраты – результат» также при сопоставлении правосудия и преступности, чтобы таким образом оценить эффективность политических решений. При этом он отмечает, что к затратам для общества приводят как преступление, так и правосудие. Преступная деятельность требует затраты ресурсов от преступников. Эти ресурсы можно было бы использовать на более продуктивные и общественно полезные цели. Действительно, преступление требует средств на самозащиту, и эти средства являются дополнительными затратами, связанными с преступлением. Если взять правосудие, то уголовная правоохранительная система может работать только через фактическое распределение ресурсов на полицию и работу судов и тюрем, и все это связано с издержками для общества в целом¹.

¹ Чтобы получить величину издержек общества на поддержание правопорядка, к этим издержкам надо прибавить издержки на арест и наказание преступников (и издержки их родственников).

По рациональной схеме цель правосудия состоит в том, чтобы сократить душевные общественные издержки в связи с преступностью через совершенствование ожидаемых наказаний, т.е. $T_i = p_i S_i$. Оптимальные общественные затраты на исполнение закона и, следовательно, на ожидаемые наказания T_i надо определять путем сопоставления чистых затрат на правосудие с чистой выгодой от предотвращения преступлений. Положительная сторона такого подхода заключается еще и в том, что, для того чтобы наказание за преступление было понято, оно должно быть эквивалентным общественному вреду от него.

Признавая, что повышение вероятности ареста дорого обходится обществу, Беккер показывает, что при наказании предпочтение отдается штрафам. Штрафы позволяют снизить потери, наносимые обществу преступлением. Действительно, хотя при повышении штрафов вероятность наказания может снизиться до нуля, это также может привести к тому, что преступление не будет «окупаться». С этой точки зрения единственный предел наказания – это благосостояние правонарушителей.

В своей модели Беккер показывает, что при оптимальном исполнении правосудия на преступление идут только любители риска, а для противника риска уменьшение p компенсируется тяжестью S . Используя сравнительную статическую модель, Беккер демонстрирует, что чистое увеличение вреда от преступности (при данном количестве преступлений) и чистое увеличение затрат на задержание и осуждение увеличивают оптимальные значения p и S , в то время как повышение затрат на наказания меньше влияет на p и S .

С нормативных позиций Беккер определяет ряд воздействий, которые стимулируют потенциальных правонарушителей к воздержанию от преступления. Отрицательные воздействия имеют целью устрашение неотвратимостью и тяжестью наказания и, соответственно, предотвращение нелегальной деятельности. Положительные воздействия – это общественные механизмы, стимулирующие занятия легальной деятельностью, например программы образования и реабилитации, которые воздействуют на этические ценности индивидов и обеспечивают минимальную чистую выгоду, которая нужна людям, чтобы они не вставали на путь преступлений.

Беккер показывает в своей статье [1], что необходимо изучить социально-экономические и демографические факторы, которыми объясняются не только различия в индивидуальных склонностях к преступной деятельности, но также территориальные различия в уровнях преступности.

Используя подход Беккера, А. Эрлих [5] рассматривает модель распределения времени с фиксированным временем досуга. По его мнению, свобода распоряжения временем прямо влияет на склонность к криминальной деятельности. Эрлих проверил эту идею, исследуя ситуации, когда возможности получения легального дохода измеряются социальными и демографическими факторами. Рассматривая, в частности, преступления против собственности, он обнаружил, что отдача от преступления зависит главным образом от доходов потенциальных жертв преступления. Кроме того, Эрлих проанализировал влияние безработицы на уровень преступности и определил, что безработица является дополнительным показателем возможности получения дохода на легальном рынке труда. Однако его главный вывод состоит в том, что от безработицы преступность зависит меньше, чем от уровней доходов и их распределения.

Для того чтобы объяснить различный уровень преступности на разных территориях и в разных обществах, Эрлих использует показатель уровня образования населения, влияющий на вероятность совершения преступления. Образование может определить ожидаемое вознаграждение как от легальной, так и от нелегальной деятельности. Учитывая дифференциацию по доходу и средний доход, Эрлих показывает связь между средним числом лет обучения у взрослого населения (старше 25 лет) и числом преступлений. Полученный результат может отражать два различных явления. С одной стороны, высокий уровень образования может побудить преступника включиться в более выгодные сектора криминальной деятельности. С другой стороны, с ростом уровня образования и среднего дохода населения в стране повышается и «отдача от преступления», а следовательно, увеличивается чистая полезность противозаконной деятельности².

Результаты Эрлиха существенным образом стимулировали проведение дальнейших исследований. Имеется большое число эмпирических работ, в которых отмечается, что не только возможности рынка труда влияют на криминальное поведение, но и уровень преступности, в свою очередь, влияет на возможности рынка труда. Например, Дж. Гроггер [6]

---

² Следует заметить, что, независимо от преступности, повышение уровня образования может быть связано с более высокими ожидаемыми легальными заработками и, таким образом, оно влечет за собой повышение издержек, связанных с возможным преступным деянием. С этой точки зрения повышение уровня образования приводит к снижению преступности, однако статическая модель Эрлиха этого не улавливает.

выявил отрицательное соотношение между рыночной зарплатой и преступностью. В частности, его результаты показывают, что снижение зарплаты (у молодежи) на 20% приводит к такому же повышению уровня преступности.

Рассмотрев ситуацию в США с середины 70-х до 90-х годов, когда у неквалифицированных рабочих ухудшились возможности получения законной зарплаты, Р. Фриман [7] сделал вывод, что депрессивное состояние рынка труда для неквалифицированных рабочих способствует сохранению высокого уровня преступлений в их среде. В другой работе [8] показано, что районы США, где в середине 80-х и в конце 90-х годов быстрее всего росло число случаев тюремного заключения, являются также районами, где молодежь в этот период имела наихудшие условия занятости и получения заработков. Этот результат подтверждает наличие обратной связи между ситуацией на рынке труда и криминальной статистикой.

Р. Марселли и М. Ваннини, проанализировав высокий уровень организованной преступности на юге Италии, обнаружили, что среди переменных, отражающих вероятность совершения преступлений, имеют высокую статистическую значимость переменные, отражающие безработицу, ценность общественных работ, инициированных правительством, и долю людей, занятых в секторах обслуживания [9].

Сторонники парадигмы Беккера показывают, что исследуемые факторы, способствующие преступности, не полностью объясняют разброс в значениях уровня преступности во времени и пространстве. Причины кроются в недостатках предложенной Беккером статической модели, так как невозможно разобраться, что является причиной и что – следствием. Например, во многих работах рассматривается влияние потенциального легального заработка на уровень преступности, но в них не учитывается возможное влияние преступной деятельности на будущие возможности рынка труда.

НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ УРОВНЯ ПРЕСТУПНОСТИ В РАЗЛИЧНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУППАХ И НА РАЗЛИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

Как показали многие исследования, преступность представляет собой сложное явление, и невозможно объяснить различия в ее уровне, если не учитывать связь между неравенством в доходе и преступностью, а также определенные институциональные и социальные факторы. Проведен ряд

исследований, в которых при некотором отступлении от теоретической парадигмы Беккера для объяснения различного уровня преступности в разных странах рассматривалась дифференциация доходов. У. Чиу и П. Мэдден [10] показали, что людям с низким доходом нечего терять, если они попадают в тюрьму, поэтому стимул принять риск, отваживаясь на преступление (в частности, на кражу со взломом), у них выше, чем у богатых людей. В этом плане интересны данные по Италии, где наряду с экономическими различиями между севером и югом существует также большая разница в количестве преступлений. Р. Челлини и А. Скорку, используя коинтеграционный анализ, исследовали соотношение преступности и экономических параметров на протяжении 40 лет. Они показали, что изменения экономических параметров влияют на характер уровня преступности и что различия между севером и югом по уровню преступности в целом объясняются институциональными различиями (общественной и культурной средой) [11].

Эти и другие данные свидетельствуют о том, что территориальные различия в уровне преступности невозможно объяснить с помощью парадигмы Беккера. Действительно, на теоретическом уровне модель Беккера не полностью объясняет различия в преступности, наблюдаемые в разных социальных группах или на разных территориях, которые идентичны по экономической структуре и социальным основам. С учетом этого были построены новые теоретические модели, в рамках которых рассматривались формирование привычек, социальные взаимодействия и взаимозависимость предпочтений (влияние подростковых групп), а также такие факторы, как накопленный социальный и человеческий капитал, и были получены соответствующие данные. Эти модели эмпирически приводят к улучшению данных, отражающих социальное воздействие на криминальное поведение.

Интересные результаты были получены при анализе формирования привычек. Р. Фриман [12] обнаружил сильное влияние частоты посещения церкви на снижение молодежной преступности среди нуждающихся слоев населения. Г. Таухен и А. Витте [13] показали, что в группе молодых мужчин, если они работают или учатся, вероятность вовлечения в криминальную деятельность меньше. Склонность индивида к совершению преступления повышается, когда его ровесники вовлечены в криминальную деятельность.

Используя «случайный граф» в динамической системе и опираясь на теорию поиска равновесия, авторы работы [14] предложили экономный анализ

социального взаимодействия между преступниками. По этой модели, каждый член общества – это точка на решетке, и поведение индивида объясняется главным образом групповым воздействием со стороны ровесников. Некоторые люди подражают поведению своих друзей. Авторы показывают, что если криминальная деятельность человека повышает выгоды его друга, вовлекая его тем самым в преступление, то уровень преступности повышается. Эта модель объясняет территориальный разброс в значениях уровней преступности социальным взаимодействием между преступниками. В такой модели криминальные взаимосвязи действуют как социальный мультипликатор и тем самым влияют на совокупную преступность.

Т. Вердье и И. Зено [15], исследуя среду в эволюционном плане (используемые для самооправдания представления о различной склонности к преступным деяниям у различных групп населения), дают отношение равновесия между расами, гетто, бедностью и преступностью. В частности, показано, как эффекты социальной мультипликации преступности в пространстве повышаются пропорционально плотности связи. Если все считают, что представители черной расы более склонны к криминалу, чем представители белой расы (даже если этому нет подтверждений), то при полном взаимодействии трех различных рынков (рынка преступлений, рынка труда и рынка жилья) предположительно идентичные субъекты (различающиеся только цветом кожи) могут иметь различное поведение в плане преступности. Поскольку в такой динамической системе субъекты справедливо ожидают взаимодействия этих трех рынков, постольку в связи с мультипликативным эффектом это приводит к тому, что среди представителей черной расы преступников оказывается гораздо больше, чем среди белых.

Анализируя различный уровень преступности в экономически идентичных районах, А. Кальво-Арменьо и И. Зено [16] разработали модель, в которой преступники в своей преступной деятельности конкурируют друг с другом, но могут выигрывать от дружеских связей с другими правонарушителями, обучаясь у них и приобретая соответствующие навыки. Авторы рассматривают почти полное игровое равновесие Нэша применительно к игре, когда индивиды могут решать, во-первых, работать или стать преступниками и, во-вторых, если быть преступниками, то действовать изолированно или участвовать в криминальных группах. Эта теоретическая схема позволяет показать множественные равновесия по различным типам связей, объединяющих преступников. Тогда, согласно этому сценарию, различные районы имеют различные уровни преступности, если в них различны социальные сис-

темы. Авторы показывают мультипликативное воздействие общей сети на совокупные уровни преступности.

Что касается факторов формирования человеческого капитала, то здесь важно выделить исследования Флинна [17]. Анализируя формирование человеческого капитала в рамках модели распределения времени, этот автор предполагает, что человеческий капитал аккумулируется не во время учебы, а во время работы, а значит, преступление отнимает время у работы, и таким образом оно уменьшает величину человеческого капитала, накопленного индивидами. Предполагая, что преступление и работа взаимозаменяемы, Флинн показывает, что снижение человеческого капитала приводит к снижению будущей зарплаты и уменьшению времени, остающегося для работы. Таким образом, с точки зрения Флинна, уменьшение времени, отданного работе, повышает участие в преступной деятельности.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ НАКАЗАНИЙ ДЛЯ СДЕРЖИВАНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

В качестве одной из главных проблем в работе Беккера [1] обозначена оценка тяжести наказания за преступление. По Беккеру, потенциальные преступники выбирают наилучшие альтернативы с точки зрения баланса затрат и выгод. Следовательно, в системе рационального выбора уровень преступности в обществе определяется не только индивидуальными установками и социальными ценностями, но также ожидаемыми затратами, связанными с криминальным поведением. Эти ожидаемые затраты зависят от вероятности и тяжести наказания, осуществляемого органами правосудия, и в частности системой уголовного судопроизводства. Это называется «гипотезой сдерживания» и, как указывает Н. Гарупа, есть просто применение теории спроса [18]. Действительно, люди значимо реагируют на действия со стороны системы уголовного судопроизводства, и, следовательно, согласно данной гипотезе, увеличение средств, ассигнуемых обществом на аресты, осуждение и наказание преступников, снижает уровень преступности и связанные с ним социальные издержки. Вклад в изучение этой проблемы внес Эрлих. В работе, основанной на перекрестном анализе и использовании данных о преступности в различных штатах США, он показывает, что сдерживание имеет значимую эластичность. В частности, Эрлих оценивает эластичность количества преступлений в зависимости от ожидаемого размера наказания и находит значение $(-0,5)$ [5]. Используя регрессию количества

преступлений Эрлиха, Вирен показал, что в Финляндии уменьшение количества преступлений на 30% могло бы быть достигнуто путем увеличения числа арестов на 10% и повышения срока тюремного заключения, эквивалентного 1 месяцу. Этот результат подтверждает мысль о том, что преступление неэкзогенно, т.е. неподвластно политическим мерам. Используя методологию временного ряда, Эрлих показал не только то, что уровень преступности чувствителен к ожидаемому размеру наказания, но и то, что наличие смертной казни оказывает высокосущественное влияние на уровень тяжких преступлений.

Несмотря на множество проведенных исследований, сегодня нет единого мнения относительно сдерживающего эффекта смертной казни. В работах по этой проблеме были использованы и структурные, и динамические регрессии, но эндогенность этой меры не позволит в ближайшем будущем получить однозначный ответ.

Большинство работ по сдерживанию уровня преступности показывают, что уровень арестов и уровень наказания должны быть функцией уровня преступности. Действительно, уровни наказания редко устанавливаются случайным образом, так как обычно власти определяют требуемое число полицейских в зависимости от количества преступлений.

С. Левит [19] показывает, что поток преступников, выпущенных из тюрьмы по амнистии, значительно повышает уровень преступности. Этот автор оценивает влияние увеличения числа полицейских на уровень преступности на основании данных, отражающих расходы на полицию в различных городах в период выборов. Построенная им регрессия показывает умеренное, но вполне значимое влияние числа полицейских на уровень преступности. Его оценки эластичности варьируют от 0,1 до 0,5 [20], что соответствует результатам, полученным ранее Дж. Гроггером [21].

Правосудие не может сводиться к совокупности политических правил, его следует рассматривать как достаточно произвольную совокупность действий в ответ на переговоры и компромиссы между индивидами, имеющими собственные интересы. Представители органов правосудия также имеют свои собственные интересы. Прокуроры хотят быть обвинителями важных преступников и таким образом отличиться. Судьи не всегда стремятся к общественному благу как цели, которую мы имеем в виду, когда говорим о гипотезе сдерживания Беккера. Вообще, в рамках классического подхода к сдерживанию преступности решения по исполнению правосудия рассматриваются как «черный ящик».

Литература

1. **Becker G. S.** Crime and punishment: an economic approach // *Journal of Political Economy*. – 1968. – V. 76.
2. **Eide E.** Economics of crime: Deterrence and the rational offender contributions to economic analysis. – Amsterdam, 1994.
3. **Glaeser E.** An overview of crime and punishment. – Washington: World Bank, 1999.
4. **Garoupa N.** The theory of Optimal Law Enforcement // *Journal of Economic Survey*. – 1997. – V. 11, No. 3.
5. **Ehrlich I.** Participation in illegitimate activities: a theoretical approach and empirical investigation // *Journal of Political Economy*. – 1973. – V. 81.
6. **Grogger J.** Market wages and youth crime // *Journal of Labor Economics*. – 1998. – V. 16, No. 4.
7. **Freeman R.** Why do so many young American men commit crimes and what might we do about it? // *Journal of Economic Perspective*. – 1996. – V. 10, No. 1.
8. **Friedman D.** Why not hang them all: the virtues of inefficient punishment // *Journal of Political Economy*. – 1999. – V. 107.
9. **Marselli R., Vannini M.** Estimating a crime equation in the presence of organized crime // *International Review of Law and Economics*. – 1997. – V. 17.
10. **Chiu W.H., Madden P.** Burglary and income inequality // *Journal of Public Economy*. – 1997. – V. 69.
11. **Cellini R., Scorcio A.** Economic activity and crime in the long-run: An empirical investigation on aggregate data from Italy, 1951–1994 // *International Review of Law and Economics*. – 1998. – No. 18.
12. **Freeman R.** Who escapes: The relation of churchgoing and other background factors to the socioeconomic performance of black male youths from inter city tracks // *The Black Youth Crisis* / Ed. by R. Freeman and H. Holzer. – Chicago: Univ. of Chicago Press, 1986.
13. **Tauchen H., Witte A.D.** Work and crime: an explanation using panel data / National Bureau for Economic Research. Working Paper 1994. No. 4794, July, MA.
14. **Glaeser S., Sacerdote B., Scheinkman J.** Crime and social interactions // *Quarterly Journal of Economics*. – 1996. – V. 111.
15. **Verdier T., Zenou Y.** Racial location and the causes of crime // *International Economic Review*. – 2004. – V. 45, No. 3.
16. **Calvo-Armengol A., Zenou Y.** Social networks and crime decisions: the role of social structure in facilitating delinquent behavior // *International Economic Review*. – 2004. – V. 45, No. 3.
17. **Flinn C.** Dynamic models of criminal careers // A. Blumstein et al. *Criminal Careers and Career Criminals*. – Washington: National Academy, 1986.
18. **Garoupa N.** Behavioral economic analysis of crime: a critical review // *European Journal of Law and Economics*. – 2003. – No. 15.
19. **Levitt S.** The effects of prison population size on crime rates: evidence from prison overcrowding litigation // *Quarterly Journal of Economics*. – 1996. – V. 111.
20. **Levitt S.** Juvenile crime and punishment // *Journal of Political Economy*. – 1998. – V. 106.
21. **Grogger J.** Certainty vs. severity of punishment // *Economic Inquiry*. – 1991. – V. 29.

ТАРИФНАЯ ПАУЗА ЕСТЕСТВЕННЫХ МОНОПОЛИЙ

В.М. Зубов

Ряд депутатов Государственной думы представили на рассмотрение законопроект о замораживании на 2006 г. тарифов естественных монополий. Почему народные избранники считают целесообразной столь жесткую меру? Что побудило депутатов-рыночников выступить с предложением антирыночного, на первый взгляд, законопроекта?

Лично меня волнует ответ на следующие вопросы: как увеличить темпы роста, которые затухают, и что делать со стабилизационным фондом? Нынешнее правительство ответов на эти вопросы не знает. Абсолютно прав министр экономического развития и торговли, когда говорит, что углеводородные отрасли исчерпали динамику развития. Капитальные инвестиции идут туда, где меньше риска и больше доходность. Расчеты показали: основные резервы у нас сегодня в организации услуг естественных монополий. Этого нельзя сделать без того, чтобы государство простимулировало их по-другому работать. Они являются монополиями, у них нет конкурентов, которые побуждают к эффективной работе.

Идея тарифной паузы – заставить монополии работать по-другому, что, в свою очередь, будет стимулировать рост в отраслях экономики, потребляющих продукцию и услуги данных монополий. Тарифная пауза позволит поднять рентабельность в обрабатывающих отраслях промышленности, а также улучшить положение в социальной сфере. Ведь социальный эффект от ежегодного повышения зарплат, пенсий и социальных выплат во многом девальвируется высокой инфляцией, а наибольший вклад в увеличение инфляции вносит безудержный рост тарифов естественных монополий, который провоцирует повышение себестоимости у производителей товаров и ус-

луг по всей стране. Например, в тарифах ЖКХ третью часть себестоимости составляют затраты на газ и электроэнергию. Если мы проведем реформу ЖКХ так же неподготовленно, как и монетизацию льгот, то получим очередной социальный скандал в масштабах страны.

Таким образом, тарифная пауза преследует три цели: заставить монополии эффективно работать, стимулировать экономический рост и снять социальное напряжение в преддверии реформы ЖКХ.

Для того чтобы понять, есть ли резервы у монополий для заморозки цен, мы провели соответствующие расчеты. Можно спорить по поводу представленных выводов и признать возможные ошибки или пропуски. Расчеты были основаны на следующем принципе. Допустим, монополия делает заявку на повышение тарифов в следующем году на 20%, и это выливается в сумму, равную примерно 2 млрд долл. США. Тогда берутся отчетность данной компании, протокол заседания правительства, которое дважды в этом году рассматривало тарифную заявку компании, и расчетами показывается, что такие деньги у нее есть. И компания может получить искомую сумму за счет оптимизации и повышения эффективности своей деятельности.

Процесс законодательного обуздания непомерных тарифных аппетитов монополий депутаты начали еще в 2001 г. Только с 2003 г. удалось ввести порядок, при котором монопольные тарифы устанавливаются лишь один раз в год – до принятия бюджета следующего года в части тепловой и электрической энергии и не могут быть пересмотрены без внесения изменений в бюджет. Правительство так и не согласилось с законодательным оформлением такого порядка для всех монополий. Одной из причин подобного состояния дел является то, что вокруг идеи о тарифной паузе установился своеобразный заговор молчания как со стороны ведущей фракции Думы, так и со стороны правительства. Между тем я убежден, что тарифная пауза на следующий год – это путь к повышению темпов роста экономики.

Тарифная пауза для монополий на первый взгляд кажется нерыночным решением. У монополий, по определению, не бывает рыночных решений. Монопольные рынки государство обязано регулировать административными методами. Например, не так давно на совещании у министра промышленности и энергетики В.Б. Христенко частные нефтяные компании решили разом заморозить топливные цены. Это означает, что рыночные механизмы не работают и государство вынуждено идти на меры административного давления в нефтяном

секторе экономики. Хотя формально это конкурентный сектор, но по сути он монополизирован, так как нефтяники поделили региональные рынки на территории монопольного влияния. Их не могут поймать за руку, потому что не хотят ловить. Мы предлагаем решать вопросы с монополиями по-другому, устанавливая правила игры заранее, что позволит этим компаниям вовремя скорректировать программы развития, бизнес-планы, издержки производства и т.д. По-моему, это решение лучше того, что предложило правительство по ценам на моторное топливо.

Недавно выступил министр финансов А.Л. Кудрин. Он сказал, что правительство не может влиять на монополии, – этот вопрос находится только в компетенции Президента РФ. О необходимости контролировать издержки естественных монополий мы заявили еще в 2001 г. Все последующие годы правительство не может законодательно решить этот вопрос. Хотя, как видим, ему приходится использовать административные рычаги управления, чтобы навести элементарный порядок в экономических отношениях. Связка в планировании тарифов и бюджета уже установилась. В трехлетнем финансовом плане правительства уже спрогнозированы тарифы на три года вперед. То есть правительство вынужденно принимает аналогичные меры. Поэтому принятие закона о тарифной паузе – это помощь правительству в принятии правильного решения. Я убежден, что в правительстве есть понимание правильности предлагаемого нами решения. Так же как и в правящей фракции Государственной думы, большинство депутатов поддерживают законопроект о тарифной паузе, но почему-то он не выносится на голосование.

Конечно, монополии будут недовольны неравным положением с их поставщиками, которые в случае введения тарифной паузы свои цены не заморозят. Однако, во-первых, можно заранее провести переговоры с поставщиками и отказаться от особо алчных. Во-вторых, монополии накопили достаточно «жирка» (об этом говорят их последние покупки), чтобы безболезненно пережить год тарифной паузы

Средства массовой информации пока слабо освещают предложение о тарифной паузе. Надо раскрыть людям суть этого предложения, показать, как его реализация отразится на субъектах экономики и экономике в целом. Далее, необходима хартия для поддержки экономической идеи общенациональной значимости. Я думаю, что промышленные и деловые союзы как раз и существуют для того, чтобы по ка-

ким-то общегосударственным вопросам объединять свои усилия. Может быть, это хороший повод для того, чтобы совместными усилиями изменить в позитивном направлении нынешнюю парадигму экономического развития страны.

© Зубов В.М., 2006

СВОДНЫЕ ИНДЕКСЫ ПОЛОЖЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ФЕДЕРАЛЬНЫМ ОКРУГАМ В 2005 г.

С.А. Суспицын

В обзоре представлены сводные индексы положения регионов России за 2005 г., рассчитанные по данным оперативной статистики Федеральной службы государственной статистики за 2000–2004 гг. Региональные индексы за предшествующие годы и методики их расчета опубликованы в предыдущих номерах журнала. Оценки за 2005 г. получены на основе продолжения тенденций изменения таких индексов за период 2000–2004 гг. Прогнозные расчеты были организованы следующим образом. На первом этапе для каждого региона в режиме ретроспективных прогнозов осуществлялся выбор модели наилучшего приближения (из заданных 10 моделей, различающихся предположениями об их поведении во времени). На втором этапе по выбранным моделям делался собственно прогноз сводных индексов.

Динамика индексов регионов по маргинальным группам (десятка лучших и десятка худших регионов по условиям 2005 г.) представлена в таблице.

Результаты прогнозов по федеральным округам приведены на рис. 1–7. Для сравнения произошедших в регионах изменений прогнозные оценки 2005 г. сопоставляются на диаграммах с региональными индексами за 2000 г.

Динамика региональных индексов по маргинальным группам

Регион	2000	2001	2002	2003	2004	2005
<i>Регионы-лидеры</i>						
г.Москва	209,6	199,3	195,2	203,5	195,8	205,3
Тюменская обл.	248,6	256,7	209,1	218,6	193,9	192,0
Сахалинская обл.	73,5	92,5	86,6	98,2	135,9	186,6
Липецкая обл.	123,6	129,4	124,8	154,0	147,5	176,7
Московская обл.	104,0	101,0	99,4	110,7	130,2	153,7
Республика Татарстан	158,4	163,3	138,0	147,2	146,1	148,5
г.Санкт-Петербург	102,3	105,4	104,2	117,6	131,8	146,0
Республика Башкортостан	118,5	120,4	109,4	126,2	119,7	138,9
Оренбургская обл.	122,6	114,0	104,1	120,0	123,8	133,2
Белгородская обл.	129,7	120,1	112,4	119,1	122,2	126,5
<i>Регионы-аутсайдеры</i>						
Республика Бурятия	62,1	67,4	73,8	72,5	68,5	63,2
Ивановская обл.	55,3	54,3	53,4	57,3	59,1	61,8
Республика Карелия	77,0	82,3	77,1	70,4	75,3	61,8
Еврейская авт. обл.	51,5	58,1	59,2	59,0	64,9	61,6
Республика Дагестан	44,5	51,2	49,7	54,6	57,3	60,8
Кировская обл.	69,3	69,0	66,0	62,7	56,8	52,1
Амурская обл.	69,8	80,5	75,6	63,4	69,0	51,8
Республика Адыгея	69,1	65,7	56,3	56,0	52,4	50,0
Республика Тыва	31,4	45,0	46,2	44,1	49,1	45,7
Республика Ингушетия	30,8	33,3	27,3	24,6	26,3	30,2

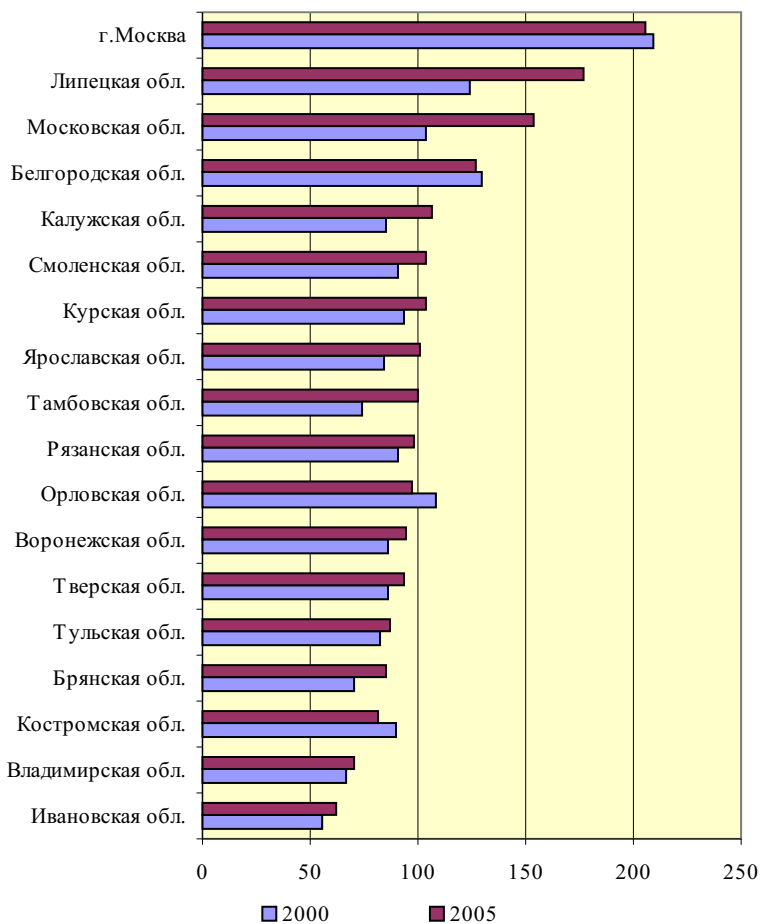

Рис. 1. Сводные индексы положения регионов Центрального федерального округа в 2005 г. (оценка)

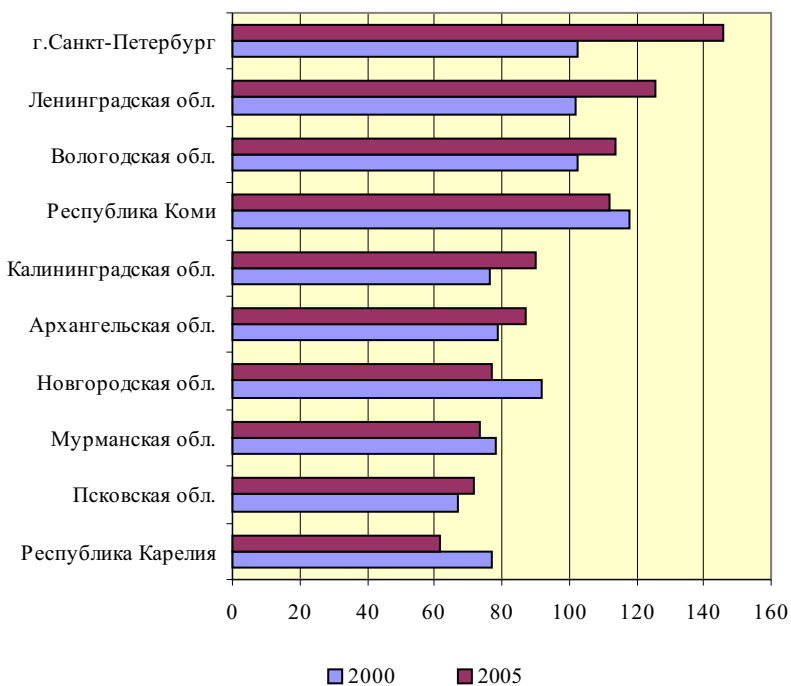

Рис. 2. Сводные индексы положения регионов Северо-Западного федерального округа в 2005 г. (оценка)

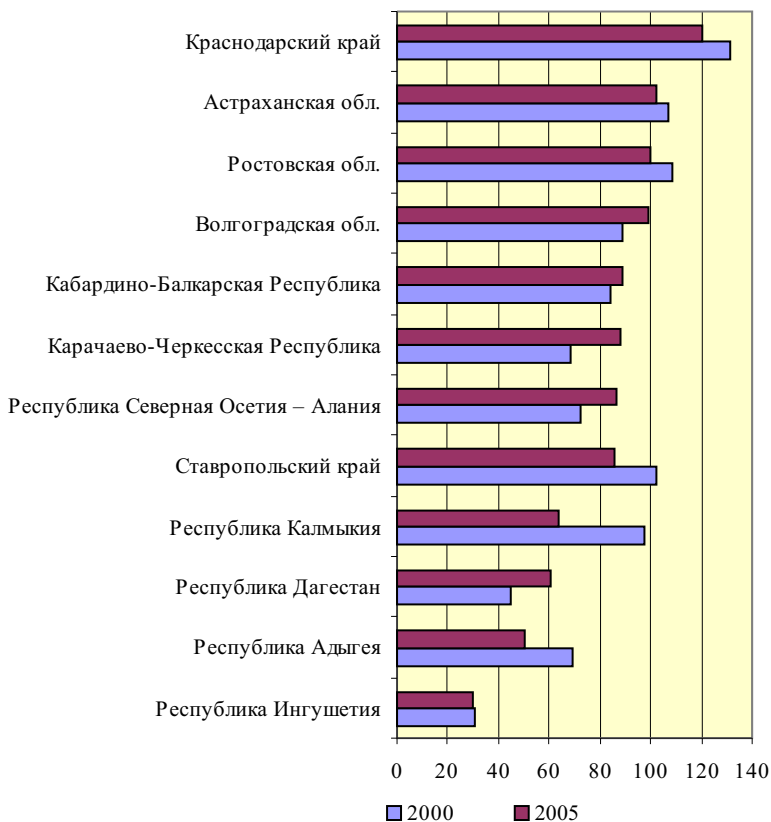

Рис. 3. Сводные индексы положения регионов Южного федерального округа в 2005 г. (оценка)

Рис. 4. Сводные индексы положения регионов Приволжского федерального округа в 2005 г. (оценка)

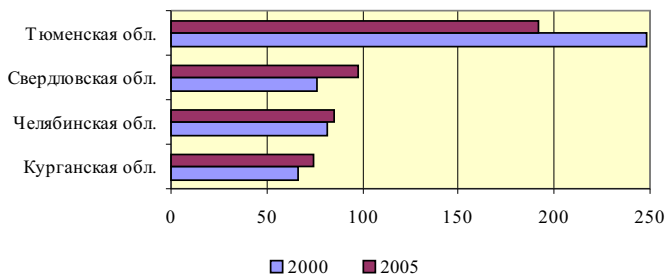

Рис. 5. Сводные индексы положения регионов Уральского федерального округа в 2005 г. (оценка)

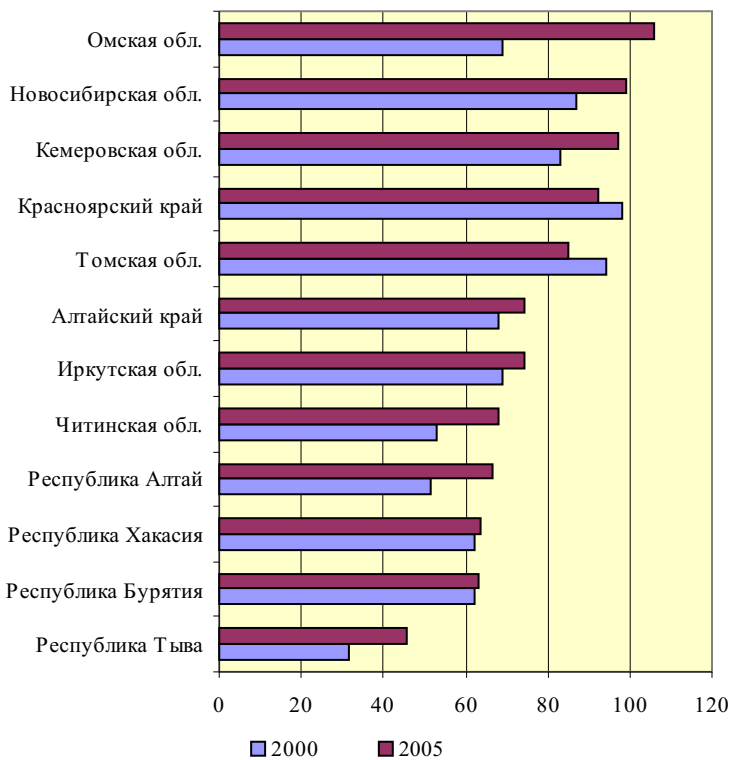

Рис. 6. Сводные индексы положения регионов Сибирского федерального округа в 2005 г. (оценка)

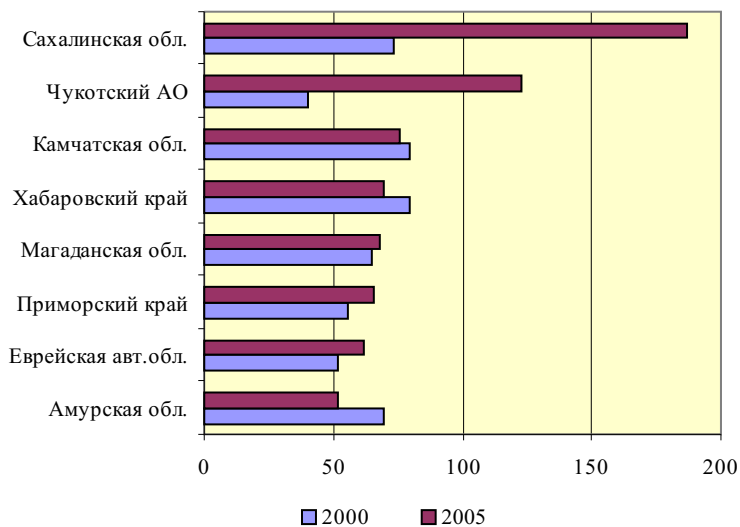

Рис. 7. Сводные индексы положения регионов Дальневосточного федерального округа в 2005 г. (оценка)

НАШИ АВТОРЫ

Дубнов Александр Павлович, доктор экономических наук, профессор Уральского гуманитарного университета, Екатеринбург, dubnov_ar@mail.ur.ru

Дубовцев Валерий Аркадьевич, кандидат политических наук, заместитель министра правительства Свердловской области, Екатеринбург

Зверев Валерий Сергеевич, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства (ИЭОПП) СО РАН, Новосибирск

Лавровский Борис Леонидович, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой Новосибирского государственного технического университета, Новосибирск

Суслов Виктор Иванович, член-корреспондент РАН, заместитель директора ИЭОПП СО РАН, Новосибирск, suslov@ieie.nsc.ru

Унтура Галина Афанасьевна, доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИЭОПП СО РАН, Новосибирск, untura@ieie.nsc.ru

Ларина Надежда Ивановна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ИЭОПП СО РАН, Новосибирск

Суспицын Сергей Алексеевич, доктор экономических наук, профессор, заведующий отделом ИЭОПП СО РАН, Новосибирск, susp@ieie.nsc.ru

Крюков Валерий Анатольевич, доктор экономических наук, профессор, заведующий сектором ИЭОПП СО РАН, Новосибирск, valkryukov@online.nsk.su

Кулешов Валерий Владимирович, академик, директор ИЭОПП СО РАН, Новосибирск, ieie@ieie.nsc.ru

Лугачева Лариса Ивановна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИЭОПП СО РАН, Новосибирск

Соломенникова Елена Афанасьевна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ИЭОПП СО РАН, Новосибирск, esol@ieie.nsc.ru

Арсентьева Нина Михайловна, научный сотрудник ИЭОПП СО РАН, Новосибирск, ars@ieie.nsc.ru

Бусыгин Владимир Петрович, кандидат экономических наук, доцент Государственного университета «Высшая школа экономики», Москва

Харченко Ирина Игоревна, старший научный сотрудник ИЭОПП СО РАН, Новосибирск, kharchen@ieie.nsc.ru

Татаркин Александр Иванович, член-корреспондент РАН, директор Института экономики УрО РАН, Екатеринбург, olga_ie@mail.ru

Марков Леонид Сергеевич, младший научный сотрудник ИЭОПП СО РАН, Новосибирск, lmarkov@ieie.nsc.ru

Ягольницер Мирон Аркадьевич, кандидат экономических наук, заведующий отделом ИЭОПП СО РАН, Новосибирск, miron@ieie.nsc.ru

Наумова Алла Васильевна, кандидат экономических наук, доцент Сибирского университета потребительской кооперации, Новосибирск, wowat@online.nsk.ru

Егоров Олег Иванович, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики Министерства образования и науки Республики Казахстан (ИЭ МОН РК), Алматы, ieconom@academset.kz

Чигаркина Ольга Анатольевна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИЭ МОН РК, Алматы, ochigarkina@mail.ru

Думова Ирина Ивановна, доктор экономических наук, профессор, заведующая отделом при Президиуме Иркутского научного центра СО РАН, Иркутск, dumova@isc.irk.ru

Парфенов Владимир Михайлович, кандидат географических наук, советник департамента по делам Севера администрации Иркутской области, Иркутск

Саратовская Татьяна Сергеевна, консультант отдела стратегических разработок комитета экономического анализа и прогнозирования администрации Иркутской области, Иркутск.

Боннано Анна, доктор экономики, профессор Неапольского университета им. Федерико II, Неаполь, Италия, abonanno@lex.unict.it

Зубов Валерий Михайлович, доктор экономических наук, профессор, депутат Государственной думы, Москва